

RESPUBLICA
LITERARIA

№2 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Бровкин В. В. Представления о созерцательной и деятельной жизни в ранней эллинистической философии	5
Вольф М. Н. «Книга о религиях и сектах» аш-Шахрастани как исмаилитский источник: смена историко-философской парадигмы.....	18
Розов Н. С. Революции и гуманистический смысл истории.....	35
Смирнов С. А. Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Ч.2.	50

СОЦИОЛОГИЯ

Винокурова А. В., Адиев А. З. Семья и работа в системе ценностных ориентаций жителей Дагестана.....	74
--	----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кшевевин Н. В., Симоненко О. А. Биополитика как аспект государственного управления нелиберальных политических режимов (на примере КНР).....	86
Farnika M., Nowosad I. Is it Possible to Develop Entrepreneurship at School?....	98

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Абакумова Е. Б. Правовые аспекты управления сферой труда и занятости инвалидов в Новосибирской области.....	113
Артемова А. Н. Юридическая фикция: способы применения в гражданском праве Российской Федерации.....	121

CONTENTS

PHILOSOPHY

Brovkin V. V. The representations on the contemplative and active life in early hellenistic philosophy	5
Volf M. N. “The book of sects and creeds” by al-Shahrastani as an ismaili source: switch the paradigm in history of philosophy	18
Rozov N. S. Revolution and humanistic meaning of history.....	35
Smirnov, S. A. Philosophical Davos as a reason for divorce. M. Fridman’s version. Part 2.	50

SOCIOLOGY

Vinokurova A. V., Adiev, A. Z. Family and work in the system of value orientations of Dagestan residents	74
---	----

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Kshevin N. V., Simonenko O. A. Biopolitics as an aspect of public administration in non-liberal political regimes (on the example of the Chinese national Republic)..	86
Farnika M., Nowosad I. Is it Possible to Develop Entrepreneurship at School?....	98

LEGAL STUDIES

Abakumova E. B. Rights of persons with disabilities in the sphere of labor and employment in the Novosibirsk region	113
Artemova A. N. Legal fiction: methods of application in the civil law of the Russian Federation.....	121

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ И ДЕЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В РАННЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
v.brovkin@ngs.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о предпочтительном образе жизни в ранней эллинистической философии. Установлено, что для многих философов созерцательная и деятельная жизни были равноценны. Данной позиции придерживались Деметрий Фалерский, ранние стоики, вероятно Ксенократ и Менедем из Эретрии. Дикеарх отдавал предпочтение деятельной жизни. Предпочтение созерцательной жизни отдавали Аристотель, Теофраст и Эпикур. При том, в отличие от Аристотеля и Теофраста, Эпикур рассматривал созерцательную жизнь не как цель, а только как средство достижения безмятежности. Также было установлено, что высокий ценностный статус деятельной жизни в ранней эллинистической философии был обусловлен сохранением полисной системы и образованием эллинистических монархий, в которых открылись широкие возможности для участия философов в политической деятельности. Стремление к созерцательной жизни было связано с кризисом полисной системы.

Ключевые слова: созерцательная жизнь, деятельная жизнь, ранний эллинизм, полис, Аристотель, перипатетики, ранние стоики, Эпикур.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2021). Представления о созерцательной и деятельной жизни в ранней эллинистической философии. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 5-17. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.5-17.

THE REPRESENTATIONS ON THE CONTEMPLATIVE AND ACTIVE LIFE IN EARLY HELLENISTIC PHILOSOPHY

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
v.brovkin@ngs.ru

Abstract. It is established that the question of the preferred way of life was actualized in the early Hellenistic philosophy. For many philosophers, the contemplative and the active life were equivalent. This position was held by Demetrius of Phalerum, early Stoics, probably Xenocrates and Menedemus of Eretria. Dicaearchus preferred an active life. Aristotle, Theophrastus, and Epicurus preferred the contemplative life. Unlike Aristotle and Theophrastus, Epicurus viewed the contemplative life not as an end, but only as a means of achieving serenity. It was also found that the high value of active life in early Hellenistic philosophy was due to the preservation of the polis system and the formation of Hellenistic monarchies, which opened up wide opportunities for philosophers to participate in political activities. The desire for a contemplative life was associated with the crisis of the polis system.

Keywords: contemplative life, active life, early Hellenism, Polis, Aristotle, peripatetics, early stoics, Epicurus.

For citation: Brovkin, V. V. (2021). The representations on the contemplative and active life in early hellenistic philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 5-17. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.5-17.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о том, какому образу жизни отдавали предпочтение греческие философы в период раннего эллинизма и какую роль в формировании этих предпочтений сыграли социально-исторические условия. В научной литературе распространилось представление о том, что в эллинистическую эпоху в греческой философии произошел поворот от деятельной жизни к созерцательной. Как полагает М. Ю. Биркин, смещение акцента в сторону созерцательной жизни в античной философии в эпоху Римской империи «во многом было связано со своеобразной эллинизацией римской культуры» [Биркин, 2016, с. 41]. Отмечается, что римский стоицизм и неоплатонизм с их отходом от деятельной жизни имели глубоко эллинистические корни. М. Ю. Биркин не объясняет, в чем заключалось это эллинистическое влияние. Однако другие исследователи уже давно обратили внимание на этот вопрос. Согласно Э. Бевану, уход греческих философов в созерцательную жизнь в эпоху эллинизма был обусловлен истощением полисной системы и как следствие утратой почвы под ногами. В новых социально-исторических условиях наблюдалась усталость от нестабильности в окружающем мире и отвращение к политической деятельности [Bevan, 1923, p. 79-80]. В упрощенном виде точка зрения Э. Бевана сводится к тезису о том, что отрешенность эллинистических философов была порождена исчезновением политической свободы [Bevan, 1923, p. 99]. Данная точка зрения восходит к Гегелю и Э. Целлеру. В трудах этих исследователей впервые была зафиксирована мысль об уклонении от деятельной жизни и о повороте к внутреннему миру человека в эллинистической философии в связи с политическим упадком Греции [Гегель, 1932, с. 325-326; Zeller, 1880, p. 15-17]. Отдельные современные исследователи оспаривают данную точку зрения. Как полагает Э. Браун, стоики и эпикурейцы противостояли представлению Платона и Аристотеля о созерцательной деятельности как высшем благе [Brown, 2008, p. 79-80]. Также Э. Браун критикует тезис об упадке полиса в эпоху эллинизма. Как отмечает исследователь, некоторые философы продолжали служить полису и в эпоху эллинизма [Brown, 2008, p. 80]. О том, что созерцательная жизнь не вытеснила деятельный образ жизни в ранней эллинистической философии, говорят Т. Бенатвиль и М. Бонацци [Bénatouïl & Bonazzi, 2012, p. 5].

Говоря об образах жизни, мы будем иметь в виду то, что Аристотель назвал в «Никомаховой этике» созерцательной и деятельной жизнью. В X книге «Никомаховой этики» Аристотель доказывает, что «счастье состоит в деятельностях сообразно добродетели» [Аристотель, 1983, с. 281]. Главным аргументом, согласно Аристотелю, является то, что добродетельная деятельность избирается ради нее самой, а не ради чего-либо иного. Аристотель полагает, что в основе счастливой жизни находится деятельность наилучшей и наивысшей части человеческой души. А таковой является разумная часть души и связанная с ней добродетель. Но добродетельная деятельность, по мнению Аристотеля, бывает двух видов. Один вид деятельности или образ жизни связан с человеческим умом. Этот образ жизни Аристотель называет созерцательной ($\theta\epsilon\omicron\rho\eta\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma$) жизнью. Другой образ жизни, связанный с поступками, философ называет деятельной жизнью. Что Аристотель вкладывает в эти понятия? Под созерцательной жизнью Аристотель понимает жизнь философа, «которая свободна от всякой внешней деятельности» [Аристотель, 1983, с. 591]. Полагаем, что мы не ошибемся, если назовем этот образ жизни научно-философским. Под деятельной

жизнью Аристотель понимает, прежде всего, политическую деятельность. В VII книге «Политики» философ прямо пишет, что политическая и практически деятельная жизнь (πολιτικὸς καὶ πρακτικὸς βίος) являются одним образом жизни [Аристотель, 1983, с. 591]. Также в «Никомаховой этике» Аристотель отмечает, что «для добродетелей, обращенных на поступки, область деятельности – государственные или военные дела» [Аристотель, 1983, с. 282].

Согласно Аристотелю, оба этих образа жизни заслуживают всяческого одобрения и достойны избрания. Но наивысшее счастье Аристотель связывает с созерцательной деятельностью. Какие аргументы Аристотель приводит в пользу своего мнения? Он рассуждает следующим образом. Наивысшее счастье заключается в деятельности добродетели наивысшей части души. Этой добродетелью является мудрость, а наивысшей частью души является ум. Созерцательная жизнь доставляет наибольшее и самое чистое удовольствие. Также созерцание является наиболее самодостаточной деятельностью, поскольку его целью является само созерцание, а не что-либо иное. Нельзя не отметить, что в основе представлений Аристотеля о созерцательной жизни лежит его учение об Уме (νοῦς). В XII книге «Метафизики» Аристотель характеризует Ум как мышление о мышлении. Согласно Аристотелю, деятельность Ума является самой лучшей и вечной жизнью. Философ пишет, что умозрение (θεωρία) Ума – «самое приятное и самое лучшее» [Аристотель, 1976, с. 310]. Следовательно, задача человека, по Аристотелю, заключается в том, чтобы максимально приблизиться к подобному образу жизни.

Что касается деятельной жизни, то ее Аристотель связывает, прежде всего, с рассудительностью (φρόνησις). Именно эта добродетель и соответствующая ей часть души отвечают за принятие решений в области государственных дел и политики. Однако в иерархии добродетелей Аристотеля рассудительность стоит ниже мудрости. Рассудительность направлена на получение пользы для человека или государства, а мудрость направлена на постижение вещей божественных, но бесполезных [Аристотель, 1983, с. 179-180]. На основании этого Аристотель делает вывод о том, что наивысшей ценностью обладает тот образ жизни, который приобщает человека к божественному и дарит наиболее чистое блаженство. Кроме этого, какой бы красотой и величием не обладала политическая деятельность, она все-равно будет лишена самодостаточности, поскольку она никогда не будет избираться ради нее самой. Таким образом, в вопросе о соотношении созерцательной и деятельной жизни Аристотель отдал свой голос в пользу созерцания. При этом следует подчеркнуть, что Аристотель высоко оценивал и деятельную жизнь. О важности деятельной жизни для государства Аристотель говорит в VII книге «Политики». Но к практической жизни Аристотель относит как политическую жизнь, так и созерцательную, отмечая, что «практическими являются не только идеи, применяемые ради положительных последствий, вытекающих из самой деятельности, но еще большее значение имеют те теории и размышления, цель которых – в них самих и которые существуют ради самих себя» [Аристотель, 1983, с. 595]. Как мы видим, Аристотель является сторонником представления о том, что в хорошем государстве созерцательная и деятельная жизнь дополняют друг друга.

После смерти Аристотеля в Ликее развернулась полемика вокруг вопроса о предпочтительном образе жизни. Источники сообщают, что в период раннего эллинизма в Ликее обозначились две позиции по данному вопросу. Первую позицию представлял

Теофраст, который, как сообщает Цицерон, ставил превыше всего созерцательную жизнь [Цицерон, 1949, с. 123]. Будучи крупнейшим ученым и философом своего времени, Теофраст, судя по всему, разделял мнение Аристотеля о том, что самой прекрасной и блаженной является созерцательная жизнь. Но в позиции Теофраста был один момент, который добавлял в нее пессимистический оттенок. В «Тускуланских беседах» Цицерон сообщает, что, умирая, Теофраст жаловался на природу за то, что она дала короткую жизнь человеку, «хотя она ему очень нужна: если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук» [Цицерон, 1975, с. 291]. Как верно отмечает Т. Бенатвилль, согласно Теофрасту, созерцательной жизни всегда будет мешать отсутствие оптимальных условий для нее и связанная с этим печаль [Bénatouïl, 2012, p. 39]. Мы не знаем, что думал Теофраст о деятельной жизни. Если учесть его интерес к политике и тот факт, что он был учеником Платона и Аристотеля, то можно предположить, что он ставил деятельный образ жизни на второе место. В вопросе о соотношении между созерцательной и деятельной жизнью Теофраст, вероятно, полностью разделял точку зрения Аристотеля. Другой видный перипатетик Дикеарх занял иную позицию в вопросе о предпочтительном образе жизни. По сообщению Цицерона, Дикеарх отдавал предпочтение деятельному образу жизни [Цицерон, 1949, с. 123]. Дикеарх считается учеником Аристотеля и Теофраста, и то, что он разошелся в вопросе о предпочтительном образе жизни со своими учителями, говорит о многом. Прежде всего, о том, что в период раннего эллинизма в греческой философии продолжали появляться сторонники деятельной жизни.

О том, что стремление к умозрительной жизни не стало господствующим в ранней эллинистической философии, говорит и история с Деметрием Фалерским. Об этом крупном государственном деятеле и ученике Теофраста с восхищением высказывается Цицерон. Теофраст, по мнению Цицерона, вывел политическую науку «не только на свет солнца и на песок арены, но и для испытаний в битвах» [Цицерон, 1966, с. 138]. Теофраст оказался тем, кто превзошел всех философов, занимавшихся политикой, и всех государственных деятелей, занимавшихся философией. Как пишет Цицерон, Деметрию Фалерскому удалось преуспеть как на научно-философском поприще, так и на политическом [Цицерон, 1966, с. 138]. Мы не знаем, какому образу жизни отдавал предпочтение сам Деметрий Фалерский. Если судить по его биографии, то напрашивается вывод о том, что он считал наиболее достойным такой образ жизни, который сочетал созерцание и активную практическую деятельность. Итак, в случае с Ликеем мы имеем дело с философской школой, в которой обострилось противостояние в вопросе о предпочтительном образе жизни. Но, несмотря на очевидное расхождение во взглядах, всех перипатетиков, на наш взгляд, объединяло представление о безусловной ценности как созерцательной, так и деятельной жизни.

Не могли обойти стороной вопрос о предпочтительном образе жизни представители Древней Академии. Ученики и последователи Платона, как никто другие, должны были быть равнодушны к этому вопросу. Однако, мы вынуждены признать, что не располагаем сведениями, которые бы проливали свет на данную тему. Попробуем сделать какие-то выводы на основании того немногочисленного, что нам известно. Так, Ксенократ считается автором сочинения «Об образах жизни» (Περὶ βίωων). Также известно о его активном участии в политической деятельности. Упоминается его деятельность в качестве посла в переговорах с правителями Македонии Филиппом II и Антипатром. Кроме этого, не стоит забывать и о влиянии Платона. Насколько значительным было это влияние – неизвестно. Но мы

полагаем, что представление Платона о важности деятельной жизни не могло полностью отвергаться его последователями. Выскажем предположение, что академики в период раннего эллинизма, если и не разделяли полностью взгляды Платона о предпочтительном образе жизни, то, как минимум, не сильно от них отклонялись. Также мы не исключаем, что в Академии велась такая же дискуссия о предпочтительном образе жизни, как и в Ликее. В качестве доказательства этой версии, впрочем, достаточно слабого, может выступать упоминание о той жизни, которую вели схолахи Древней Академии. Если Ксенократ, как мы уже отметили, проявлял активность в политической деятельности, то Полемон, как сообщается, вел жизнь философа-затворника в Академии [Диоген Лаэртский, 1986, с. 172].

Одной из новых философских школ, появившихся в период раннего эллинизма, была Стоя. Вопросу о предпочтительном образе жизни стоики уделили пристальное внимание. При первом взгляде может показаться, что у стоиков в данном вопросе была определенная несогласованность. Как сообщает Стобей, согласно стоикам, для мудреца «предпочтительны три образа жизни – царский, политический и третий – учительский» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 686]. По сообщению Диогена Лаэртского, стоики из трех образов жизни – умозрительного, деятельного и разумного, отдавали предпочтение последнему. Рассмотрим подробнее эти источники. Стобей, говоря о трех предпочтительных образах жизни для стоиков, имеет в виду способы получения средств для жизни. Под царским образом жизни подразумевается жизнь при дворе, а также в качестве самого царя. Средства для жизни стоик будет получать от царя. Под политическим образом жизни имеется в виду политическая деятельность. В этом случае средства для жизни стоик будет получать от государства и от занимающих высокое положение друзей. Третий путь – получение средств от преподавательской деятельности. У Плутарха мы находим подтверждение того, что под царским, политическим и учительским образами жизни стоики понимали, прежде всего, способ заработка. Приведем слова самого Плутарха: Хрисипп «считает, что мудрецу в особенности подходят три способа получать деньги: от царской власти, от друзей и еще третий – давать уроки» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 693].

Второй фрагмент, в котором содержится информация о предпочтительном образе жизни у стоиков, принадлежит Диогену Лаэртскому. Как сообщает данный автор, согласно стоикам «жизнь бывает троякая: умозрительная (*θεωρητικός*), деятельная (*πρακτικός*) и разумная (*λογικός*)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 285]. И далее следует важное уточнение: «Предпочтительна последняя, потому что разумное существо самой природой приспособлено и к умозрению, и к деятельности» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 285]. Мы полагаем, что разумный образ жизни, за который выступали стоики, предполагал возможность выбора между созерцательной и деятельной жизнью в зависимости от обстоятельств. Отчасти можно согласиться с Т. Бенатвилем и М. Бонацци, которые пишут, что для стоиков выбор между образами жизни является вопросом предпочтения, «основанного на обстоятельствах и человеческой природе, социальное измерение которой имеет решающее значение и заставляет мудреца отдавать предпочтение политической жизни, а не “научной” жизни, когда первая ему доступна, но также позволяет ему выбрать уединенную жизнь в других обстоятельствах» [Bénatouil & Bonazzi, 2012, p. 9]. Нам известно, что ранние стоики вели разный образ жизни. Например, Зенон, Клеанф и Хрисипп, судя по

всему, вели созерцательный образ жизни, занимаясь философией и преподавательской деятельностью. В то же время другие видные представители Ранней Стои – Персей Китийский и Сфер Боспорский – были замечены в активном участии в политической жизни. Мы полагаем, что данные сведения подтверждают слова Диогена Лаэртского о предпочтении стоиками того образа жизни, который они называли разумным. При таком подходе стоики были вполне свободны в своем выборе и могли в равной степени заниматься как чистым созерцанием, так и политической деятельностью. В глазах стоиков ни один из этих образов жизни не обладал преимуществом по сравнению с другим. И, более того, стоики допускали сочетание этих образов жизни. В истории Древней Греции и Рима были стоики, которым удавалось заниматься государственными делами и одновременно предаваться философской деятельности.

Говоря о позиции ранних стоиков в вопросе о предпочтительном образе жизни нельзя не упомянуть об одном фрагменте Хрисиппа, на основании которого можно предположить, что ранние стоики ставили деятельную жизнь выше созерцательной. Слова Хрисиппа приводит Плутарх: «Те, кто считает, что учительская жизнь составляет особенный удел философов, совершают, как мне кажется, серьезную ошибку с самого начала, полагая, что человек должен вести такую жизнь ради некоторой деятельности или ради чего-то подобного и всю свою жизнь провести именно так – то есть, при внимательном рассмотрении, приятно» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 702]. Мы полагаем, что Хрисипп в этом фрагменте критикует не созерцательную жизнь как таковую, а стремление к созерцательной жизни ради удовольствия. Об этом говорит полемический характер фрагмента. Судя по всему, слова Хрисиппа были направлены против эпикурейцев и перипатетиков. Как говорит Хрисипп, «ибо мы не должны упускать из вида, что их действительное мнение именно таково, причем многие придерживаются его открыто и столь же многие – более скрытно» [Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Фр. 702]. Хрисипп пытается показать, что за всеми рассуждениями философов из других школ о созерцании и преподавании лежит стремление к приятной и усладительной жизни. Для стоиков, как известно, жизнь согласно природе не имеет ничего общего с удовольствием. Поэтому позиция всех, кто связывал философскую жизнь с удовольствием, не могла вызывать у стоиков ничего кроме неприятия.

В этой связи, как нам представляется, критика Плутарха в отношении ранних стоиков была ошибочной и проистекала из непонимания их позиции в вопросе о предпочтительном образе жизни. В трактате «О противоречиях у стоиков» Плутарх упрекает Зенона, Клеанфа и Хрисиппа в том, что они много написали о государственном устройстве и политической деятельности, но сами не принимали в ней участие, отдав предпочтение созерцательной жизни [Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 27]. Если исходить из того, что было установлено нами выше, то следует признать, что никакой несогласованности у ранних стоиков не было. Созерцательная жизнь для стоиков совершенно не исключала интереса к политике. Непосредственное участие в политической жизни для них было вполне допустимым и одобряемым, но далеко не обязательным делом. Гибкая позиция ранних стоиков в вопросе о предпочтительном образе жизни открывала широкие возможности для

участия как в научно-философской, так и в общественно-политической жизни. Во многом, именно благодаря этой позиции стоики завоевали репутацию самой социально активной философской школы в Античности.

Большое внимание вопросу о предпочтительном образе жизни уделил Эпикур. Упоминается, что он был автором таких сочинений как «Об образе жизни» (Περὶ βίῳν) в четырех книгах и «О предпочтении и избегании» (Περὶ ἀίρέσεων καὶ φυγῶν). В основе представлений Эпикура о предпочтительном образе жизни лежит учение о счастье и конечной цели. Согласно Эпикуру, счастье заключается в безмятежности и покое. К этому состоянию ведет избавление от страхов перед силами природы. По мнению Эпикура, только с помощью изучения природы можно избавиться от страхов и смятений. В «Письме к Пифоклу» Эпикур пишет: «Прежде всего надобно помнить, что подобно всему остальному наука о небесных явлениях ... не служит никакой иной цели, кроме как безмятежности духа» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 392]. Причем Эпикур настаивает, что изучать надо не сами природные явления, а их причины. Как пишет Эпикур в «Письме к Геродоту», кто сведущ в явлениях природы, «но не знает, какова их природа и главнейшие их причины, тот чувствует такие же страхи, как если бы вовсе был несведущ, а может быть даже и большие» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 390]. Эпикур призывает своих последователей читать его сочинения о природе с целью успокоения духа. В этой связи нас не должно удивлять то, что Эпикур ставит счастливую жизнь в прямую зависимость от философской деятельности. О своем отношении к философии и о том, какую роль она должна играть в жизни, Эпикур говорит в «письме к Менекею». Приведем его слова: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни недозрелым, ни перезрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 402]. Нельзя не заметить, что позиция Эпикура в отношении созерцательной деятельности отличается от позиции Аристотеля. Аристотель придерживается идеи о самоценности созерцательной жизни. Для Эпикура созерцательный образ жизни самостоятельной ценности не имеет. В философии Эпикура созерцательная деятельность является не целью жизни, как у Аристотеля, а лишь средством ее обретения, пусть и необходимым. Другими словами, созерцательная жизнь у Эпикура подчинена цели обретения безмятежности. Но именно поэтому этот образ жизни является для философа настолько ценным и значимым.

В то же время Эпикур соглашается с Аристотелем в представлении о созерцательной деятельности как наслаждении. Философская деятельность, по мнению Эпикура, обладает важным достоинством. Занятия философией доставляют большую радость и удовольствие. Как говорит Эпикур, «во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии рядом с познанием бежит удовольствие: не после изучения бывает удовольствие, а одновременно бывает изучение и наслаждение» [Лукреций, 1947, с. 615]. Можно ли на основании данных фрагментов сделать вывод о предпочтении Эпикуром созерцательного образа жизни? Мы полагаем, что нет. Важную роль философии признавали все без исключения греческие философы. Но это не означает, что все они отдавали предпочтение созерцательному образу жизни. Для ответа на интересующий нас вопрос необходимо прояснить отношение Эпикура к деятельной жизни.

Отношение Эпикура к общественно-политической деятельности было двойственным. С одной стороны, он стремился к уклонению от участия в ней. С другой стороны, он допускал при определенных обстоятельствах участие в общественно-политической жизни. Безусловно, основной линией поведения Эпикура было уклонение от участия в государственных делах. Данная позиция прямо вытекала из всего учения Эпикура. Последовательная реализация стремления к безмятежной жизни и невозмутимости оставляла мало шансов для активного участия в жизни общества и государства. Известное высказывание Эпикура о необходимости освобождения от уз общественной деятельности [Лукреций, 1947, с. 621] и его призыв к незаметной жизни [Лукреций, 1947, с. 649] говорят, как раз о том, что он прекрасно осознавал опасность деятельной жизни для безмятежности и покоя. Одним из важнейших условий бестревожной жизни, согласно Эпикуру, является безопасность. Это одна из тех причин, которая заставляет философа сторониться активного участия в общественно-политической деятельности.

Казалось бы, в позиции Эпикура относительно деятельного образа жизни все просто и понятно. Но в действительности все не так однозначно. Дело в том, что возможность участия в государственных делах Эпикур все же допускал. Выскажем предположение, что, согласно Эпикуру, участие в политической деятельности могло быть связано с дружбой, а также могло быть обусловлено различными обстоятельствами. На наш взгляд, помощь друзьям или стремление избежать неприятностей и невозможность достичь этого другими способами вполне могли подтолкнуть эпикурейца к деятельному образу жизни. Разумеется, это не означает, что для Эпикура деятельная жизнь обладала такой же ценностью, как и жизнь созерцательная. Как мы выяснили, обретение безмятежности и счастья возможно только в условиях созерцательной жизни. Деятельную жизнь Эпикур допускал, но не придавал ей большой ценности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в вопросе о предпочтительном образе жизни Эпикур занимал позицию убежденного сторонника созерцательной жизни.

У нас не вызывает сомнения, что вопрос о предпочтительном образе жизни обсуждался в малых сократических школах. Но пробелы в источниках не позволяют нам прояснить их позицию. Выскажем лишь соображения самого общего характера. Киники с их космополитизмом и открытой враждебностью к общественным установлениям и политическим институтам никак не могли превозносить деятельный образ жизни. Всем своим образом жизни они демонстрировали глубокое презрение к традиционной политике и государственным делам. Следует ли из этого, что киники были сторонниками созерцательного образа жизни? Мы в этом не уверены. Образ жизни, который воспевали киники, имел мало общего с тем представлением о созерцательной жизни, которое было распространено в греческой философии. Говоря о созерцательной жизни, Аристотель, Теофраст, Эпикур, стоики и другие философы вряд ли имели в виду бродячий и нищенствующий образ жизни. Если говорить о киренаиках в период раннего эллинизма, то здесь можно отметить следующее. Философские учения Гегесия, Феодора Безбожника и Анникерида отличались глубоким индивидуализмом. Интересы полиса и сограждан интересовали киренаиков меньше всего. Очевидно, что при таком отношении к обществу, деятельная жизнь не могла быть предпочитаемым образом жизни. При этом остается

неясным, какое отношение у киренаиков было к созерцательному образу жизни. Можем ли мы назвать киренаиков сторонниками созерцательной жизни? Или, можно ли отнести некоторых из них, например, Анникерида, на основании его частичной приверженности полисным ценностям, к сторонникам деятельной жизни? На наш взгляд, однозначно ответить на эти вопросы крайне затруднительно. Меньше всего вопросов вызывает позиция Менедема из Эретрии. Тот факт, что Менедем принимал самое активное участие в государственных делах, свидетельствует о его равнодушном отношении к деятельному образу жизни.

Для Пиррона и его последователей вопрос о предпочтительном образе жизни, должно быть, не имел никакого значения. Как известно, Пиррон прославился невозмутимым характером и безразличным отношением ко всему происходящему в жизни. Мы не знаем, стремился ли Пиррон к полному безразличию или он все же что-то предпочитал и чего-то избегал. Если Пиррон стремился к полному безразличию, то вопрос о предпочтительном образе жизни для него терял всякую актуальность. Но, даже если у него были определенные предпочтения, то это не играло никакой роли в выборе образа жизни. Согласно одной из версий, сообщаемых у Диогена Лаэртского, Пиррон в практической жизни руководствовался установленными законами и обычаями [Диоген Лаэртский, 1986, с. 352]. Но в таком случае, ни о каком выборе в подлинном смысле этого слова не могло идти и речи. Пиррон лишь плыл по течению, подстраиваясь под тот образ жизни, который вело большинство греческих обывателей.

Итак, мы установили, что представление о повороте к созерцательной жизни в ранней эллинистической философии является преувеличением. В данный исторический период многие греческие философы, если и не отдавали предпочтение деятельной жизни, то, как минимум ставили ее на один уровень с созерцательной. К числу философов, для которых деятельная жизнь обладала высоким ценностным статусом, можно отнести Дикеарха, Деметрия Фалерского, Ксенократа, ранних стоиков, Менедема из Эретрии. Аристотель, Теофраст и возможно некоторые академики отдавали предпочтение созерцательной жизни. Но вместе с тем они высоко оценивали и деятельный образ жизни. Единственным крупным философом раннего эллинизма, отдававшим предпочтение созерцательной жизни, но не ради нее самой, а ради достижения безмятежности, и не придававшим большой ценности деятельной жизни, хотя и допускавшим ее при определенных обстоятельствах, был Эпикур. Данный вывод ставит под сомнение традиционную точку зрения, согласно которой отход от деятельной жизни в греческой философии в эпоху эллинизма был обусловлен гибелью полисной системы и утратой греками политической свободы.

Полученные результаты подталкивают нас к предположению о том, что в период раннего эллинизма полисная система устояла и продолжила оказывать влияние на греческую философию. Какие аргументы подтверждают данную версию? Во-первых, это сохранение полисной системы в период раннего эллинизма. Об этом говорят многие современные исследователи. Например, Р. Стротман пишет, что в эллинистическую эпоху полисы не только выжили, но и увеличились в количестве [Strootman, 2011, p. 150]. При этом многие полисы попали в зависимость от эллинистических царей, а те, в свою очередь, стали

зависимы от полисов. О. М. Нийф и Р. Олстон полагают, что битва при Херонее¹ «могла стать причиной потери власти великих полисов, таких как Афины или Спарта, но независимый полис не исчез как форма политической и социальной организации» [van Nijf & Alston, 2011, p. 5]. Как отмечают исследователи, «в эллинистический период произошло нечто вроде “второго подъема полиса”» [van Nijf & Alston, 2011, p. 6], когда после завоеваний Александра новые полисы были основаны на Востоке. При этом, новые греческие города напоминали классические полисы не только архитектурно, но и с точки зрения институтов и организации [van Nijf & Alston, 2011, p. 6]. Во-вторых, это участие греческих философов в политической жизни полисов. Здесь можно вспомнить Ксенократа, Менедема из Эретрии, Деметрия Фалерского, Сфера Боспорского. Важно подчеркнуть, что все эти философы, насколько мы знаем, действовали не только в своих личных интересах или в интересах своих покровителей диадохов, но, прежде всего, в интересах полисов. Та скудная информация, которой мы располагаем, свидетельствует о том, что эти философы не утратили связи с полисными ценностями.

На наш взгляд, данные аргументы доказывают, что у греческих философов в период раннего эллинизма имелись серьезные основания для предпочтения деятельного образа жизни. Но мы полагаем, что предпочтение деятельной жизни могло быть связано не только с сохранением полисной системы, но и с образованием эллинистических монархий. На первый взгляд это предположение может показаться странным. Дело в том, что традиционно принято считать, что появление эллинистических монархий, наоборот, способствовало уходу греческих философов из политической жизни и погружению в тихую философскую жизнь. Если обратиться к историческим фактам, то перед нами предстанет более неоднозначная картина. Дело в том, что эллинистические правители охотно приглашали к себе на службу философов. Последние не всегда принимали эти приглашения. Так, упоминается об отказе Теофраста приехать к Птолемею I Сотеру в Египет. Еще один случай связан с Зеноном Китийским, который якобы отклонил приглашение Антигона Гоната. Но другие философы принимали активное участие в политической и придворной жизни в эллинистических царствах. Сообщается, что Деметрий Фалерский, Стратон из Лампсака и Феодор Безбожник занимались активной общественно-политической деятельностью в Египте при Птолемее I. Персей Китийский занимался военно-политической деятельностью в Македонии при Антигоне Гонате. Сфер Боспорский служил египетским царям из династии Птолемеев. Хорошо видно, что с образованием эллинистических монархий у греческих философов появилась новая возможность для того, чтобы вести деятельный образ жизни.

В то же время мы не можем игнорировать факт предпочтения отдельными философами созерцательной жизни. Эта тенденция появилась не в эпоху эллинизма, но в это время она продолжала развиваться. На наш взгляд, в социально-историческом плане эта тенденция была связана с кризисом полисной системы. Выше мы уже отметили, что полисная система в период раннего эллинизма устояла. Но при этом мы не сказали, что состояние, в котором греческие полисы пребывали в это время, оставляло желать лучшего. Дело в том, что

¹ В битве при Херонее в 338 г. до н. э. объединенное греческое войско потерпело поражение от македонской армии Филиппа II. После этого в Греции установилась гегемония Македонии. По одной из распространенных в науке версий, данное событие положило конец политической свободе греческих полисов.

полисная система, начиная с конца V в. до н. э. продолжала неуклонно ослабевать. Это проявлялось в военно-политическом ослаблении ведущих греческих полисов, неспособности объединиться против общего врага или другими словами в хроническом и усугубляющемся полисном партикуляризме, постепенном размывании полисных ценностей. Не стоит думать, что процесс ослабления полисной системы носил лавинообразный характер. Силы полисов иссякали постепенно. Кризис полисной системы начинается с Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э., а заканчивается только в 146 г. до н. э. полным завоеванием Греции Римом. За этот очень продолжительный период у греческих полисов было немало взлетов и падений. Но в целом, полисная Греция двигалась по нисходящей линии. Именно это обстоятельство, как нам представляется, подталкивало философов к уходу от деятельной жизни в сторону тихого философского существования.

Подведем итоги. В период раннего эллинизма в греческой философии актуализировался вопрос о предпочтительном образе жизни. Как мы выяснили, лишь немногие из известных философов ставили созерцательную жизнь выше деятельной. К их числу можно отнести Аристотеля, Теофраста и Эпикура. Причем, если Аристотель и Теофраст рассматривали созерцательную деятельность в качестве конечной цели жизни, то для Эпикура она представляла ценность только в качестве средства достижения безмятежности. Также нельзя не отметить, что для Аристотеля деятельная жизнь обладала большой ценностью. Для большинства философов созерцательный и деятельный образы жизни были приблизительно равноценны. Представителями данной позиции были Дикеарх, Деметрий Фалерский, Ксенократ, ранние стоики, Менедем из Эретрии. Можно сказать, что деятельная жизнь не утратила своей привлекательности для греческих философов в период раннего эллинизма. Это оказалось следствием сохранения полисной системы и образования эллинистических монархий. Высокий ценностный статус деятельной жизни в ранней эллинистической философии был обусловлен сохранением связи между гражданином и полисом и новыми возможностями для участия в политической деятельности, которые открылись в результате образования эллинистических монархий. В то же время стремлению к созерцательной жизни способствовало усиление кризиса полисной системы.

Список литературы / References

Аристотель. (1976). *Сочинения в четырех томах. Том 1*. Ред. В. Ф. Асмус. М.

Aristotle. (1976). *Essays in 4 vol. Vol. 1*. In V. F. Asmus (ed.). Moscow. (In Russ.)

Аристотель. (1983). *Сочинения в четырех томах. Том 4*. Под ред. А. И. Доватура. М.

Aristotle. (1983). *Aristotle. Essays in 4 vols. Vol. 4*. A. I. Dovatur (ed.). Moscow. (In Russ.)

Биркин, М. Ю. (2016). Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. № 11. С. 38-46. DOI: 10.28995/2686-7249-2016-11-38-46

Birkin, M. (2016). Notion about active and contemplative life. From Plato to Christian patristics. *Bulletin RSUH/RGGU. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series"*. no. 11. pp. 38-46. (In Russ.) DOI: 10.28995/2686-7249-2016-11-38-46 (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1932). Лекции по истории философии. *Гегель Г. В. Ф. Сочинения*. Кн. 2. Т. X. М.

Hegel, G. W. F. (1932). *Lectures on the History of Philosophy*. Moscow. (In Russ)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.

Diogenes Laertius. (1986). *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*. M. L. Gasparov (transl.). 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

Лукреций (1947). *О природе вещей*. Под ред. Ф. А. Петровского. Ленинград. Т. 2.

Lucretius (1947). *On the Nature of Things*. F. A. Petrovskiy (ed.). Leningrad. Vol. 2.

Фрагменты ранних стоиков. Т. I: Зенон и его ученики. (1998). Пер. и ком. А. А. Столярова. М.

Excerpts of Early Stoics. Vol. 1. Zeno and His Apprentices. (1998). Transl. and comment. A. A. Stolyarov. Moscow. (In Russ.)

Фрагменты ранних стоиков. Т. III: Хрисипп из Сол. Ч. 1: Этические фрагменты. (2007). Пер. и ком. А. А. Столярова. М.

Excerpts of Early Stoics. Vol. III Chrysippus of Soli. Ch. 1. Ethical fragments. (2007). Transl. and comment. A. A. Stolyarov. Moscow. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1949). *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*. Пер. В. О. Горенштейна. М.–Л. Т. 1.

Cicero, M. T. (1949). *Letters to Friends*. V. O. Gorenshtein (transl.). Moscow-Leningrad. Vol. 1. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1966). О законах. Пер. В. О. Горенштейна. *Цицерон М. Т. Диалоги. О государстве. О законах*. М. С. 89-150.

Cicero, M. T. (1966). *On the Laws*. V. O. Gorenshtein (transl.). Moscow. pp. 89-150. (In Russ.)

Цицерон, М. Т. (1975). Тускуланские беседы. Пер. М. Л. Гаспарова. *Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения*. М. С. 207-357.

Cicero, M. T. (1975). *Tusculan Disputations*. M. L. Gasparov (transl.). Moscow. pp. 207-357. (In Russ.)

Bénatouïl, T. (2012). Théophraste: les limites éthiques, psychologiques et cosmologiques de la contemplation. In: *Theoria, Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle. Philosophia Antiqua*. T. Bénatouïl, M. Bonazzi (eds.). Leiden, Boston. Brill. pp.17-39.

Bénatouïl, T. & Bonazzi, V. (2012). Θεωρία and βίος θεωρητικός from the Presocratics to the End of Antiquity: An Overview. In: *Theoria, Praxis and the Contemplative Life after Plato and Aristotle. Philosophia Antiqua*. T. Bénatouïl, M. Bonazzi (eds.). Leiden, Boston. Brill. pp.1-14.

Bevan, E. (1923). Hellenistic Popular Philosophy. In: J. B. Bury, E. A. Barber, Edwyn Bevan, and W. W. Tarn. *The Hellenistic Age: Aspects of Hellenistic Civilization*. Cambridge University Press. pp. 79-107.

Brown, E. (2008). Contemplative withdrawal in the Hellenistic age. *Philosophical Studies*. no. 137(1). pp. 79-89.

van Nijf, O. M. & R. Alston (2011). Political culture in the Greek city after the classical age: introduction and preview. In Onno M. van Nijf & Richard Alston (eds.). *Political Culture in the Greek City After the Classical Age*. Publisher: Leuven: Peeters. pp. 1-26.

Strootman, R. (2011). Kings and Cities in the Hellenistic Age. In Onno M. van Nijf & R. Alston (eds.). *Political Culture in the Greek City After the Classical Age*. Publisher: Leuven: Peeters. pp. 141-153.

Zeller, E. (1880). *Stoics, Epicureans and Sceptics*. London. Longmans, Green, and co.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8, e-mail: v.brovkin@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2021

После доработки: 05.06.2021

Принята к публикации: 15.06.2021

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: v.brovkin@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

The paper was submitted: 10.05.2021

Received after reworking: 05.06.2021

Accepted for publication: 15.06.2021

УДК 1(091)

**«КНИГА О РЕЛИГИЯХ И СЕКТАХ» АШ-ШАХРАСТАНИ
КАК ИСМАИЛИТСКИЙ ИСТОЧНИК:
СМЕНА ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

rina.volf@gmail.com

Аннотация. Мухаммад ибн ‘Абд ал-Карим аш-Шахрастани – наиболее известный на Западе источник об исламских и неисламских религиозных учениях. Его «Книга о религиях и сектах» до сих пор рассматривалась историками философии в ряду ашаритских доксографических произведений. В настоящее время в истории философии радикально меняется оценка этого произведения: оценки этой книги как ашаритской доксографии смещаются на противоположный полюс – как исмаилитской ересиографии. В статье приводятся исторические и биографические факты, а также краткая характеристика основных сочинений, которые позволяют включить аш-Шахрастани в исмаилитский контекст. Анализируются предисловия автора к *Китāб ал-милал ва-н-нихал*, которые хорошо показывают связь этого раздела, включая обозначенные автором методологию и структуру трактата, с другими исмаилитскими книгами, в частности с «Главой о Сатане» из *Китаб аль-Шаджара* Абу Таммама.

На примере переключения оценок этой книги мы хотим возразить той точке зрения, которая настаивает на консервативности философского канона, создаваемого и соблюдаемого историей философии, и показать, что историко-философское исследование, хотя и зависит от спекулятивных интерпретаций, является принципиально эмпирической работой, существенно зависимой от фактов, роль которых играют источники, и решающим фактором смены историко-философской «парадигмы» или философского канона являются, прежде всего, наше доверие источникам и их внимательное прочтение в различных контекстах.

Ключевые слова: аш-Шахрастани, «Книга о религиях и сектах», мусульманская доксография, история арабской философии, исмаилиты, Сатана.

Для цитирования: Вольф, М. Н. (2021). «Книга о религиях и сектах» аш-Шахрастани как исмаилитский источник: смена историко-философской парадигмы. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 18-34. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.18-34.

**“THE BOOK OF SECTS AND CREEDS” BY AL-SHAHRASTANI
AS AN ISMAILI SOURCE: SWITCH THE PARADIGM IN HISTORY OF PHILOSOPHY**

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

rina.volf@gmail.com

Abstract. Muhammad ibn ‘Abd al-Karīm al-Shahraṣṭānī is a well-known source in the West about Islamic and non-Islamic religious teachings. His “Book on Sects and Creeds” has so far been considered in the history of philosophy among the Asharite doxographic works. At present, the evaluation of this work in the history of philosophy is radically changing: from the Asharite doxography its evaluation is shifted to the opposite pole – Isma‘ili heresiography. The paper presents historical and biographical facts, as well as a brief description of the main works that allow us to include

al-Shahrastani in the Isma'ili context. It analyzes the Shahrastani's preface to *Kitab al-milal wa-n-nihal*, which clearly shows the coherence of this section, including the methodology and structure of the treatise indicated by the author himself, with other Isma'ili books, in particular with the "Chapter on Shaytan" from *Kitab al-Shajar* Abu Tammam.

Using the example of the switching of this book evaluations, we want to argue against the point of view that insists on the conservatism of the philosophical canon ostensibly created and observed by the history of philosophy, and to show that the history of philosophy research, although it depends on speculative interpretations, is fundamentally an empirical work, essentially dependent on the facts which role played by the sources, and the decisive factor in changing the "paradigm" in history of philosophy or the philosophical canon is primarily our trust in the sources and their careful reading in various contexts.

Keywords: al-Shahrastani, "The Book of Sects and Creeds", Muslim doxography, history of Arabic philosophy, Isma'iliyah, Satan.

For citation: Volf, M. N. (2021). "The book of sects and creeds" by al-Shahrastani as an ismaili source: switch the paradigm in history of philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 18-34. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.18-34.

Кризис историко-философского жанра, который активно обсуждался во второй половине XX в., был обусловлен не только внешними по отношению к нему причинами, в частности, недоброжелательными оценками рядом философов, сомневавшихся в необходимости существования истории философии как самостоятельной дисциплины наряду с самой философией, но и внутренними: философские источники многократно изданы и переизданы, их интерпретации и реконструкции написаны, неизвестных авторов становится все меньше, и в результате утрачивается эффект новизны, «переднего края» науки, что в свою очередь значительно ослабляет интерес к дисциплине – мало кто видит смысл в пережевывании философской «жвачки», повторяя ранее сказанное. Однако нередко тем или иным оценкам какого-либо философа и его творчества мы обязаны пресловутому «философскому канону», который редко позволяет делать переоценки устоявшихся в традиции интерпретаций¹. Но иногда именно выход за рамки канонической интерпретации позволяет взглянуть на автора прошлого под совершенно иным углом зрения.

Ярким примером такой смены «интерпретаторской» парадигмы является недавняя переоценка школьной принадлежности Мухаммада аш-Шахрастани, мусульманского историка, философа и богослова XII в. «Канонические» интерпретации относили его к ашаритской богословской школе, хотя и с оговоркой, что критически настроенные современники причисляли его к шиитской школе (секте) батинитов-исмаилитов. Современная оценка настаивает, что Шахрастани следует считать исмаилитом не по навету злых языков, а потому, что он в полной мере разделял и популяризовал данную позицию. В настоящей статье мы хотим показать, как и на каких основаниях смещалась эта его оценка, и соответственно, как работает механизм отказа от старой канонической интерпретации в истории философии.

---

¹ Хорошие примеры неверных трактовок учений философов Нового времени предлагает Дж. Йолтон [Yolton, 1986], от которых, однако, никто не спешит отказываться, несмотря на то, что историки философии настойчиво пишут о том, что философ «так не писал», «не думал» и т. д. Еще один яркий пример – приписывание знаменитых афоризмов авторам с известной оговоркой «хотя он этого и не говорил» (ср., Тертуллиан с фразой «верую, ибо абсурдно»).

Аш-Шахрастани считается одним из основных источников европейских знаний об исламских и неисламских религиозных учениях, «сектах»². Его самый известный в Европе труд «Книга о религиях и сектах» (*Kitāb al-milal wa-n-nihal*) написан в 1127 г., состоит из 2-х частей. Первая часть посвящена внутренней мусульманской теологии, ее истории и содержанию, вторая часть отражает религиозные, философские учения и социальные практики древних – иудеев, христиан, магов, зороастрийцев, манихеев, брахманов, греческих философов и т. д.³ Самое раннее упоминание этой книги в европейских источниках находим в 1650 г. в издании Эдварда Покока⁴ «Specimen Historia Arabum», которое, согласно общему мнению, произвело «революцию в арабистике». В 1842 г. У. Кьюретон [Curetton, 1842–1846] издал отредактированный арабский текст книги, а вскоре после этого – ее английский перевод. В 1850-м г. вышел немецкий перевод Т. Хаарбрюкера [Haarbrücker, 1850–1851]. Фактически к середине XIX в. книга получила перевод на два базовых языка европейской учености, и можно предположить, что, будучи давно и хорошо изученным источником, не должна быть чревата никакими сюрпризами для историков философии.

Действительно, до сих пор «Книга о религиях и сектах» остается одной из самых известных, авторитетных и часто цитируемых работ по каламу (или согласно книге, исламскому сектантству). Кроме того, этот источник считался и наиболее объективным в изложении различных взглядов. Некоторые исследователи объясняли объективность подхода тем, что Шахрастани воздерживается от полемики и критики сект с позиций какой-либо одной привилегированной секты, и делает он так, поскольку соблюдает законы *ересиологического* жанра, требующего непредвзятого сухого изложения положения дел. Другие утверждали, что Шахрастани как никто другой выразил этим уважение к средневековой учености, требующей беспристрастной оценки материала, с которым она работает. Кто-то считал его первым историком религии, соблюдающим теперь уже законы исторического, т.е. непредвзятого и опять-таки объективного, изложения материала. Однако при столь различных объяснениях объективности подхода почти все интерпретаторы следуют за Шахрастани, повторяя его собственные оценки, данные им своему труду, и такую репутацию книга приобрела в большей степени за счет уверенности исследователей в словах автора относительно объективности и беспристрастности его точки зрения. Вот как он сам пишет об этом:

---

² Так называемые «секты» в мусульманской традиции *калама*, т. е. рационального богословия IX–XI вв., характеризуются не уровнем следования догматике, а определенным мнением некоторой группы по определенным вопросам, с которыми не согласны представители других групп; при этом не подразумевается какая-то «ортодоксальная» группа, которая могла бы служить «критерием истины» для всех остальных, а сама полемика ведется с отсылкой не к догматике, а с позиций наиболее сильных аргументов.

³ Книга частично переведена на русский язык. Полностью опубликована Первая часть, посвященная исламу: [аш-Шахрастани, 1984]. Из второй части опубликованы два раздела: о верованиях домусульманских арабов [Прозоров, 2005] и о верованиях персидских магов [аш-Шахрастани, 2011].

⁴ Э. Покок (Edward Pococke), профессор арабского языка в Оксфорде, в 1631 г. отправился в Алеппо в качестве капеллана Левантской компании, и пять лет спустя вернулся в Англию с большой коллекцией арабских рукописей, намного превосходящий все другие источники, доступные в тогдашней Европе.

«У авторов ересиографических трудов два пути расположения [материала]. Один из них: брали за основу проблемы, затем по каждой проблеме приводили учения одной группы единомышленников за другой, одной секты за другой. Второй: брали за основу глав и основателей религиозных толков, затем приводили их учения по проблемам.

Построение этого компендиума соответствует последнему пути, поскольку я нашел его более точным для деления [сект] и более подходящим для исчисления.

Я поставил себе условие приводить учение каждой секты таким, каким я нашел его в книгах – без пристрастия к одним и без порицания других, не разъяняя в нем [отличия] правильного от порочного и не отделяя в нем истинное от ложного. Ибо сверкания истины и запахи лжи обычно не скрыты от умов проницательных в путях умозрительных доказательств» [аш-Шахрастани, 1984, с. 29].

С одной стороны, последняя фраза подразумевает, что, коль скоро автор анализирует аргументацию сторон, то она сама наиболее явно свидетельствует о ложности или истинности занимаемой какой-либо сектой позиции в зависимости от того, как строится эта аргументация, насколько она сильная или слабая; с другой стороны, фраза явно намекает на то, что проницательный читатель без труда распознает привилегированную позицию, которую занимает автор. Коль скоро сила и слабость аргументов – это фактор, который во многом зависит от целевой аудитории, к которой аргументы обращены, а мы – аудитория не из числа современников Шахрастани или их интеллектуальных предшественников, то нам приходится восстанавливать контекст, в котором использованная аргументация была релевантна. Один из способов сделать это – обратиться к интеллектуальной биографии самого автора, тем более, что данный метод в последние десятилетия пользуется все большим уважением у историков философии.

Абу-л-Фатх Мухаммад б. Абд ал-Карим аш-Шахрастани родился в Хорасане, г. Шахристан (современный Туркменистан), в 1075 или 1086 г. О его жизни известно очень мало, всего несколько фактов. Он получил исламское образование в Нишапуре, где изучал калам, хадисы и фикх, путешествовал. Прославился своими дискуссиями в ученых диспутах, но его упрекали в использовании аргументации философов⁵ и исмаилитов-батинитов. В 1117 г. он совершил паломничество в Мекку и на обратном пути посетил Багдад. По рекомендации своего друга Мухаммада аль-Майхани, преподававшего в это время в знаменитом медресе Низамийя, Шахрастани также получил в нем должность и сам несколько лет читал лекции. В 1120 г. вернулся в Персию, в Хорасан. В 1127 г. поступил на службу при дворе последнего сельджукского султана Хорасанского султаната Санджара в Марве, став близким другом султана и его доверенным лицом. Примерно в это же время (1126–1127 гг.) он пишет и свой самый известный труд, «Книгу о религиях и сектах».

Пока никаких явных свидетельств о причастности Шахрастани исмаилитам в его биографии нет. Однако с исмаилитами прочно ассоциируется имя Санджара. У Джувейни⁶ сохранилась история, повествующая, как Санджар предпринял попытку уничтожить

⁵ Под философами понимаются представители *фальсафы* – восточного перипатетизма.

⁶ Ата Малик ибн-Джувейни (1226–1283), персидский историк, давший детальное описание истории и учения Хасана ибн-Саббаха и его последователей, секты исмаилитов-батинитов, в своем труде «Чингисхан. История завоевателя мира» (*Та'рих-и джахангушай*) (разделы VIII–XVI, особенно раздел XIII). Его свидетельство о батинитах считается одним из самых влиятельных, поскольку по утверждению самого Джувейни, он пользовался библиотекой Аламута и имел доступ к автобиографии Горного старца, сохранив из нее некоторые выдержки в своем труде. Труд переведен на русский язык: [Джувейни, 2004] (см. особенно с. 465–527).

ассасинов, изгнал их из нескольких крепостей, окружил Аламут и был близок к победе, но однажды, проснувшись, обнаружил воткнутый рядом с собой в землю кинжал, а затем Хасан ибн-Саббах, Горный старец, основатель исмаилитского низаритского «террористического» государства ассасинов, который с 1081 г. проповедовал необходимость свержения династии Сельджуков, с гонцом передал султану предупреждение и предложение мира. Султан испугался, наладил мирные отношения с Аламутом, назначил ассасинам содержание и позволил собирать налог с прилежащих земель, и пока Санджар был жив, ассасины процветали. Трудно сказать, насколько достоверна эта история, хотя Джувейни и ссылается на то, что своими глазами видел в библиотеке Аламута льстивые и заискивающие письма Санджара [Джувейни, 2004, с. 494], однако достоверно известно, что Санджар действительно несколько раз предпринимал попытки уничтожить исмаилитов. Если эта история о кинжале правдива, то она произошла до приезда Шахрастани к Санджару, т.к. Хасан ибн-Саббах умер в 1124 г. (Шахрастани, напомним, поступил на службу в 1127 г.), и мир с султаном был заключен до этого года. Однако согласно другим историческим сообщениям, в 1126 г. Санджар приказал уничтожить исмаилитов в Хорасане, а в следующем году предпринял поход на Аламут. Мирный договор со «Старцем горы» мог бы объяснить, как Шахрастани, если он действительно принадлежал к исмаилитам, получил должность при дворе султана и его доверие, а согласно некоторым свидетельствам, он был исмаилитом-низаритом («люди горных крепостей»), т.е. прямым последователем ас-Саббаха, и в своих поездках вербовал для низаритов людей. Однако после смерти Саббаха и расторжении мирного договора объяснить пребывание Шахрастани при дворе сельджукского султана уже сложнее. История не сохранила подлинных свидетельств, когда и почему Шахрастани оставил придворную службу и вернулся в родную деревню, где умер в 1153 г. Известно, что в 1153 г. Санджара захватили в плен его же соплеменники, огузы, и только в 1156 г. он смог бежать. Вероятно, хаос, воцарившийся при дворе султана и в целом в Хорасане, вынудил Шахрастани вернуться домой.

Долгое время научное сообщество считало Шахрастани ашаритом, причем со ссылками на «Книгу о религиях и сектах» и несмотря на то, что два его современника, аль-Хорезми и ас-Самани, обвиняли его в склонности к еретическим учениям, в приверженности к исмаилитам, и как кажется, эти обвинения не были беспочвенны. По оценкам современников, если бы не его приверженность к исмаилизму, Шахрастани был бы имамом. Однако Шахрастани был умным и тонким мыслителем, владел множеством философских и теологических словарей, часто использовал символы и иносказания, что затрудняло однозначную оценку его позиции. Не исключено, что Шахрастани умело маскировал свою истинную веру, разделяя и применяя принцип *такийя* («благоразумное сокрытие веры»), который исповедовали крайние шииты, в том числе и исмаилиты – принцип, который позволяет человеку не раскрывать своих убеждений, свидетельствовать против своей религии, когда ему угрожает смертельная опасность в случае раскрытия его подлинных убеждений. Возможно, что именно *такийя* была главным (если не единственным) фактором, который позволил Шахрастани успешно служить султану Санджару и считаться суннитом.

Вместе с тем, многие лекции, книги, выступления Шахрастани носили явный исмаилитский характер, а введение в оборот новых исмаилитских источников позволило по-новому увидеть и хорошо известные тексты Шахрастани, включая и непредвзятую ашаритскую, как казалось ранее, «Книгу о религиях и сектах». Ниже мы приведем краткие справки о сохранившихся трактатах Шахрастани с указанием на их исмаилитские черты.

В трактате «Борьба против философов» (*Мусараа ал-фаласифа*) (1132 г.) аш-Шахрастани опровергает метафизические взгляды Ибн Сины, используя идеи и терминологию исмаилитского учения. Основываясь на исмаилитской концепции Создателя (*Мубди*), пребывающего за пределами бытия и небытия, Шахрастани убедительно доказывает существование божественных атрибутов, однако не приписывает их непосредственно Богу. Он полагает, что истинное провозглашение Единства Бога (*таухид*) включает в себя отрицание всех атрибутов, которые люди приписывают Богу, поскольку Бог полностью трансцендентен. Бог непознаваем, неопределим, недостижим и выше человеческого понимания.

В трактате «Предел шагов в богословской науке» (*Нихайат аль-ақдам фи илм аль-калам*) представлены различные богословские дискуссии и показаны пределы мусульманского богословия (*калам*). По сути книга предлагает вполне доброжелательное изложение ашаритской теологии, что могло служить аргументом в пользу суннитской ориентации автора. «Меджлис» (*Mejlis*, т.е. «Совет») – сочинение, написанное в зрелый период его жизни и адресованный шиитам-двунадесятникам⁷. В этих двух работах Шахрастани касается вопросов творения. В *Нихайат* Шахрастани настаивает на том, что Бог – это единственный Творец и единственный Действитель. Он также развивает свою интерпретацию творения *ex nihilo*, которая означает не привычное творение из ничего, а творение, созданное исключительно Богом, что не противоречит суннитским и ашаритским взглядам. Однако в *Меджлисе* доминирующую роль в физическом творении он отдает ангелам. Теория божественного Слова (*калима*), которую он развивает в книге, носит явные черты исмаилизма, кроме того иерархию ангелов и божественные Слова (*калима*) он понимает, как причины духовных существ, хотя суннитский ислам отрицает промежуточные причины существования помимо самого Бога.

В *Нихайат* Шахрастани также соотносит Творение с божественным Словом. Он утверждает, что божественное Повеление (*амр*) «быть» предсуществует, и многочисленные Слова Бога вечны. В соответствии с божественным Повелением *калима* стали проявлением Бога, духовные сущности – проявлением *калима*, а тела – проявлением духовных сущностей. Возникновение за пределами времени и пространства (*ибда*) и физическое творение (*халк*) проявляются в духовных сущностях и телах соответственно. Сами *калима* и их буквы (*хуруф*) вечны и также предсуществуют. Поскольку божественное Повеление не похоже на наше повеление, то и божественные *калима*, как произнесенные, так и записанные, не похожи на слова людей. Буквы являются элементами *калима*, которые являются причинами духовных сущностей, управляющих материальными сущностями, всякое существование существует в *калима* Аллаха, сохраненным в его Повелении. На первый взгляд эти идеи выглядят как развитие дискуссии о божественном атрибуте Слова, однако ниже мы увидим, как все это рассуждение может быть куда более органично помещено в исмаилитский контекст.

В «Меджлисе» аль-Шахрастани делит все творение на два мира: духовный мир, т. е. мир возникновения духов (*ибда-и арва*) в актуальном состоянии (*мафрут*), и мир физического

⁷ Имамнты, или иначе «двунадесятники» (*шиа исна ашари*) признают не только непрерывный имамат и халифат Али (его и его потомков), но и верят в имамат сыновей Али – Хасана и Хусейна, а также девяти сыновей Хусейна, последним из которых является ал-Махди, мессия, скрытый имам, т. е. всего числом 12 имамов.

творения (*халк*) в его становлении (*мустанаф*). В этом представлении Шахрастани уже явно транслирует исмаилитскую космологию, согласно которой Бог построил религию по образу творения.

Аш-Шахрастани формулирует концепцию пророчества, обращаясь к этой теме в *Нихайат*, и она тоже ближе к концепции исмаилитов и философов (восточных перипатетиков), нежели к ашаритской. Он устанавливает логическую связь между чудесами и безупречностью пророка (*исма*). Для него доказательство истинности (*сидк*) Пророка – это то, что истина внутренне присуща его природе и связана с его безупречностью, – свойства, которые неотъемлемо присутствуют и в природе имамов, наследников Пророка. Во многих своих трудах он развивает концепцию циклического времени. В «Меджлисе» его понимание динамической эволюции человечества также напоминает исмаилитские взгляды, согласно которым каждый Пророк открывает новый цикл.

Еще один его труд, комментарий к Корану «Ключи к тайнам и светильники праведных» (*Мафатих ал-асрар ва масабих ал-абрар*) (1146 г.), написанный им в конце жизни, открыто выражает исмаилитские взгляды и по нему уже можно непосредственно реконструировать собственные теолого-философские представления Шахрастани, которые в какой-то мере уже были представлены в предшествующих работах. На вершине всего находится Бог, Единый, о качествах которого мы не знаем ничего, за исключением того, что он – *личность*. Мир Божественного Порядка предшествует миру Творения и пересекает его в семи циклах, переходя от вселенной Законов (область зарождения) к вселенной Воскресения (область завершения). Божественные и вечные буквы и имена, из которых произошло все сущее, излагают свои проявления двумя параллельными способами: словесные аллюзии (*калимат каулийя*), означающие текст Священных Писаний, и активные аллюзии (*калимат филийя*), означающие телесную индивидуальность пророков, имамов и их наследников. В этом представлении заложены два принципа: иерархия (*тараттуб*) существ и оппозиция (*тададд*), противопоставляющая сторону зла стороне добра. Такие взгляды характерны для учения исмаилитов-низаритов⁸.

В целом произведения аш-Шахрастани представляют собой сложное переплетение интеллектуальных взглядов как суннитов, так и исмаилитов, но в решении проблем атрибутов Бога, творения, пророчества и имамов труды аш-Шахрастани содержат много существенных элементов, которые хорошо согласуются с низаритским исмаилизмом.

Что касается «Книги о религиях и сектах», в ней, на первый взгляд, таких элементов крайне мало. Она остается самым известным сочинением Шахрастани и нередко ее называют исламской историей религий. В ней аш-Шахрастани предлагает внутреннее описание истории ислама, выделяет главные проблемы теологии, исходя из которых классифицирует идеи четырех больших направлений ислама (кадариты, сифатиты, хариджиты и шииты), и образовавшиеся на их основе 73 исламских секты. Помимо исламских религиозных направлений, она также, как мы отметили выше, характеризует и другие известные на тот момент религии, среди которых верования иудеев, христиан, зороастрийцев, персидских

⁸ Почти все книги аш-Шахрастани написаны на арабском, а не на персидском языке, что тоже могло служить косвенным аргументом по пользу его ашаритской позиции (персидский язык часто использовался для выражения взглядов, не разделяемых или не признаваемых официальной идеологией). Среди других его сочинений – «Ясные пути и доказательства», «Хроника мудрецов [или философов]», «О неделимой частице» и др.

магов, доисламских арабских племен и др.; интересно, что в этот же контекст он помещает греческую философию, понимая ее в ключе определенных традиций, на которые опирается человечество в своей динамической эволюции. Характерно, что Шахрастани, предлагая описание различных точек зрения, избегает полемики с представленными позициями и старается придерживаться логичности и доказательности изложения. Однако, остаются вопросы: действительно ли так беспристрастен был аш-Шахрастани при изложении воззрений исламских сект, каким образом исмаилитская позиция могла отразиться в содержании трактата, и как объяснить явное, как считалось, доминирующее место в трактате суннитско-ашаритской позиции? Если поставить книгу Шахрастани в сравнение не с ашаритскими, а с другими исмаилитскими трактатами об исламских сектах, то можно попытаться ответить на эти вопросы, анализируя определенные сходные позиции.

В последние десятилетия активно обсуждаются два исмаилитских трактата, содержание которых сходно с вводным разделом «Книги о религиях и сектах» Шахрастани, где он подробно описывает принципы компоновки книги и методологические подходы к ее написанию. Первый трактат – книга Абу Таммама «Книга Древа» (*Китаб аль-Шаджара*) и хорошо известная его «Глава о Сатане» (*Баб ал-Шайтан*)⁹. О Таммаме мало что известно. Он жил в 1-й половине X в., принадлежал к иранской ветви раннего исмаилитского движения, к школе Мухаммада ал-Насафи (ум. в 943 г.), которая склонялась к умозрительной философии, не признавала фатимидских халифов-имамов Северной Африки и демонстрировала сильное влияние неоплатонизма, а также идеологическую принадлежность к карматам (еще одна ветвь исмаилитского движения). Был родом из Хорасана, соотечественником Шахрастани, и последний, судя по всему, был знаком с этим текстом, несмотря на то, что почти все исмаилиты Хорасана были уничтожены к 943 г. Его долго считали представителем Йеменской традиции исмаилизма, и только недавние исследования позволили соотнести его с персидской исмаилитской школой.

Второй трактат – «Книга орнаментов» (*Китаб аз-зина*) о превосходстве арабского языка и религиозной арабской терминологии Абу Хатима ал-Рази (ум. в 935 г.), известного как исмаилитский миссионер, лидер исмаилитов в Центральной Персии. В ней также имеется раздел, посвященный сектам. Все три текста выдержаны в единой манере: обстоятельно излагая учения разных групп в исламе, они избегают полемики и критики. Судя по всему, авторы пользовались разными источниками, причем эти источники имели ашаритское и суннитское происхождение, и в том разделе этих книг, где обсуждаются собственно секты, искать исмаилитские корни имело бы мало смысла.

«Книга Древа» Таммамы, посвященная вопросам *таухида* (единства и единственности Бога), циклам пророчеств, физическому и духовному мирам, сотворению Адама, описывает четыре духовные категории существ: ангелы (*малаика*), джинны, сатаны/шайтаны/иблисы (*шайатин/абалиса*) и люди (*инс*) и то, как они существуют на двух уровнях: потенциальном и фактическом, а также различия между ними. «Глава о Сатане» составляет основной раздел первой части книги и включает описание семидесяти двух проклятых сект ислама. Трактат Шахрастани и «Глава о Сатане» Таммама сходны в том, что Сатана в них называется

---

⁹ Текст книги Таммама дошел до нас в уникальной рукописи начала XX в., обнаруженной в знаменитой семейной коллекции исмаилитских рукописей Хамдани в Индии. Текст «Главы о Сатане» опубликован: [An Ismaili Heresiography, 1998]. Более старая версия рукописи известна с 1391 г. под названием «Ал-Фирак вал-таварик» (*Различия и истории*) и ложно приписывалась Абу Хамиду ал-Газали.

источником сектантства. Каждая из этих сект обязана своим происхождением своему лидеру, который, согласно Абу Таммаму, является одним из шайтанов. Другими словами, эти шайтаны являются, по сути, *ахл ал-захир*, захиритами, или последователями буквального истолкования Корана, в отличие от *ахл ал-батин*, исмаилитов-батинитов, или последователей внутреннего, эзотерического смысла Корана. Выражаясь словами самого Абу Таммама, это факихи, т. е. правоведы, которые цепляются за внешнее слово Корана, за *кишр*, оболочку, не понимая его внутреннего, истинного смысла, *зерна*.

После краткого введения о шайтанах автор отсылает к широко известной традиции ересиографов¹⁰. Эта традиция утверждает, со ссылкой на пророка, что разные религии подразделялись на некоторое количество сект: евреи были разделены на семьдесят одну секту, христиане – на семьдесят две секты, а община Таммама, т.е. мусульмане, – на семьдесят три секты, и все они, кроме одной, будут в Аду. Каждую секту он описывает, представляет ее основные доктрины, но не занимается опровержением каждой из них в отдельности, что можно встретить в некоторых ересиографических работах. Принципы деления на секты в этой книге следующие. Все семьдесят две неправедных секты подразделяются на три категории в соответствии с тремя принципами:

---

¹⁰ Текст книги имеет много общих мест с другими ересиографическими, или иначе сказать, доксографическими произведениями, такими как «Макалат Аби-л-Касим» («Учение Абу-л-Касима») главы багдадской школы мутазилитов Абу-л-Касима ал-Балхи (ум. в 931 г.), «Макалат аль-ислабийин» ал-Ашари*, «Аль-Фисаль фи-ль-миляль уа-ль-ахва уа-н-нихаль» («Книга религиозных мнений, ересей и сект») ибн-Хазма, «Мафатих аль-улум» («Ключи наук») аль-Хорезми и др., однако основным источником для Таммама скорее всего была книга ал-Балхи.

* «Макалат» аль-Ашари на русском языке частично доступен по изданию: [ал-Ашари, 2013].

Оценка возникновения и значения такого рода жанра – доксография или ересиография – крайне чувствительна к термину, которым мы его обозначаем. Если мы выбираем нейтральный термин доксография, то полагаем, что текст будет посвящен перечислению различных взглядов, своего рода инвентаризации тех представлений, вопросов и проблем, которые в какой-то момент имели место в той или иной традиции, за тот или иной временной промежуток. Задачей доксографа будет бережно и тщательно собрать и инвентаризировать все знания, свидетельства и сообщения до крупницы. Вопрос о цели этого занятия, «для чего?», мы не ставим – очевидно, чтобы «просто» собрать.

Совершенно другой видится оценка этого же самого компендиума как *ересиографии*. Здесь очевидной становится исходная задача – не просто собрать и классифицировать те или иные взгляды, а собрать их и *использовать каким-то образом*, в частности, для выработки *нормативности религиозного знания* (что собственно и происходило в ашаритской традиции), для узаконивания той или иной догматики. В этом смысле пишущий в данном жанре оказывается не просто собирателем и инвентаризатором, он пишет традицию, если не отвечая на вопрос, то, по крайней мере, задавшись вопросом, например, что из этого могло бы претендовать на роль «настоящего ислама». Разумеется, чтобы выработать параметры нормативности, границ дозволенного и недозволенного с точки зрения той или иной догматики или идеологии, необходимо собрать и классифицировать все подходы, причем не только, как в случае с исламом, внутренние религиозные расколы и ответвления, но и внешние религии, которые могли так или иначе оказать влияние (позитивное или негативное) на устанавливаемую или только предполагаемую догматику или идеологию, или составить конкурирующие лагеря для нее.

Понятно, что при *ересиографической* фиксации традиции мы справедливо ожидаем критических оценок «чужих» уже внутри самой книги и в соответствующих разделах. Однако опыт становления исламской теологии показывает, что эти ожидания необоснованны. Вспомним, например, случай с аль-Газали, который написал два трактата – «Намерения философов» и «Опровержение философов». Латинская богословская традиция перевела только первый трактат, и затем считала *Альгазеля* наиболее последовательным *философом*, тогда как у *фальсафы*, пожалуй, не было более злого и обстоятельного врага.

Возвращаясь к труду Шахрастани и забегая несколько вперед, отметим, что именно введение и методология этого текста демонстрируют его *ересиографический* характер и показывают, что Шахрастани все-таки *дает оценку* сложившейся традиции с многими различными взглядами.

- 1) те, кто считает послушание Богу исключительно вопросом веры;
- 2) те, кто утверждает, что законы (*шарай*) не являются частью веры;
- 3) те, кто утверждает, что имамом после Посланника Бога должен считаться Али.

Каждая из этих трех основных групп включает в себя 24 секты. Первая группа состоит из мутазилитов (6 сект), хариджитов (14 сект) и хадиситов (*ахл ал-хадис*, традиционалистов, 4 секты). Вторая группа состоит из кадаритов / джабритов (5 сект), мушаббихитов (антропоморфистов, 13 сект) и мурджиитов (6 сект). Третья группа включает в себя зайдитов (5 сект), кайсанитов (4 секты), аббасидов (2 секты), галийядов («крайние», или *экстремисты*, 8 сект) и имамитов (5 сект). Само собой разумеется, что последователи *ахл-ал-батин*, то есть исмаилитов Таммамы, принадлежат к семьдесят третьей секте, единственной, спасенной для Рая.

У Шахрастани во введении представлена аналогичная схема. При этом она сочетает в себе мифологические и арифметические установки, которые позволяют продемонстрировать роль Сатаны в том, что люди сбились с прямого пути послушания Богу. Сопоставление этих частей в указанных трактатах создает впечатление, что смысл этих книг заключался не столько в том, чтобы представить последовательное историческое изложение теологической и философской мысли ислама, сколько продемонстрировать, как Сатана (Шайтан или Иблис) посеял в сознании людей сомнение, разбив его в свою очередь на семь других сомнений, которые разрослись во всевозможные секты. В итоге люди сошли с правильного (читай, исмаилитского) пути, примкнув к различным сектам, исповедующим семь сатанинских сомнений. Если Шахрастани просто перечисляет основные сомнения и говорит о том, что из них возникли секты, то Таммама гораздо более прямолинеен. Он прямо отождествляет суннитских халифов Абу Бакра и Умара с сатанами: «Первого» с шайтаном, «Второго» – с иблисом, полагая, что они ввели мусульман в заблуждение относительно признания авторитета Али.

В «Книге о религиях и сектах» Шахрастани крайне любопытна вводная часть, представляющая собой «пять предисловий», содержащая принципы организации книги и ее методологические основы, которые содержат отсылки к арифметическим принципам.

В «первом предисловии» Шахрастани начинает с того, что делит население мира на категории в соответствии с различными подходами. Деление можно производить по семи климатическим поясам, внутри них разделяя людей по природным и духовным качествам, цвету кожи или языку; по четырем странам света, также отдавая должное природным качествам и религиозным законам каждой стороны; по четырем большим народам: арабам, персам, византийцам и индийцам, объединяя их затем попарно по поведению или по их способам установления свойств вещей. А можно делить народы по взглядам и верованиям, и в этом заключается подход его книги:

«По основному правильному делению люди подразделяются на последователей вероисповеданий и религий и на “сторонников собственных мнений” и сектантов.

Последователями вероисповеданий безусловно являются такие, как *маги, иудеи, христиане, мусульмане*.

“Сторонниками собственных мнений и суждений” являются такие, как *философы, дахриты, сабии, звездопоклонники, идолопоклонники, брахманы*.

Каждая из этих групп разделяется на секты. Учения “сторонников собственных мнений” не упорядочиваются в определенное число, учения же последователей вероисповеданий ограничены приговором имеющегося об этом предания. Маги разделились на семьдесят сект, иудеи – на семьдесят одну секту, христиане – на семьдесят две секты, мусульмане – на семьдесят три секты. Навеки спасется из этих сект (лишь) одна» [аш-Шахрастани, 1984, с. 27]. В отличие от Абу Таммама, Шахрастани не уточняет, какая именно секта спасется.

Во «втором предисловии» Шахрастани говорит: «Четыре большие секты в исламе – *кадариты, сифатиты, хариджиты, шииты*. Затем одни из них соединяются с другими, и от каждой [большой] секты ответвляются ветви, достигая семидесяти трех сект» [аш-Шахрастани, 1984, с. 29].

В «третьем предисловии» он изображает «сатанинскую» мифологическую историю, которая показывает сатанинские истоки мусульманского идейного разделения. Его главная цель – зафиксировать разногласия между религиозными общинами таким образом, чтобы было видно, к какому из сатанинских сомнений каждая из них восходит. Первое сомнение, появившееся у людей, источником которого был Иблис, заключалось в том, что Иблис (а потом и сами люди) противопоставил собственное мнение божественному закону, предпочел собственные желания божественному повелению, превознес огонь, из которого он сотворен, перед глиной, из которой сотворен Адам.

От этого первого сомнения ответвились семь других, распространились среди людей и проникли в их умы, став еретическими учениями. Шахрастани еще раз подчеркивает: всякое человеческое сомнение возникло из обмана шайтана, выросло из его сомнений. Эти семь вопросов или сомнений составляют т.н. «семь ложных аргументов Сатаны» и сводятся к изначальному акту его неповиновения Богу, ставя под сомнение последовательность и разумность действий Бога, а тем самым и его мудрость, указывая на противоречивость божественных решений. Заблуждений, как и сомнений, семь и в своей совокупности они относятся к отрицанию божественного повеления и к стремлению противопоставить собственное личное мнение божественному закону. Позволим себе привести их все, кратко сформулировав основной тезис каждого из сомнений, чтобы читатель мог понять и обдумать те направления, которые дали толчок для каждой секты.

Сомнение первое: знал ли Бог до того, как сотворить Иблиса, что из него выйдет, и если знал, то почему сотворил, почему сотворил его первым и в чем заключается мудрость этого деяния?

Сомнение второе: если Бог сотворил Иблиса по собственной воле и желанию, зачем обязал признать его и повиноваться ему?

Сомнение третье: если Бог изначально сотворил Иблиса с вмененной обязанностью признавать Бога и повиноваться ему, зачем сверх того еще обязал повиноваться? Разве может это увеличить признание и повиновение?

Сомнение четвертое: Бог сотворил Иблиса и обязал Себе поклоняться, но зачем при этом заставил поклоняться еще и Адаму и изгнал из рая за отказ это сделать? В чем мудрость такого деяния, если Иблис не отказывался от своего обязательства поклоняться Богу?

Сомнение пятое: если Бог проклял и изгнал Иблиса из рая, то зачем вторично открыл ему путь к Адаму, чтобы тот был совращен?

Сомнение шестое: зачем Бог предоставил Иблису власть над потомками Адама, так что он их видит, и на них действует его искушение, а они его не видят, и на него не действует их сила?

Сомнение седьмое: почему Бог не уничтожил Иблиса немедленно, а удовлетворил его просьбу отсрочить смерть до дня воскрешения людей, допустив тем самым существование в мире зла?

Хотя текстов, в которых Сатана представлен как источник сектантства в исмаилитской тестовой традиции немного, существует точка зрения, согласно которой объяснение сектантства сатанинским происхождением могло быть общей чертой восточной ересиографической традиции X в.. То, что и Абу Таммам, и аш-Шахрастани обращаются к аналогичному образу Сатаны, вероятно, свидетельствует об их причастности (или причастности их источников) более ранним космологическим системам исмаилитов, которые в свою очередь унаследовали местные месопотамские гностические системы мышления [Gaiser, 2008, p. 188-189]. Известно, что месопотамские космологии, а вслед за ними и исмаилитские признавали ряд ангельских посредников между пророками и Богом. В такой космологии Бог сначала производит ангельскую пару *kūnī* – *qadar*, только после этого произносит знаменитое кораническое «Будь!», определяющее его статус Творца и посредством которого творится все сущее, но у исмаилитов этим приказанием проявляется только первая часть пары – *kūnī* (слово означает императив женского рода глагола «быть»). Затем из этого существа эманурует ее партнер, *qadar* (предопределение)¹¹. Имена этих двух существ содержат в себе первоначальную гептаду (семерку) арабских букв *kāf* ك, *vāv* و, *nūn* ن, *ya'* ي, *kāf* ق, *dāl* د, *rā'* ر, и также в них заключены семь небесных посредников. В исмаилитской литературе эти буквы также известны как семь небесных букв: они являются первым из четырех наборов по семь букв, которые составляют двадцать восемь букв арабского алфавита и, следовательно, составляют всю вселенную (в силу изначального божественного творения словом). Из этих небесных букв состоит все, что может быть названо, им соответствуют другие гептады творения, такие как семь небес, семь посредников и семь законодателей-пророков, которые передают свои откровения в семи временных циклах [Ibid.]. Многие авторы справедливо усматривают в такой наполненной числами космологии неоплатонические влияния.

Такой нумерологии много в тексте Таммамы и меньше у аш-Шахрастани. Однако во введении у аш-Шахрастани именно «гептадам» отведена объяснительная роль, а суть его теории происхождения сект базируется на концепции эманации, когда из первого сомнения проистекают все прочие, а из них последовательно – все секты.

«Четвертое предисловие» разъясняет первое сомнение, как оно разветвилось, а также рассматривает два спора и десять разногласий, возникших в связи со смертью Мухаммеда относительно основ ислама. Десятое разногласие относительно верховной власти – наиболее

¹¹ [Gaiser, 2008, p. 189-190] со ссылкой на [Daftary, 1990, p. 141; Walker, 1993, p. 47].

трудное и развернутое в тексте, и именно этот вопрос наиболее актуален для представителей шиитского ислама. В рамках этого предисловия обсуждаются актуальные шиитские темы «Верблюжьей битвы», права Али на правление. Отдельными разногласиями (11-м и 12-м, хотя Шахрастани их не нумерует) можно считать вопросы имамата и прав первых имамов, также характерные для шиитов, и разногласие относительно основ веры, ведущее к появлению и оформлению калама, в том числе позднего, ашаритского.

Наконец, в «пятом предисловии» аш-Шахрастани объясняет методологию построения своей книги и становится понятно, почему он так часто апеллирует к числам. Он пишет:

«Предисловие пятое о причине, которая сделала необходимым построить эту книгу по пути исчисления. В нем указаны методы исчисления.

Поскольку исчисление основано на [полном] учете и краткости, а при составлении этой книги я стремился одновременно к [полному] учету учений и краткости [изложения], то в качестве организации материала я избрал путь полного учета и определил свою цель в соответствии с его методами как деление на части и главы. Я хотел [также] показать, каковы методы этой науки и как она подразделяется, чтобы не думали обо мне, что я, будучи правоведом и теологом, смотрю на ее действия и установки со стороны и пишу о ее понятиях и содержании как чужак. Поэтому я предпочел самый надежный и лучший метод исчисления, построил на нем самые ясные и твердые доказательства и соизмерил их с наукой о числе» [аш- Шахрастани, 1984, с. 45].

Здесь мы видим подход, хорошо знакомый нам по истории философии Нового времени, когда Лейбниц, Спиноза, Декарт стремились организовать свои работы как труды или даже учебники по геометрии и математике, полагая математику самым надежным и близким к истине знанием. Шахрастани также считает свой метод организации знаний о сектах крайне точным, причем даже не в силу фактического следования взглядам каждой из сект с наименьшим их искажением, а в силу именно математических принципов, которые к ним применяются. И арифметика здесь куда больше, чем просто инструмент, нумерующий и систематизирующий различные воззрения для удобства их понимания.

Шахрастани обращается к исчислению (*ал-хисаб*) как методу (т.е. пути и руководству, *тарик ва тавджих*), который обеспечивает одновременно полный учет и краткость, и в рамках его изложения это означает, что весь материал книги организован как полный учет представлений и учений, претендующий вместе с тем на краткость изложения, организованный как деление на части и главы. Шахрастани постарался показать методы арифметики и то, как она подразделяется, блокируя возможные обвинения в непрофессионализме, поскольку он, скорее правовед и теолог нежели математик, приходит в эту область со стороны и действует в ней как чужак. «Поэтому, – пишет Шахрастани, – я предпочел самый надежный и лучший метод исчисления, построил на нем самые ясные и твердые доказательства и соизмерил их с наукой о числе» [аш-Шахрастани, 1984, с. 33].

Он утверждает, что «разряды исчисления начинаются с единицы и кончаются семью, но никак не больше», и мы снова видим здесь исмаилитскую гептаду, и затем Шахрастани поясняет природу первых семи чисел.

Число один – это начало исчисления, и оно либо единично, как каждое число само по себе (например, число *один* – единственно и самодостаточно, и ни одно другое число не обладает уникальностью единицы), либо подразумевает деление на части, складываясь в сумму (как сумма двух единиц дает два, трех – три и т. д.). Но это число дает только возможности для остальных чисел делиться на части или образовывать единство, являясь, тем самым, причиной или собственно началом числа. «Большинство математиков за то, что единица не является числом, а число начинается с двойки и бывает четное и нечетное» [аш-Шахрастани, 1984, с. 47].

В этих рассуждениях явно чувствуются неоплатонические или неопифагорейские корни. Под единицей подразумевается только то, из чего получается число, но она сама не составная часть числа и число не состоит из нее. Еще один вид единичности присущ Создателю, и в нем эта единичность присутствует третьим, иным образом, от которого приобретают свою единичность все остальное¹².

Второй разряд, первое действительное число «два», пара, которое аш-Шахрастани называет «корнем», первое деление на части, результат первой суммы. С него начинается деление на четное и нечетное число. Три – первое нечетное, оно же – второе деление на части, четыре есть первое четное, и все, что после четырех – «повторное», включающее в себя рекомбинацию предыдущих разрядов. Семь состоит из нечетного и четного и называется совершенным числом. Восемь состоит из двух четных и является следующим началом (запуская новую гептаду чисел). В итоге Шахрастани представляет 7 разрядов, каждый из которых имеет свое графическое отображение, где первый и последний (седьмой) разряды совпадают в графическом отображении («линия от края до края», тогда как все другие разряды описываются все более и более короткой линией): третий – также «корень», но в другом графическом отображении; четвертый – «сокровенное»; пятый – «малое», корень + нечетное число; шестой – «искривленное», сумма двух нечетных чисел; седьмой – «комплексное», нечетное + четное, что представляет собой «полное»: «это – конец, который походит на начало» [аш-Шахрастани, 1984, с. 46]. Особое отображение разрядов знаками или буквами, которые были написаны на полях рукописи, интерпретаторы нередко считали либо ошибочными, случайными знаками, либо вообще не могли объяснить их происхождение. Однако, исходя из традиции исмаилитской гептады букв, эти знаки приобретают особое значение, символизируя каждый из первых семи элементов.

Шахрастани пишет, что по этому же принципу построены главы: «Так можно представить графически исчисление и общее количество глав. Каждая часть глав имеет такую

---

¹² Единичность Бога в исламе выражается в принципе *таухид*, или «обеспечении единства», который является одним из главных принципов религиозной (и не только) мысли в исламе, означая строгий и последовательный монотеизм. Выражается он формулой «нет Бога, кроме Аллаха» или «нет у Аллаха сотоварища», которая предполагает, что не только не может быть никого или ничего равного Аллаху (*единственность Бога*), но и что никакая часть Бога не является самостоятельной и отдельной от его сущности, поскольку его сущность неделима, а отсюда как следствие проистекает отрицание сыновей и дочерей Бога (*единство Бога*), существенное в спорах с христианами. Также принцип *таухид* распространяется на действия Бога (никакое действие в мире не самостоятельно и возможно только при абсолютном божественном контроле) и на Божественные атрибуты (никто, кроме Бога не может обладать его атрибутами, а все атрибуты тождественны в Боге и не являются его частями или предикатами, дополняющими его сущность).

же, соответствующую ей, пару, которая равна ей по длине... Всеобщими, универсальными элементами в числе являются единица, два, три и четыре. Это – совершенство, все, что превышает их, – составные, несчетные (числа), и вот поэтому другие главы не ограничиваются конкретным числом, а продолжают, как длится исчисление» [аш-Шахрастани, 1984, с. 46 - 47]. В отсылке к совершенству четверки снова прослеживаются неопифагорейские и неоплатонические корни. Глав в книге также всего семь, они соответствуют перечисленным в предисловии ложным аргументам Сатаны, и посвящены соответственно мутазилитам, джабаритам, сифатитам, хариджитам, мурджиитам, шиитам и фуруитам. Как видно, структура и порядок сект отличается от структуры, которую мы видели у Таммамы.

В целом, согласно Шахрастани, в основе человеческой истории лежат математические принципы, которые показывают, как из самого первого аргумента Сатаны «эманировали» все последующие, в которых все меньше единичности или единства, все больше различных делений. Несмотря на то, что математические принципы Шахрастани предельно просты и тривиальны, они очень удачно иллюстрируют и позволяют организовать всю систему исламских вер внутри разных сект или групп. Особенно обращает на себя внимание принцип эманации из единого, ставший характерной чертой для исмаилитских взглядов.

Итак, исходя из основного содержания книги аш-Шахрастани трудно усмотреть его приверженность исмаилитским взглядам (крайне подробное изложение взглядов Хасана ибн-Саббаха вряд ли будет являться достаточным аргументом на фоне изложения взглядов, пусть даже менее подробного, представителей и основателей других сект), тем не менее, ее вводная часть не оставляет сомнений в общем происхождении и сходстве структуры с другими исмаилитскими книгами. Поэтому вопрос, продолжать ли нам считать аш-Шахрастани беспристрастным энциклопедистом или признать, что он существенно зависел от исмаилитской книжной традиции в своих оценках истории мысли ислама, был ли он доксографом или ересиографом в обозначенном выше смысле (см. сн. 10), остается открытым, однако аргументов в пользу второй точки зрения уже достаточно.

Итак, мы хотели показать, что историко-философское исследование, хотя и носит отчасти характер спекулятивной интерпретации, является принципиально эмпирической дисциплиной, существенно зависимой от фактов, в качестве которых предстают источники, и решающим фактором смены историко-философской «парадигмы» или философского канона являются прежде всего наше доверие и внимательное чтение источников, и уже во вторую очередь – ясность содержания или смелость интерпретации. На примере Шахрастани хорошо видно, что, несмотря на более подробное изложение раздела об исмаилитах и вообще о шиитах, нежели других частей книги, и даже на явные свидетельства современников о шиитских пристрастиях ее автора, пока «Книга о религиях и сектах» не была поставлена в ряд аналогичных шиитских книг, она вполне комфортно и в рамках сложившегося канона оставалась в ряду аналогичных доксографических ашаритских книг.

Список литературы / References

Ал-Ашари, Абу ал-Хасан (2013). О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву (фрагменты). Пер. с арабского и комментарии А. В. Смирнова. *История арабо-мусульманской философии: Антология*. Под ред. А. В. Смирнова. М. С. 66-97.

Al-Ashari, Abu al-Hasan. What did the people of Islam talk about and what did those who performed the prayer differ in (fragments). Transl. and comments by A. V. Smirnov. In A. V. Smirnov (ed.). *History of Arab-Muslim Philosophy: Anthology*. Moscow. pp. 66-97. (In Russ.)

Аш-Шахрастани, Мухаммад ибн ‘Абд ал-Карим (1984). *Книга о религиях и сектах (Kitāb al-milal wa-n-nihal). Ч. 1: Ислам*. Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М.

Al-Shahrastani, Muhammad ibn ‘Abd al-Karim (1984). *A book about religions and sects (Kitab al-milal wa-n-nihal). Part 1*. Transl. from Arabic, introd., comment. by S. M. Prozorov. Moscow. (In Russ.)

Аш-Шахрастани, Мухаммад б. ‘Абд ал-Карим (2011). Книга о религиях и религиозно-философских учениях. Гл. 2: Маги. Пер. С. М. Прозорова. *Ишрак: ежегодник исламской философии*. № 2. С. 150-188.

Al-Shahrastani, Muhammad b. Abd al-Karim (2011). A book about religions and religious-philosophical teachings. Ch. 2: Magi. Transl. by S. M. Prozorov. In *Ishrak: Yearbook of Islamic Philosophy*. no. 2. pp. 150-188. (In Russ.)

Джувейни, Ата-Мелик (2004). *Чингисхан. История Завоевателя Мира*. Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д. О. Моргана; перевод текста с английского на русский язык Е. Е. Харитоновой. Москва.

Juveini, Ata-Melik (2004). *Genghis Khan: the history of the world conqueror*. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini into English by J. E. Boyle, with a preface and bibliography by D. O. Morgan; transl. of the text from English to Russian by E. E. Kharitonova. Moscow. (In Russ.)

Прозоров, С. М. (2005). «Верования арабов во времена ал-джахилии» аш-Шахрастани. Комментарий, пер. с араб. *Письменные памятники Востока*. № 2(3). С. 26-46.

Prozorov, S. M. (2005). “The beliefs of the Arabs in the time of al-jahiliya” by al-Shahrastani. Comment., transl. from Arabic. *Written monuments of the East*. no. 2 (3). pp. 26-46. (In Russ.)

Madelung, W. and Walker, P. E. (eds.) (1998). *An Ismaili Heresiography: The ‘Bāb al-Shaytan’ from Abū Tammām’s Kitāb al-shajara*. Leiden

Cureton, W. (ed.) (1842–1846). *Shahrastani, Muhammad ibn ‘Abd al-Karim: Kitab al-milal wa-al-nihal: Book of Religious and Philosophical Sects*. 2 vols. in Arabic. London.

Daftary, F. (1990). *The Ismā'ilis: Their History and Doctrines*. Cambridge.

Gaiser, A.R. (2008). Satan's Seven Specious Arguments: al-Shahrastānī's *Kitāb al-Milal wa-l-nihal* in an Ismā'ili Context. *Journal of Islamic Studies*. Vol. 19. no. 2. pp. 178-195.

Haarbrücker, T. (transl.) (1850–1851). *Religionsparteien und Philosophenschulen*. Halle.

Walker, P.E. (1993). *Early Philosophical Shiism*. Cambridge.

Yolton, J. (1986). Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions. *Synthese*. no. 67. pp. 3-21.

Сведения об авторах / Information about the authors

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

Статья поступила в редакцию: 15.05.2021

После доработки: 07.06.2021

Принята к публикации: 15.06.2021

Volf Marina – Doctor of Philosophy, associate Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

The paper was submitted: 15.05.2021

Received after reworking: 07.06.2021

Accepted for publication: 15.06.2021

УДК 1:3; 930.1; 316.012; 316.422; 316.423.3

РЕВОЛЮЦИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИСТОРИИ

Н. С. Розов

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск),
nrozov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роль революций в двух взаимосвязанных контекстах: смысла истории и модернизации. Смысл истории трактуется как успех исторического испытания в построении систем крупных формальных институтов и организаций (*Gesellschaft*), обеспечивающих благоприятные условия для развития разнообразных малых, основанных на доверии и солидарности сообществ (*Gemeinschaft*), для полноценной жизни каждого человека. Этот социальный идеал, хоть выглядит утопично, но служит маркером гуманистичности политико-правовых устройств разных обществ. Глобальное испытание происходит в условиях возобновляющихся трудностей и препятствий: от дефицита ресурсов до группового эгоизма, конфликтности и неизбывных соблазнов к гегемонии, насилию и эксплуатации. Показана сложность роли основных линий модернизации: двойственность бюрократизации и капиталистической индустриализации в отношении продвижения к успеху данного испытания, тогда как секуляризация, демократизация и обеспечение творческой свободы вполне способствуют успеху. Революции в разных условиях ведут либо к расчистке путей для тех или иных процессов модернизации, либо тормозят их, блокируют, даже обращают вспять. Революции оказываются самыми действенными, но и самыми противоречивыми явлениями, как в плане модернизации, так и в плане смысла истории как глобального испытания человеческого рода.

Ключевые слова: социальные революции, смысл истории, социальная эволюция, модернизация, бюрократия, секуляризация, капитализм, индустриализация, демократизация, *Gesellschaft*, *Gemeinschaft*, гуманизм, свобода, достоинство.

Для цитирования: Розов, Н. С. (2021). Революции и гуманистический смысл истории. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 35-49 DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.35-49

REVOLUTIONS AND HUMANISTIC MEANING OF HISTORY

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk)
nrozov@gmail.com

Abstract. The role of social revolutions is considered in two interrelated contexts: the meaning of history and modernization. The meaning of history is interpreted as a success of the historical self-test of humanity in building large intra- and interstate systems of formal institutions and organizations (*Gesellschaft*) that would provide the most favourable conditions for the development of various small informal, based on trust and solidarity communities (*Gemeinschaft*) and for a full value (free, worthy and meaningful) life of individuals of the current and future generations. This global historical self-test needs to overcome the harsh obstacles: from scarcity of resources to group selfishness, inescapable temptations to hegemony, conflict, violence, and exploitation. Modernization with its five main lines occurs to be extremely significant for the historical success of the global self-test. Bureaucratization and capitalist industrialization are ambiguous, while secularization, democratization and ensuring of creative freedom fully correspond to the meaning of history thus understood. Revolutions interact with the main lines of modernization in

a complicated way. They destroy old bureaucracies and create new ones, lead to secularization or its reversal, contribute to the development of capitalism or destroy the markets of the capital, labour and land, lead societies to democracy or to even greater authoritarianism, open up freedom to cultural creation or suppress it. Revolutions are the most effective but also the most controversial phenomena, both in terms of modernization and in terms of the meaning of history as a global self-test of the human race.

Key words: social revolutions, the meaning of history, social evolution, modernization, bureaucracy, secularization, capitalism, industrialization, democratization, *Gesellschaft*, *Gemeinschaft*, humanism, freedom, dignity.

For citation: Rozov, N. S. (2021). Revolution and humanistic meaning of history. *Respublica Literaria*. Vol. 2. № 2. С. 35-49. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.35-49

Достаточно ли научного взгляда на революции?

Социальные революции не случайно являются излюбленной темой историков и социологов. Историю интересуют изменения, социологию – социальные порядки. Ничто так ярко и драматично не изменяет социальные порядки как революции. Для синтетической дисциплины – исторической макросоциологии – революции всегда находятся в центре внимания, поскольку являются переломными моментами в развитии обществ, в социальной эволюции.

Научный подход к исследованию революций имеет свои преимущества, поскольку позволяет сосредоточивать внимание на конкретных деталях, последовательности событий, расстановке сил, характеристиках героев и противников революций, а в теоретическом плане – на моделях, закономерностях, механизмах конфликтной динамики. При этом можно отвлекаться от таких щекотливых и смутных материй, как справедливость революционных идей и требований, (не)оправданность насилия, прогрессивность или регрессивность революций, наконец, место и смысл революций в мировой истории.

Но ведь сами революции всегда нагружены ценностями, идеями, идеалами, они играют исключительную роль в общественном развитии, поэтому осмысление революций в философии истории и социальной философии не менее значимо, чем их научное изучение.

Философы размышляли о революциях, начиная с Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Гегель, К. Маркс, М. Бакунин, П. Кропоткин, А. Грамши, Д. Лукач, члены Франкфуртской школы, Х. Арендт осмыслили роль революций в истории. Сейчас интерес философии к революциям сохраняется разве что в остаточных марксистской и анархистской традициях. В большинстве западных справочников тема «философии революций», как правило, сводится к пересказу идей все тех же авторов. В современной философии нет обоснованного, признанного общего осмысления природы и роли революций в мировой истории.

В данной работе попытаемся прояснить следующие моменты: определение социально-политических кризисов и революций, характер их связи с модернизацией и ее линиями (автономными процессами) в контексте гуманистического смысла истории, понимаемого как перманентное самоиспытание человеческого рода на способность к защите жизни, свободы и достоинства каждого индивида.

Социально-политический кризис и революция – определение базовых понятий

Любые политические режимы переживают неприятности, в том числе, различные формы выражения недовольства населения властью и порядками, нелояльности элит, индивидуальных эксцессов, терроризма, групповых протестов, мятежей разного уровня массовости. Где провести границу, после которой интенсивность низовых протестов, недовольства и фронды элит уже следует квалифицировать как социально-политический кризис или революцию?

Воспользуемся классической тойбианской схемой «вызов-ответ» [Тойнби, 1991]. Каждый сколько-нибудь серьезный протест представляет собой вызов для режима. Если стандартные ответные действия (подкуп, переговоры и уступки, запугивание, репрессии и т. д.) гасят протест, то настоящего кризиса не возникает. Если же они приводят только к усилению протестов, росту недовольства властью и режимом, то следует говорить о наступлении социально-политического кризиса.

Теперь уже этот новый виток массового возмущения, конфликтности требует нового типа ответа от правящей группы. В зависимости от адекватности этого ответа кризис может быть подавлен, умиротворен, либо продолжится углубление кризиса, что уже чревато революцией.

Итак, социально-политический кризис в государстве – это конфликтный период, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удастся погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства.

Сложнее дело обстоит с определением революций. Может ли политический режим после революции (даже подавленной) остаться тем же? Нет. Революция действительно предполагает существенную трансформацию режима. Но что именно в политическом режиме считать существенным? Многое ведь остается прежним. В ходе революции непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия. Если такого превращения нет, то нет и революции. Кроме того, полезным является соотнесение революции с государственным режимом и социально-политическим кризисом (не бывает революций вне государства и без кризиса) и через кризис – с конфликтом как родовым понятием. Революция – это всегда острая стадия кризиса, отличительной чертой которой является реальная угроза свержения власти (удавшегося или нет).

Получаем следующее определение.

(Социальная) революция – это возможное следствие социально-политического кризиса государственного режима с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуются отношения и институты политического взаимодействия.

Смысл истории как самоиспытание человеческого рода

Проблеме смысла истории была посвящена другая работа [Розов, 2016, с. 235–252], поэтому, опуская обоснования, буду пользоваться здесь результатом уже проведенных рассуждений.

Мировая история предстает как перманентное самоиспытание человеческого рода, критерий успеха которого связан с обеспечением полноценной жизни людей, при учете дефицита ресурсов и неустранимой конфликтности интересов.

Гуманистический смысл истории (то, что И. Кант называл «планом Природы» [Кант, 1994]) состоит в поиске и построении таких структур взаимодействия между людьми и способов нашего существования в природном окружении, которые обеспечивают полноценную (защищенную, свободную, достойную, осмысленную) жизнь для каждого человека в каждом поколении. Этот социальный идеал, хоть выглядит утопично, но служит маркером гуманистичности политико-правовых устройств разных обществ в разных цивилизациях и эпохах. Глобальное испытание проходит при условиях сосуществования нередко конфликтующих обществ, групп с широким разнообразием стремлений, когда ресурсы ограничены, население растет, потребности людей увеличиваются, а интересы сталкиваются.

Понятый так смысл истории вполне соответствует идее и принципам гуманизма, но с упором на труднейшие задачи построения социальных и техно-экологических систем с вышеуказанными требованиями относительно жизни каждого индивида, причем через преодоление перманентных и крайне неблагоприятных препятствий для этого. Поэтому идейным основанием данной версии смысла истории является гуманизм преодоления.

Такая позиция во многом перекликается с известными версиями «светского», «планетарного», «универсального», «глобального» гуманизма, с этикой ненасилия [Гусейнов, 1992; Куртц, 2000; Чёрный, 2003]. Различие состоит в том, что гуманизм преодоления не претендует на универсальную идеологию для повсеместного распространения, тем более, для дискредитации каких-либо религий, верований. Вместо этого, скромное признание неизбежности широкого разнообразия ценностных систем, в том числе, религиозных, сочетается здесь с упором на необходимость через формальные правила и институты последовательно преодолевать препятствия мирного сосуществования сообществ разного масштаба для свободной, достойной жизни каждого человека, во что бы он ни верил.

Последующее рассуждение привело к результатам, в которых актуализируется классическая пара Фердинанда Тённиса *Gesellschaft* (социальные системы с холодными, безличными отношениями, основанными на формальных правилах и нормах) и *Gemeinschaft* (малые сообщества с теплыми, личными отношениями, основанными на солидарности, доверии, неформальных правилах).

Главным историческим испытанием оказывается способность обществ создать и «настроить» такие *Gesellschaft* (системы городского и регионального управления, государства с их учреждениями, международные структуры и союзы разного рода), которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития разнообразных малых *Gemeinschaft*, обеспечивающих полноценную жизнь индивидов. При успехе испытания

крупные *Gesellschaft* ответственны за поддержание таких правил взаимодействия малых *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* с природным окружением (от потребления вещества и энергии до утилизации отходов) и между собой, чтобы всевозможные социальные и природные угрозы приводили к минимальному ущербу для жизни людей, их свободе, достоинству, ценностям.

Все без исключения революции являются испытаниями, поскольку революционеры и восставшие жаждут справедливости, достоинства, проявляют, как могут, свою свободу, уверены, что их действия, поступки, риски, жертвы осмыслены, надеются на успех, хоть и далеко не всегда его достигают.

Способствуют ли революционные повороты успеху глобального испытания человеческого рода (гуманистическому смыслу мировой истории) или подрывают его?

Контекст социальной эволюции

Оставляем открытым вопрос о революциях в обществах ранней государственности. Отнюдь неслучайно волны революций охватывают Европу в начале перехода от зрелой к сквозной государственности (к режимам с распространением бюрократического учета, контроля, фискальных, рекрутских, образовательных и прочих служб до каждого подданного или гражданина). Таковы восстания вкупе с религиозными войнами периода Реформации, которые включают уже несколько успешных революций, – там, где победили протестанты [Тилли, 2009; Голдстоун, 2015].

Если в XVI–XVII вв. настоящие революции (согласно данному выше определению) происходили только в некоторых странах Западной Европы (германские государства, Нидерланды, Англия), то начиная с «Атлантической волны» (Американская и Французская революции конца XVIII в.) весь XIX в. и весь XX в. полны революциями уже почти по всему миру. «Арабская весна» 2011-2012 гг., продолжающиеся конфликты и войны в Ливии и Сирии, а также известные события в Грузии, Украине, Кыргызстане, Таиланде, Боснии, Венесуэле, Каталонии, Гонконге, Чили, Армении, Беларуси показывают, что в XXI в. глубокие социально-политические кризисы и революции отнюдь не прекратились.

В плане больших структур мировой истории все революции происходят в основной период сквозной государственности и при этом существенно меняют режимы. Значит, для понимания их исторического смысла нам требуются более тонкие различия. Поэтому обратимся далее к понятию «модернизация», под которой здесь будем понимать совокупность следующих относительно долговременных линий – автономных исторических процессов [Коллинз, 2015, гл. 4–5]:

- бюрократизация (рост и разветвление государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных – патримониальных и общинных – институтов);
- секуляризация (смещение церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.);
- капиталистическая индустриализация (распространение машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы);
- демократизация (развитие коллегиального разделения власти, конституционализма и расширения избирательного права).

В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент:

- рост творческой свободы в культурном производстве, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда происходят частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Модернизация, с одной стороны, «пробивала себе дорогу» через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривосточным кризисам, к войнам, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, которые либо приводили к дальнейшей модернизации обществ, либо сталкивали их в контрмодернизацию по одной, нескольким или даже по всем линиям.

Бюрократизация – стержень модернизации

Бюрократизация как проникновение государственных структур и порядков в недра общества обычно замещает прежние традиционные институты патримониального (формирующегося вокруг «больших домов», поместий) или общинного характера (внутри родственных кланов, крестьянских миров, городских соседств, каст, сословий).

Бюрократизация европейских обществ Нового времени как начало перехода к эпохе сквозной государственности представляет собой неуклонное усиление и расширение роли формальных *Gesellschaft*, вытесняющих традиционные патримонии (роды, кланы), личные патрон-клиентские отношения, локальные соседские общины, всегда имевшие свойства неформальных *Gemeinschaft*. Этим определяется принципиальная двойственность бюрократизации в отношении гуманистического смысла истории.

Огромное множество взаимодействий индивидов и групп может регулироваться безличными формальными правилами, поддержанными государственной бюрократией, в том числе правоохранительной системой, единой системой судов. Таким образом, благодаря бюрократизации выстроен весьма солидный фундамент для успеха исторического испытания.

При этом сама бюрократия была выращена, а затем стала расти (разрушая или подминая под себя прежние традиционные структуры) отнюдь не в целях увеличения свободы, счастья и благополучия индивидов. Изначально бюрократизация была инструментом геополитической конкуренции великих европейских держав, а затем бюрократические принципы и практики показали свою эффективность почти во всех сферах жизни обществ: от систем образования и здравоохранения до тоталитарного контроля над умами и массовых репрессий [Тилли, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011].

Всегда бюрократизированные *Gesellschaft* насущно необходимы для успеха исторического испытания, но сами они должны быть существенно ограничены там, где препятствуют защищенности, свободе и достоинству человека. Вмешательство государственной или международной бюрократии в частную жизнь индивидов, в семьи, в любые *Gemeinschaft*, в свободное общение между ними может быть оправдано, только когда необходимо защитить те же жизнь, здоровье, достоинство.

Несколько сложнее обстоит дело с бюрократическим регулированием обменов и рынков (экономических и не только), которые, между прочим, также суть проявление

свободы и свободного общения между людьми. Здесь оправданием вмешательства служат защита участников от жульничества, а также неизбывные фискальные нужды всех государств. Допустимые рамки вмешательства в демократических обществах устанавливаются как результаты парламентского торга и ротации власти.

С этих позиций рассмотрим (весьма пунктирно, разумеется) историю бюрократизации и роль революций в ней.

Революция и бюрократия: те, кто рождают и губят друг друга

Революции возникают при слабости и провалах государственной бюрократии, а побеждают при падении легитимности власти, при недостаточной лояльности, мощи ее силовых структур, их решимости защищать режим.

Сутью «абсолютизма» было расширение функций и полномочий центральной бюрократии (тогда – королевской администрации) за счет захвата, отвоевания политических, силовых, экономических, символических ресурсов у землевладельческой аристократии. В XVIII в. абсолютистскими становятся крупнейшие и сильнейшие европейские монархии, в число которых вошли Швеция, Россия, Пруссия и Австрия.

Однако все эти события и процессы оставались в рамках формирующего периода эпохи сквозной государственности. Что же стало началом основного периода – триумфа обществ данного типа? Что привело к уверенному победному шествию образцов новой эпохи не только в одном регионе, но и во всем мире?

Здесь открывается значимость Французской революции, а также оправданность титула «великий государственный деятель» для Наполеона Бонапарта.

Идеи нации, гражданства, гражданского равенства стали широко распространяться как раз со времени Французской революции. Поскольку сословия были отменены, ни аристократии, ни духовенству нельзя было доверять дел нации. Для этого стало необходимым большое, разветвленное, всепроникающее государство. Именно в данном пункте прежние абсолютистские институты и практики соединились с республиканскими и демократическими преобразованиями.

Наполеон стал великим в масштабе истории не столько талантами военачальника, сколько внушительными успехами в государственном строительстве. Он хоть и вернул страну от республики к монархии (став императором), но сумел за короткое время с помощью талантливых помощников выстроить настолько разумную и эффективную для того времени государственную систему, что даже полностью проиграв в военном и политическом аспекте, сделал французское государство образцом почти для всей Европы. Достаточно указать на роль «Наполеоновского кодекса» для законодательства множества других стран, в том числе, Российской империи (а потом и СССР).

Затем в XIX в. через конкуренцию и взаимное подражание европейских держав, через продолжавшуюся колонизацию остального мира образцы сквозной государственности стали распространяться повсеместно.

В XX в. победа коммунистических режимов в России-СССР, Китае, остальных странах «соцлагеря» и фашистских режимов в Италии, Испании, Германии приводила к росту вездесущности государства, бюрократической подконтрольности поведения граждан.

Национально-освободительные революции, распад колониальных империй в 1960-х гг., последующие «бархатные» революции, распад «соцлагеря», СССР, Югославии с появлением десятков новых государств не сократили, а напротив – увеличили число, величину и амбиции национальных бюрократий.

Как видим, триумфальное шествие бюрократизации по планете во многом обязано революциям. Но и сами революции совершаются при разложении, ослаблении бюрократий, способствуют их распаду, а затем при восстановлении государства победившие революционеры учреждают новые, нередко более вездесущие и могущественные бюрократии.

Если бюрократизация имеет двойственный характер относительно успешности глобального исторического испытания, то революция доводит эту двойственность до самых крайних пределов. Если в некоторых постреволюционных режимах (Нидерланды, Великобритания, США) бюрократия была более или менее поставлена под контроль разделением властей, системой демократического представительства, свободной прессой, то во многих других случаях постреволюционные режимы стали диктатурами, где вся мощь бюрократического контроля направлена на развитие тоталитарных практик, а саму бюрократию правителям приходится дисциплинировать регулярными «чистками».

Подтверждается давняя мудрость о том, что в коренных преобразованиях следует стремиться не к установлению Рая на земле, а к недопущению Ада. Как ни странно это звучит, успех революций в плане самоиспытания человечества определяется скромностью их амбиций в установлении «всеобщего равенства, братства и счастья».

Секуляризация: противоречивая роль революций

Секуляризация заключается в лишении церкви монопольного господства в культурной, моральной, символической сфере, в лишении ее статуса главного легитиматора власти, политической системы и социальной иерархии. Идейным основанием секуляризации являются принципы свободы совести, веротерпимости, толерантности.

В мире существует, и, вероятно, всегда будет существовать огромное разнообразие религий, конфессий, сект, а также различных версий духовных, мировоззренческих, моральных течений, в том числе атеистических. Соответствующие малые локальные сообщества (приходы, общины, согласия, уммы, кружки), как правило, принадлежат типу *Gemeinschaft*, поскольку основаны не только на вере, убеждениях, но также на личных связях, доверии и солидарности. Сами эти общины являются выражением человеческой свободы, поэтому секуляризация, в отличие от бюрократизации, вполне однозначно способствует успеху самоиспытания человечества как гуманистического смысла истории.

Если церковь тесно связана с властью и элитами, участвует явно или неявно в поддержке эксплуатации, подавлении низших классов и сословий, то следует ожидать антиклерикальной направленности революционной идеологии, радикальной секуляризации при победе революции, либо жесткой клерикализации режима при победе реакции. Яркими примерами здесь служат Великая Французская революция и Реставрация.

Если же церковь или религиозные общины отделены от государства, встроены в повседневную жизнь широких слоев населения, оказывают помощь беднейшим, тогда

протестные и революционные движения включают религиозные настроения, идеи, лозунги и могут обретать форму сект, религиозного обновленчества или борьбы за освобождение гонимой и подавляемой веры. Подтверждением служит множество исторических явлений: от роли хилиазма в крестьянских войнах в Германии, в Английской революции, от антипапской Реформации XVI-XVII вв. – до религиозного компонента в освободительной борьбе Ирландии, в бархатных революциях в Венгрии и Польше 1989 г., в исламской революции в Иране 1979 г., в активном участии «Братьев мусульман» в Египетской революции 2011 г.

Революции, таким образом, могут как вести к секуляризации, так и оборачивать ее вспять. Растет или сокращается свобода совести в новом режиме по сравнению со старым – таков важный критерий оценки революции: соответствует или препятствует она успеху глобального исторического испытания.

Авангардизм и традиционализм в культурном творчестве

Авангардизм понимается здесь как преобладающая направленность на новизну, небывалое и необычное в производстве образцов, продуктов культуры. Традиционные каноны и соответствующие культурные запреты, разумеется, противоречат принципу свободы, и в этом плане авангардизм как компонент модернизации соответствует успеху глобального испытания. Однако приверженность традициям, неприятие новшеств остаются весьма распространенными, они характерны для очень многих людей, которые имеют полное право иметь такие культурные установки. Поэтому революционное «сбрасывание с корабля современности» прежних культурных авторитетов, тем более запреты старых книг, старого искусства уже противоречат гуманистическому смыслу истории.

Если при старом режиме ограничивались или подавлялись новые, необычные течения, бросающие вызов устоям, то после победы революции следует ожидать период расцвета авангардизма в широком смысле. Таковы были рождение романтизма, отвергнувшего каноны классицизма после Французской революции, быстрая смена художественных стилей во Франции после Парижской коммуны, «Серебряный век» в 1910-е гг. в России, расцвет авангарда 1920-х гг. в СССР и Германии, в постреволюционные десятилетия в Мексике.

Когда же при консолидации нового режима правящие элиты получают монопольный контроль над культурным производством, то вероятны либо установление новых канонов, либо возврат к тем дореволюционным образцам, приверженность которым считается элитами в наибольшей мере легитимирующей их власть и привилегии. Таково было утверждение «социалистического реализма» и «сталинского классицизма» в 1930-е гг., таковой была и культурная политика Ирана после Исламской революции 1979 г.

Итак, лучшей позицией в отношении культурного творчества со стороны революционных лидеров и победителей опять-таки является скромность: ничего из старого не запрещать, но также ничего нового и ничего старого не навязывать в качестве принудительного канона. Наряду с отношением к свободе совести, такой критерий исторической оценки революций вполне правомерен.

Капиталистическая индустриализация – дитя революций и источник кризисов

Индустриализация означает, прежде всего, гораздо более интенсивное потребление человеческими обществами природных ресурсов благодаря использованию машин

и преобразованной энергии. Технический прогресс, будучи важнейшим компонентом модернизации, отчасти облегчая, отчасти рутинизируя труд, имеет хорошо известные негативные экологические следствия: от истощения ресурсов до деградации и загрязнения природного окружения. Как индустриализация, так и современные информатизация и роботизация, нейтральны в отношении глобального самоиспытания человеческого рода: при разных социальных условиях и политических режимах они могут служить как росту, утверждению свободы, достоинства, осмысленности жизни людей, так и их подавлению.

Нет сомнений также в двойственной роли главных черт капитализма: системы производства товаров и услуг благодаря заемным средствам в условиях более или менее открытых рынков капитала, земли и рабочей силы.

С одной стороны, высвобождение из сословных рамок, запрет на рабство и крепостничество, поощрение банковского дела (по контрасту с прежней дискриминацией ростовщиков), расширяющийся доступ к земле как основе любого материального развития могут способствовать росту свободы, равенства, достоинства людей.

С другой стороны, тем самым открываются возможности безудержной эксплуатации, роста и закрепления социального неравенства – таковы классические Марксовы претензии к капиталистическому обществу, которые, увы, не устаревают ни в национальном, ни в международном (геоэкономическом, миросистемном) масштабах.

Неслучайно наиболее бурно индустриализация стала разворачиваться в постреволюционных Нидерландах и Англии. Так называемые «буржуазные» революции, устраняя сословные, цеховые рамки, открывали рынок труда, приводили к взрывному росту бирж и банков, давали возможность третьему сословию участвовать в государственном управлении. Ранний капитализм при этом был полон напряжений, дисбалансов, жестокой эксплуатации, которые вели к кризисам и революциям нового «пролетарского» типа уже с антикапиталистической направленностью.

Индустриализация обычно сопровождается урбанизацией – массовым переселением сельского населения в города. Новый класс промышленных рабочих оказывается изъятым из прежнего жизненного уклада, контролируемого союзом церкви и землевладельческой знати. Концентрация рабочих в городах, рост эксплуатации, социальные напряжения, а также сохранение актуальности, популярности революционного дискурса, привели к распространению радикальных идеологий, волнам революций 1830-го и 1848-1849-х, 1870-го гг., существенным уступкам со стороны «старых режимов» и развитию парламентской демократии в ведущих западных государствах.

Политические и экономические элиты в обществах, находящихся в ядре мир-экономики (по И. Валлерстайну) и уже имеющих парламентскую систему, сталкиваясь с сильным рабочим движением, с крестьянскими бунтами, обрели эффективные инструменты их «замирения» через повышение заработной платы и закупочных цен, через расширение избирательного права, через идеологию «социального партнерства».

Традиционные монархии, находящиеся в полупериферийной части мир-экономики (в том числе, Российская империя), продолжали делать ставку, скорее, на силовое подавление. Буржуазия в таких обществах оставалась не консолидированной, не выработавшей чувства ответственности за политическую стабильность и не склонной поступаться прибылью для умиротворения недовольного рабочего класса и крестьянства. Соответствующее расхождение в итогах революций хорошо известно.

Режимы, установившиеся после победивших антикапиталистических революций, а также фашистских переворотов (между прочим, с массовой низовой поддержкой), обычно пытались начать ускоренную индустриализацию, особенно в области производства вооружений. Широкие образовательные программы, большое внимание этих режимов к науке и технологии вполне соответствуют вектору модернизации.

Для коммунистических режимов была чужда открытость рынков капитала, земли и труда. Фактическая государственная монополия на землю и природные ресурсы, подавление политической и экономической конкуренции, тем более прикрепление рабочих к заводам, крестьян к колхозам, означают крайнюю степень падения в аспекте обеспечения свободной и достойной жизни граждан.

В фашистских режимах открытость рынков и значительная степень экономической свободы сохранялись, но их эффект с лихвой перекрывался внешней агрессией, практиками репрессий и геноцида.

Близкие к революциям социально-политические кризисы в странах Запада 1968-1970 гг., особенно во Франции и США, выразившиеся в антивоенных протестах, в молодежных выступлениях с левыми, даже коммунистическими идеями, в движениях за расовое и гендерное равенство, не отменили главные черты капитализма, но способствовали совершенствованию *Gesellschaft* – системы формальных норм, административных порядков, смягчавших его негативные стороны.

Дальнейшее развитие капитализма с бурным ростом информатизации и роботизации, глобализацией рынков рабочей силы ведет к новым напряжениям, связанным уже с проблемами занятости, появлением масс «ненужного» населения. Сумеют ли главные *Gesellschaft* – национальные государства, а также международные союзы (типа ЕС) и организации (типа ООН, ВТО) – адекватно отвечать на грядущие вызовы и кризисы, покажет время.

Демократизация и коллегиальное разделение власти

В демократизации как части мировых процессов модернизации будем различать два действия: общеизвестное расширение избирательного права и малоизвестное коллегиальное разделение власти [Коллинз, 2015, с. 196–258; Розов, 2011, с. 366–403].

Коллегиально разделенная власть понимается как разделение властей (парламент и суд реально не зависимы от главы государства, правительства и его структур), дополненное реальной влиятельностью прессы, гражданских институтов, регионального руководства и преимущественно горизонтальным характером политических взаимодействий.

На нижнем полюсе воображаемого континуума коллегиальности находится централизованная иерархия подчинения во главе с автократом или несменяемой, никем не избираемой правящей группой («политбюро»). По мере увеличения коллегиального разделения власти (демократизации в данном аспекте) возрастает число коллегиальных структур и растет их доля власти в сравнении с властью центральной исполнительной и силовой иерархии.

Р. Коллинз приводит убедительные аргументы в пользу первостепенной значимости именно данной стороны демократии. При низкой степени коллегиального разделения и широком избирательном праве вполне комфортно себя чувствуют режимы типа

«электорального авторитаризма». По контрасту важнейшие признаки либеральной демократии – надежная защита прав и свобод граждан, собственности, соблюдение интересов меньшинств, экономическая свобода – с необходимостью предполагают не зависимые от центральной иерархии властные институты, прежде всего, судебную систему, свободные СМИ, местную и ответственную перед гражданами полицию, влиятельные гражданские организации.

Атлантические революции конца XVIII в. (во США и Франции) и «весна народов» в Европе середины XIX в. сделали республиканизм и демократию уже не скандальным разрушением священных устоев, а политическим идеалом образованного класса многих обществ в Европе, затем и за ее пределами. Республика и демократия, ценности и нормы которых закреплены во множестве конституций, также являются типичными *Gesellschaft*, когда массы населения по единым формальным правилам выбирают своих представителей в парламенты, а также верховных, провинциальных и городских правителей.

При этом растут возможности защиты собственных интересов у различных *Gemeinschaft* (в том числе, религиозных, этнических, расовых меньшинств). Происходит явное продвижение к большей свободе, достоинству индивидов, получивших голос в политической жизни. Пусть и нет гарантий счастья и осмысленности жизни (что вообще вряд ли возможно), но демократия и республиканизм, по крайней мере, дают для этого больше шансов тем, кто при их отсутствии влачил бы рабское, крепостное, униженное и бесправное существование.

Действительно, хотя рабство в США и крепостничество в Российской империи были отменены не в результате революционных событий, но сами идеи их отмены, возобладавшее понимание нетерпимости рабского состояния появились, без всякого сомнения, вследствие идей свободы, права, гражданского равенства – главных лозунгов предшествовавших революций.

XX век в плане революций как испытаний стал крайне противоречивым. Любая побеждающая революция характеризуется огромным вдохновением и энтузиазмом ее лидеров и участников восстания, всех сочувствующих. Как правило, в эти «великие дни» господствуют вполне благородные, максималистские мысли и чувства.

В классической триаде революционных лозунгов наряду со «свободой» и «равенством» присутствует также «братство». Если свобода и политическое, правовое равенство могут быть в каких-то пределах обеспечены формальными законами, институтами и процедурами – средствами *Gesellschaft*, то «братство» является очевидной претензией на превращение всей нации, всей страны в одну большую «семью» с родственными, т. е. теплыми и душевными, отношениями. Иными словами, лозунг «братства» претендует на превращение нации в единый *Gemeinschaft*. Однако наибольшее насилие, а, значит, и провал исторического испытания, происходит как раз там, где революционеры пытаются построить новый порядок как обширный *Gemeinschaft* с всеобщим «братством» (общенациональным – у якобинцев или вовсе глобальным у большевиков). Отнюдь неслучайно в итальянском и германском фашизме также прокламировались идеи «органичности», «корпоративного государства» (подобного большой семье), всепоглощающего, отвергающего индивидуализм единства («один народ – одна пария – один вождь»).

Показательно, что СССР и США как главные противники в «Холодной войне» охотно использовали революции, поддерживая их в чужом стане и подавляя в своем. Вначале

огромную активность проявлял СССР через «коммунистический интернационал» и его аватары, подавляя при этом революционные поползновения в собственном «соцлагере» (в Венгрии, Чехословакии, Польше). С середины 1980-х гг. США, как лидер западного блока, поддерживали морально, а иногда и организационно, антикоммунистические «бархатные» и «цветные» революции.

Множество черт симметрии не должно вводить в заблуждение. Если антикоммунистические, «буржуазные» революции не всегда, увы, приводили к устойчивым демократическим устройствам, ведущим к экономическому расцвету, повышению уровня безопасности, свободы, достоинства граждан, то коммунистические революции не приводили к ним никогда.

Революции могут вести к росту коллегиальности внутри государств, к включенности новых режимов в международную систему, но и к сужению коллегиальности – вплоть до единоличной диктатуры (т. н. постреволюционного «бонапартизма»), для которой типичны самоизоляция страны или попытки внешней агрессии, выхода за рамки международной связанности [Коллинз, 2015, с. 398–424].

Революции (наряду с радикальными или «ползучими» переворотами), в результате которых устанавливаются более авторитарные режимы с монопольной «вертикалью власти» вместо ее коллегиального разделения, с подавлением гражданской самоорганизации, репрессиями против оппозиции, возможностью безнаказанно отбирать собственность, являются провальными историческими событиями, ведущими к тупиковым ветвям социальной эволюции.

Демократия с коллегиальным разделением власти, сильным парламентом и независимым судом, контролирующим, в том числе, государственное насилие, а также со свободой создания организаций, открытым доступом к административным ресурсам через публичную конкурентную политику, с надежной защитой прав и свобод граждан, при сочетании гарантий частной собственности и открытости рынков, с заботой государства о равенстве возможностей является важнейшим достижением социальной эволюции и, по-видимому, вполне может на сегодняшний день считаться оптимальной моделью *Gesellschaft* (на уровне государства).

Соответственно, приближающие к этой модели (как к идеальному типу по М. Веберу) революции, предпочтительно мирные, или с минимальным насилием, способствуют успеху испытания человеческого рода – гуманистическому смыслу мировой истории.

Список литературы / References

Голдстоун, Дж. (2015). Революции. Очень краткое введение. М.

Goldstone, J. (2015). *Revolutions: A Very Short Introduction*. Moscow. (In Russ.)

Гусейнов, А. А. (1992). Этика ненасилия. Вопросы философии. № 3. С. 72–81.

Guseinov, A. A. (1992) *The Ethics of Nonviolence*. *Problems of Philosophy*, no 3, pp. 72–81. (in Russ.)

Дьяконов И. М. (1994). Пути истории. М.

Diakonoff, I. M. (1994). The Paths of History. Moscow. (in Russ.)

Кант, И. (1994). Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Кант И. Сочинения. Т. 1. М.-Марбург. С. 79–123.

Kant, I. (1994). Idee zu einer Allgemeinen Geschichte in Weltbürgerlicher Absicht. Kant, I. Aufsätze. Vol. 1. Moscow-Marburg. pp. 79–123 (In Russ.)

Коллинз, Р. (2015). Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.

Collins, R. (2015). Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run. Moscow. (In Russ.)

Куртц, П. (2000). Гуманистический манифест: призыв к новому планетарному гуманизму. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473> (дата обращения: 27.05.2021).

Kurtz, P. (2000). Humanist Manifesto: A Call for a New Planetary Humanism. [Online]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473> (Accessed: 27 May 2021). (In Russ.)

Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. (2011). Насилие и социальные порядки. М.

North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Moscow. (In Russ.)

Розов, Н. С. (2002). Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/index.htm> (дата обращения: 27.05.2021).

Rozov, N. S. (2002) Philosophy and Theory of History. Book 1. Prolegomena. Moscow. [Online]. Available at: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/index.htm> (Accessed: 27 May 2021). (in Russ.)

Розов, Н. С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.

Rozov, N. S. (2011). Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21st century. Moscow. (in Russ.)

Розов, Н. С. (2016). Идеи и интеллектуалы в потоке истории. Макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск.

Rozov, N. S. (2016). Ideas and Intellectuals in the Flow of History. Macrosociology of Philosophy, Science and Education. Novosibirsk. (in Russ.)

Скочпол, Т. (2017). Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.

Skocpol, T. (2017). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Moscow. (In Russ.)

Структуры истории (2001). Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск.
Structures of History (2001). Almanac "Vremya Mira". Vol. 2. Novosibirsk. (In Russ.)

Тилли, Ч. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.
Tilly, Ch. (2009). Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Moscow. (In Russ.)

Тойнби, А. (1991). Постижение истории. М.
Toynbee, A. (1991). A Study of History. Moscow. (In Russ.)

Чёрный, Ю. Ю. (2003) Современный гуманизм. Философия в XX веке. Сб. обзоров в двух частях. Т. 2. М. С. 125–167.

Chiornyĭ, Yu. Yu. (2003) Modern Humanism. Filosofiya v 20-m Veke. Reviews in two parts. Vol. 2. Moscow. pp. 125-167 (in Russ.).

Шарп, Дж. (2012). От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.

Sharp, J. (2012). From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Статья поступила в редакцию: 19.03.2021

После доработки: 30.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Rozov, Nikolai S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str, 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The paper was submitted: 19.03.2021

Received after reworking: 30.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021

УДК 141

**ФИЛОСОФСКИЙ ДАВОС КАК ПОВОД ДЛЯ РАЗВОДА.
ВЕРСИЯ М. ФРИДМАНА
Часть 2**

С. А. Смирнов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация. Данная статья является продолжением предыдущей публикации, вышедшей под тем же названием (часть 1). Обе части посвящены проблеме осмысления раскола, который совершился однажды в мировой философии и воплотился в ее разделении на два направления, континентальную и аналитическую философию. Во второй части автор продолжает обсуждать причины раскола и аргументацию, которую приводят разные авторы, доказывающие концептуальное различие направлений. В работе дается анализ основных идей авторов Манифеста Венского кружка и аргументации Р. Карнапа в его споре с М. Хайдеггером, предмет которого посвящен, так называемому, преодолению метафизики. Поводом для написания обеих частей выступила работа М. Фридмана «Философия на перепутье», переведенная на русский язык. Итогом второй части являются сформулированные автором статьи выводы относительно различия названных направлений. Автор полагает, что их различия имеет смысл обсуждать не в категориях истинности и ложности учений и концептов, а в категориях разных ориентаций и установок, которые не отрицают, а дополняют друг друга. С одной стороны, аналитическая философия ориентируется на научность, ясный и точный язык, логику и математику. В отличие от нее континентальная философия не претендует на научность, ясный и точный язык, а предпочитает недосказанность, отказ от доктринальности, поисковый характер философствования.

Ключевые слова: философский Давос, континентальная философия, аналитическая философия, Э. Кассирер, М. Хайдеггер, Р. Карнап, неокантианство, И. Кант, М. Фридман, Венский кружок.

Для цитаты: Смирнов, С. А. (2021). Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Часть 2. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 50-73. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.50-73.

**PHILOSOPHICAL DAVOS AS A REASON FOR DIVORCE.
M. FRIDMAN'S VERSION
Part 2**

S. A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
smirnoff1955@yandex.ru

Abstract. This article is a continuation of the previous publication published under the same title (part 1). Both parts are devoted to the problem of understanding the split that once occurred in world philosophy and was embodied in the division of philosophy into two directions, continental and analytical philosophy. In the second part, the author continues to discuss the reasons for the split and the argumentation cited by various authors, proving the conceptual difference of directions. The article analyzes the main ideas of the authors of the Vienna Circle Manifesto and the argumentation of R. Carnap in his dispute with M. Heidegger, the subject of which is devoted to the so-called

overcoming of metaphysics. The reason for writing both parts was the work of M. Fridman “Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger”, translated into Russian. The result of the second part is the conclusions formulated by the author of the article regarding the difference between the named directions. The author believes that it makes sense to discuss their differences not in the categories of truth and falsity of teachings and concepts, but in the categories of different orientations and attitudes, which do not deny but complement each other. On the one hand, analytical philosophy claims to be scientific orientation, clear and precise language, logic and mathematics. In contrast to it, continental philosophy does not pretend to be scientific, to a clear and precise language, but prefers innuendo, rejection of doctrinalism, and the exploratory nature of philosophizing.

Key words: philosophical Davos, continental philosophy, analytical philosophy, E. Cassirer, M. Heidegger, R. Carnap, neo-Kantianism, I. Kant, M. Friedman, Vienna circle.

For citation: Smirnov, S. A. (2021). Philosophical Davos as a reason for divorce. M. Fridman’s version. Part 2. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 1. pp. 50-73. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.50-73.

Преодоление метафизики. Венский кружок. Р. Карнап

Как мы и обещали, для продолжения разговора нам необходимо ввести еще одного собеседника. Слушателем лекций и дебатов в Давосе был Р. Карнап¹. Он был впечатлен: «Кассирер говорит хорошо, но отчасти по-пасторски <...>. Хайдеггер серьезен и объективен. Как человек очень привлекателен» [Фридман, 2021, с. 24].

С этого эпизода начинается новый виток другого размежевания – между аналитической и континентальной философией. По версии М. Фридмана, оно началось не со спора Э. Кассирера и М. Хайдеггера, который мы подробно разобрали в первой части статьи, а с аргументации Р. Карнапа, причем, аргументации не столько философской, сколько мировоззренческой и политической. С того, что, услышав М. Хайдеггера в Давосе и проработав его лекцию при вступлении на кафедру профессором философии во Фрайбурге «Что такое метафизика?», а также его «Бытие и время», Р. Карнап предъявляет претензии своим оппонентам в работе «Преодоление метафизики путем логического анализа языка» [Карнап, 1993]. В качестве основного оппонента Р. Карнап выбрал именно М. Хайдеггера, чья «метафизическая доктрина», как он полагал, «оказывает самое сильное влияние в Германии» [Фридман, 2021, с. 28; Карнап, 1993, с. 17].

М. Фридман замечает, что критика Р. Карнапа оказывается «более изощренной и пронизательной, чем можно было бы ожидать» [Фридман, 2021, с. 28]. Посмотрим, в чем видит М. Фридман его изощренность и пронизательность.

М. Фридман полагает, что, по разумению Р. Карнапа, основная проблема метафизики в версии М. Хайдеггера заключается в нарушении логической формы концепта Ничто. М. Хайдеггер использует этот концепт и как глагол, и как существительное. В то время как современная логика показала, что ничто не может быть ни тем, ни другим. Вдобавок

---

¹ Кстати, как отмечает Р. Сафрански, слушателями и свидетелями Давосской дискуссии были также О. Больнов, Э. Левинас, Л. Брюнвик, Ю. Хабермас и многие другие [Сафрански, 2002, с. 257-263]. Слушатели были под впечатлением, говорили о некоей даже судьбоносности события, чуть ли не о свидетельстве Преображения Господня. И Свет был им явлен ...

М. Хайдеггер отрицает центральную роль логики в философии и познавательных науках, выступает против научной ориентации философии, за что ратовал Р. Карнап [Фридман, 2021, с. 29]. Р. Карнап приводит выдержки из лекции М. Хайдеггера и делает вывод – таким образом, сам автор, то есть М. Хайдеггер, «приходит к утверждению, что его вопросы и ответы не согласуются с логикой и научным способом мышления» [Фридман, 2021, с. 29; Карнап, 1993, с. 19].

Вообще-то, налицо явная подтасовка. М. Хайдеггер изначально сам заявил, что метафизика не может быть обоснована научным способом, обоснование метафизики строится не на логике научного мышления, а исходя из иных установок. Логика здесь не годится, она слишком формальна и груба. Более того, философия не является ни наукой, ни мировоззрением и не сводится к ним. Но это только означает, что М. Хайдеггер разводит науку и философию как два разных типа мышления. А Р. Карнап его ловит (якобы) на том, что М. Хайдеггер признается, что его ответы не согласуются с логикой. Про одно и то же два автора говорят с разным знаком – один с утверждением о необходимости различать, а другой с утверждением о неспособности различать. Нет необходимости обвинять М. Хайдеггера в ненаучности и отрицании центральной роли логики. Он как раз об этом сам и говорит: ставить вопрос о Ничто – значит вопрошать о том, что якобы оно есть, как нечто, словно оно есть как некое сущее. Но вопрос и ответ о Ничто как о нечто «одинаково нелепы» [Хайдеггер, 2007, с. 28].

Но спор идет не о нелепости. Р. Карнап с порога отвергает саму по себе метафизику как область псевдопроблем и псевдопредложений, как область когнитивно бессмысленных положений, поскольку метафизические положения не логичны, не выстраиваются путем математического исчисления и логического вывода [Карнап, 1993, с. 20 и др.].

Да, верно. И в первой части статьи мы этот вопрос уже обсудили. Предшественник Э. Кассирера и М. Хайдеггера, по поводу идей которого они спорили в Давосе, И. Кант, уже пытался показать, что логическое и научно обоснованное метафизическое учение невозможно, бессмысленно. Научные концепции строятся в науке по поводу процессов, которым присваивается объективность. А по поводу метафизических идей научное учение невозможно, и нет смысла проверять их на логику и объективность. Р. Карнап только лишний раз это подтвердил, уже средствами логического анализа языка.

Но М. Хайдеггер на логичность и не претендовал. Метафизика ведет речь о другом, о пределах и за-пределах. Она строится на рамочных онтологических допущениях и установках, которые выстраиваются иным способом и средствами, иным языком, не логикой и не математикой. Просто потому, что бытие не может быть предметом логики или математики. Оно не может быть исчислено, не может быть рассчитано, доказано или опровергнуто по правилам математической задачи. С точки зрения логики проблема бытия поэтому и звучит как ложная проблема.

Но где же здесь изошренность Р. Карнапа, о которой сказал М. Фридман? И где здесь научный спор? Где научная проблема? Пока мы видим, что Р. Карнап не слышит М. Хайдеггера, а последний просто не нуждается ни в каком слушателе. И, кстати, он не собирался свергать логику с пьедестала. Р. Карнап ее защищает от псевдопроблем. А речь идет всего-навсего о поиске места для логики.

Но причина понятна. И она более глубинна. Она кроется в спорах о логике как таковой и ее роли в философии. Намечается смещение самого предмета философии и смена способа философствования. М. Хайдеггер пытался вернуть проблему бытия в лоно философии. Но вместо проблемы бытия ставится проблема логического доказательства. Предметом становится логика, претендующая на выстраивание непротиворечивых доказательств и опровержений в рамках логического анализа языка. Собственно, к этому сводится и философия. То, чем ранее занималась философия, сиречь метафизика, объявляется псевдопроблемой, поскольку она не научна, а потому не имеет смысла.

Кстати, Р. Карнап критикует не вообще метафизику, а прежде всего метафизику М. Хайдеггера. Предыдущие метафизические системы Аристотеля или И. Канта он признает ложными, но не бессмысленными. А метафизика М. Хайдеггера вообще не имеет смысла².

Когда Р. Карнап уехал в США в 1935 г., как он пишет позже в своих воспоминаниях, он освободился от той удушающей политической и философской атмосферы и опасности войны, которая доминировала тогда в Европе [Фридман, 2021, с. 33-34]. Метафизика, фашизм, насилие, война и М. Хайдеггер выстраивались в один ассоциативный ряд, а противоположным был иной – свобода, логика, математика, наука, США. Это уже похоже на аберрацию сознания. И это говорит логик, претендующий на ясность и объективность?

Возникает ощущение, что в аргументации в качестве пресуппозиции подкладывалось *не философское содержание, а политические предпочтения* оппонентов. Кстати, коллега и соратник Р. Карнапа по Венскому кружку О. Нейрат был левой ориентации и полагал, что логика и позитивные науки могут быть использованы как орудия в борьбе за освобождение пролетариата³.

Такая позиция борьбы за освобождение воплотилась в работе Р. Карнапа «Логическая структура мира»: мы уверены, что наш призыв к ясности, к науке, свободной от метафизики, восторжествует. Эта ориентация, направленная на ясность, в то же время предполагает тщательное научное построение целого и направлена на «свободное развитие личности. Вера в то, что эта ориентация принадлежит будущему, вдохновляет нас» [цит. по: Фридман, 2021, с. 38].

Пожалуй, наиболее идеологически выдержанной была показана позиция противников метафизики в их Манифесте [Карнап и др., 2005]. Здесь явно выражено, что их борьба с метафизикой объясняется не философской аргументацией, а политическим и мировоззренческим самоопределением, связанным с их желанием быть первыми в борьбе за влияние на умы, в борьбе за будущее, за право быть законодателями моды в интеллектуальной повестке в Европе. Впрочем, в этом им не уступал и М. Хайдеггер, пожелавший стать «философским фюрером».

---

² Кстати, когда Р. Карнап вспоминает в 1963 г. свою критику М. Хайдеггера тех лет, он употребляет сочетание «континентальная философия» [Фридман, 2021, с. 32].

³ См., например, уж совсем одиозные идеологические пассажи из О. Нейрата о том, что метафизики и схоластические философы, среди которых видным представителем выступает М. Хайдеггер, являются врагами пролетариата [Фридман, 2021, с. 43]. Такая же случайная ассоциация возникла и у большевиков в Советской России, объявивших психоанализ З. Фрейда революционным учением, в силу чего его труды стали активно переводиться на русский язык, чтобы они были доступны массовому читателю.

Авторы Манифеста полагают, что научное миропонимание разворачивается не столько через особые теоретические положения и методы, сколько из определенной установки, исследовательской направленности [Карнап и др., 2005, с. 17]. Именно установку на построение научно обоснованной философии и задает Манифест⁴.

Понятно, что такая научная установка и ее обоснование для философии характерно именно для Венского кружка, его представителей, поскольку исторически в Вене с начала XX века сложилась особая атмосфера духовной жизни, создаваемая людьми, чья деятельность и формировала в них естественнонаучную установку, свободную от метафизики (медицина, физика). Это авторы Манифеста и объясняют⁵.

Разнообразие научных направлений, сложившееся к началу XX в., требовало формирования единой научной установки и построения единой «понятийной системы», свободной от «засорений исторически сложившихся языков» [Карнап и др., 2005, с. 17], отказа от «темных далей и загадочных глубин» в пользу построения единой логики: «В науке нет никаких глубин; везде только поверхность: все данные опыта образуют сложную, не всегда обозримую, часто лишь в частностях понятную сеть. Все доступно человеку; и человек является мерой всех вещей» [Там же].

«Прояснение традиционных философских проблем приводит к тому, что они частью разоблачаются как кажущиеся проблемы, частью преобразуются в эмпирические проблемы и тем самым переходят в ведение опытной науки. В этом прояснении проблем и высказываний и состоит задача философской работы, а вовсе не в создании собственных “философских” высказываний. Методом этого прояснения является логический анализ» [Карнап и др., 2005, с. 17].

Этот метод логического анализа и есть то, что существенно отличает новый эмпиризм и позитивизм от старого, ориентированного больше на биолого-психологический материал.

Метод этот заключается в подведении философского высказывания под эмпирический опыт, сведение его к более простым высказываниям о том, что дано в эмпирическом опыте. Поэтому высказывание типа «Бог существует» – является бессмысленным, потому что не может быть подведено под то суждение, которое опирается на простой эмпирический опыт [Карнап и др., 2005, с. 17].

Заметим, это утверждает атеист, для которого Бога нет, его нет как сущего. Хотя известно, что реальность Бога доказывается не эмпирическим опытом, а опытом мистического личного общения с ним. Бог есть, то есть является лишь тому, кто совершает акт веры через молитвенную практику (без гарантий на свершение). И только в акте веры собственно вера и присутствует. Приставка «есть» чревата. Вера не существует всегда и для

⁴ См. о типах онтологических установок [Смирнов, 2020].

⁵ Впрочем, люди живут группами, сообществами. Особенно ученые, философы, поэты и писатели, художники. На заре XX в. в Вене сложилась богатейшая духовная атмосфера [Мамардашвили, 1992; Зигмунд, 2021; Крафт, 2003]. Так случилось, что Вена стала той культурной точкой, в которой разыгрывалась судьба цивилизации и культуры, судьба человека, его бытия, следствием чего стало явление целой плеяды имен – З. Фрейда, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, Ф. Кафки, Р. Музиля и др. В Вене образовался густой культурный слой, правда тонкий, но насыщенный, позволявший осуществиться вновь тому экзистенциальному опыту, посредством которого человек осознает себя вновь как событийное сущее. В течение всего XX в. мы потом испытывали влияние этого интеллектуального взрыва. Таковых было немного.

всех как априорное знание и наличный опыт. Как и приставка «есть» не применима и к свободе. Свободы нет как эмпирической реальности. Как нет и акта мышления как особой внешней реальности. Они есть в актах поступка, совершения. Поэтому опыт мышления и веры не может быть описан в категориях эмпирического опыта отдельного индивида. По той простой причине, что у эмпирического индивида нет «органа» веры или «органа» мышления. Как нет и «органа» свободы. Эти предельные «идеи разума» не даны в нем.

Недаром борьба Р. Карнапа и его коллег направлена на обе установки – метафизическую и теологическую, они в их борьбе представлены в связке⁶. Научная установка противопоставлена метафизической и теологической: метафизик и теолог верят, сами себя вводя в заблуждение, что своими предложениями что-то высказывают, однако логический анализ показывает, что эти высказывания ничего не означают, а являются «выражением некоторого чувства жизни» [Карнап и др., 2005, с. 18].

Метафизик и теолог претендуют на свой язык. Но говорить – значит выразиться в понятиях, сводить речь к фактам. Но именно этого в их высказываниях быть не может, в них есть лишь переживания, сродни лирике, мифологии или музыке.

Можно, конечно, метафизические заблуждения пытаться объяснить социологически или психологически. Но дальше этого уже продвинулось выяснение «логических корней метафизических заблуждений» благодаря работам Рассела и Витгенштейна [Карнап и др., 2005, с. 18].

Метафизические теории совершают две логические ошибки, утверждают авторы Манифеста. Первая заключается в том, что словесная форма используется для описания как вещей, так и отношений, процессов и свойств. В обыденном традиционном употреблении слов это допустимо. Но это не допустимо при построении метафизических высказываний, язык вводит нас в заблуждение. Вторая же ошибка заключается в том, что метафизическое суждение может из себя самого вывести логическое следствие, без использования опытного материала [Карнап и др., 2005, с. 18].

Внеопытное, то есть априорное познание в принципе невозможно. А поэтому замаскированное в кантовской метафизике полагание а priori должно быть отвергнуто: «Именно в отказе от априорного познания заключается основополагающий тезис современного эмпиризма» [Карнап и др., 2005, с. 19].

Тем самым метафизические высказывания бессмысленны, поскольку не верифицируемы и беспредметны: «*Нечто является действительным, если оно встроено в общую систему опыта*» [Карнап и др., 2005, с. 19].

Таким образом, научное миропонимание опирается на два допущения. Во-первых, оно является «эмпиристским и позитивистским»: существует только опытное познание, которое

---

⁶ Кстати, как это обычно бывает, идеи автора стали продолжением его личной биографии. Р. Карнап родился и вырос в религиозной семье и был верующим человеком. Затем эту веру он вытравил в себе, уже обучаясь в университете, что воплотилось в его философской, мировоззренческой позиции. Об этом он сам писал в своей «Интеллектуальной автобиографии». Это зафиксировал и А. Стролл [Стролл, 2020, с. 95-96].

основано на том, что нам непосредственно дано». Во-вторых, оно опирается на «метод *логического анализа*», согласно которому смысл каждого определения должен быть логически выстроен и выведен посредством других понятий, вплоть до понятий самой низшей степени, которая относится к непосредственно данному в опыте [Карнап и др., 2005, с. 19].

Итак, в целом, в борьбе с метафизикой представители Кружка приходят к выводу, что коль скоро не существует чистых философских высказываний, то не существует собственно и философии, и можно вообще отказаться от такого термина. И главное, *«не существует никакой философии как основополагающей и универсальной науки наряду или над различными областями опытной науки; не существует никакого способа содержательного познания кроме опыта; не существует никакого мира идей, который бы находился над опытом или по ту сторону опыта»* [Карнап и др., с. 25]. При этом акцентируем еще раз – представители научного миропонимания «стоят на почве простого человеческого опыта», то есть опыта эмпирического индивида [Там же, с. 26].

Опыт опыту рознь. Опыт художественного творчества, религиозный опыт личного богообщения, опыт методологического мышления, опыт субъекта по построению понятий-конструктов не может быть выведен из опыта эмпирического индивида. А последний не может быть положен в основании науки. В то же время авторы Манифеста, считающие себя единственными представителями научного знания, уверенно работают над тем, чтобы «убрать с дороги этот тысячелетний метафизический и теологический хлам» [Карнап и др., 2005, с. 26].

Заканчивается Манифест самым главным – положением основания. Речь идет вообще-то о борьбе одной установки, опирающейся на прошлое, на якобы устаревшие метафизические и теологические представления, которые надо сдать в утиль, – с другой установкой, носители которой своими научными устремлениями обращены в будущее [Карнап и др., 2005, с. 26]. Авторы Манифеста явно демонстрируют идеологический характер своего обращения. А коли так, то сами себя ставят под вопрос – так ли уж научно их научное обоснование? Манифест выступает скорее идеологическим документом, нежели научно обоснованным и методологически выстроенным концептом. Он служит идеологическому обоснованию права их авторов на то, чтобы диктовать другим то, какой должна быть философия будущего.

Я сознательно остановился на Манифесте, чтобы показать, как на фоне серьезного спора Э. Кассирера и М. Хайдеггера (см. первую часть статьи), связанного, кстати, также с будущим философии, авторы Манифеста подгоняют свою аргументацию, записывая в архив их обоих.

Спорить здесь не имеет смысла, поскольку это ведь не научный спор. Налицо столкновение именно разных установок, разных мировоззрений, разных предметов веры, разных идеологий. В этом столкновении используется не столько научная аргументация, сколько способность того или иного представителя подобрать сутобо риторические и языковые формы для обоснования своей правоты. Идет борьба за право занять свое место, за право быть монополистом в борьбе за сознание людей, а истина уже мало кого интересовала.

Понятным становится, почему спор Р. Карнапа с М. Хайдеггером шел не столько о метафизике, сколько о месте под солнцем, борьба шла за умы людей. Поэтому на первом

месте в качестве аргументов выступали не наука, не доказательства, а манифесты, риторика, ораторское искусство, имеющие сугубо идеологическую направленность, а логический анализ подтягивался задним числом. В манифестирующем дискурсе уже не видно научной аргументации. Здесь сплошь одна идеология, риторика, литературная критика. И спор этот был потому важен, что речь шла о будущем, о том, кто будет властителем дум, кто займет главное место в развитии наук в качестве законодателя.

Кстати, М. Фридман фактически это признает. Он отмечает, что атака Р. Карнапа на М. Хайдеггера имела более, чем философские мотивы, это была масштабная, социальная, политическая и культурная борьба, именно так понимал Р. Карнап свою борьбу с метафизикой М. Хайдеггера [Фридман, 2021, с. 45]. То есть, это была форма классовой борьбы. При чем тут в таком случае научная дискуссия?

А что касается собственно содержания, то, полагает М. Фридман, спор между М. Хайдеггером и Р. Карнапом велся по поводу центральной роли математической логики в философии. «Ничто ничтоствует» для Р. Карнапа – высказывание, не имеющее смысла с точки зрения логики, а проблемы, обсуждаемые М. Хайдеггером, это псевдопроблемы, поскольку никак логически не доказуемы и не опровержимы.

Но М. Фридман анализирует этот вопрос, мне кажется, излишне формально. Точнее, даже поверхностно. Мы увидели, замечает М. Фридман, что философские споры между М. Хайдеггером и Р. Карнапом основываются в конечном счете на разногласиях относительно «природы и центральной роли логики», а Р. Карнап критикует оппонента относительно проблемы Ничто прежде всего на основании логической формы.

Полагаю, что спора здесь вообще не может быть. Р. Карнап воюет с ветряными мельницами. А М. Хайдеггер обращается в пустоту, вещает поверх голов. Они друг друга не могут слышать и видеть. Это не спор двух оппонентов, понимающих друг друга. Как можно вообще обсуждать онтологическую проблематику с помощью анализа речевого высказывания и выискивать в нем логические нестыковки? Это вообще про другое. Это все равно что предлагать есть суп вилкой. Содержание будет уплывать. Ты можешь сколько угодно тыкать в суп, содержание вроде бы то, но ты его никак не цепляешь. Оно ускользает.

Речь ведь идет не о языковых конструкциях философа, их логичности или нелогичности, а о сущем, об онтологическом вопросе, который задает М. Хайдеггер – почему сущее вообще есть? Как и откуда я могу знать, что сущее есть, а несущего нет? Этим вопросом он заканчивает лекцию 1929 г. «Что такое метафизика?», против содержания которой направлена критика Р. Карнапа: «почему вообще есть сущее, а не наоборот, Ничто?» [Хайдеггер, 2007, с. 42]. М. Хайдеггер выстраивал, точнее, нащупывал язык, подбирая слова для построения/осознания границ сущего, то есть, собственно, и строил метафизику, ища для нее адекватный вопрошанию язык, отказываясь от доктринальности и окончательности выводов. И в нем, в этом поиске, логика не может быть адекватным средством, не может помочь дать готовый ответ на онтологический вопрос о границах сущего, то есть о возможности метафизики. Это все равно что пытаться причесываться топором или утюгом. Инструмент не приспособлен к такому тонкому действию. Логика не может предложить адекватный метафизике язык понимания вопроса о сущем и не сущем.

Но проблема, которую обсуждали Р. Карнап и М. Хайдеггер, заключается даже не в том, какова роль логики. Проблема возникла в связи со сменой самого предмета философии в принципе. Спор между ними шел не о логике (это следствие, это разговор уже о средствах

и инструментах), а о том, что есть настоящая философия, отвечающая вызовам, и какой должна быть философия будущего? Р. Карнап полагал, что философствовать так, как это делает М. Хайдеггер, – нельзя. Время требует иного способа философствования, поскольку философия М. Хайдеггера – это философия вчерашнего дня и она тоталитарна. Ясность мысли и языка оказались приравнены у Р. Карнапа к свободе мышления.

Спору нет, М. Хайдеггер – тоталитарный мыслитель. Он власть бытия спутал с игом фашизма. Но по факту получилось так, что они спорили о разном. В аргументации Р. Карнапа в итоге произошла подмена. Мысль о бытии, корневое занятие всякой философии, подменилась правилами и процедурами логического анализа.

Надо сказать, что М. Фридман вообще-то в курсе этого. Он сам приводит отрывок из М. Хайдеггера, который тот не включил во «Введение в метафизику», лекционный курс 1935 г. [Хайдеггер, 2013]. Там М. Хайдеггер ясно показывает, что он понимает смысл и существо аргументации Р. Карнапа [Фридман, 2021, с. 46-47]. Он прямо ссылается на работу Р. Карнапа «Преодоление метафизики через логический анализ языка», в которой и происходит подмена, замена онтологического поиска – математическим доказательством, а истине отведена роль достоверности, простого закрепления мыслью того, что можно мыслить, в силу чего происходит профанирование, снижение самого предмета разговора. В результате сама философия превращается в «грамматическое предприятие», по словам М. Хайдеггера, а философствование – в логические доказательства. Добавим от себя – она превращается в решение математических и логических головоломок. А бытие в итоге редуцируется к приставке «есть» как связке в суждении. Сущее исчезает, а остается суждение. Спор идет о суждениях о предмете, а самого предмета уже и нет.

Вернемся еще раз к тому, как пытался преодолеть метафизику Р. Карнап. Здесь не место пересказывать его концепт и то, как понимает М. Фридман самого Р. Карнапа. Нам интересно то, как последний обосновывает необходимость преодоления метафизики и что по этому поводу пишет М. Фридман?

Прежде всего, М. Фридман показывает близость и переключку Р. Карнапа и Э. Кассирера (в целом Марбурга) в ключевой точке – идее конституирования мира и конструирования объектов познания. Только у Марбурга, полагал Р. Карнап, «конституированные структуры» *порождаются* в мышлении, а в реализме они *распознаются* мышлением. В отличие от идеализма Марбурга структуры не порождаются и не распознаются, а скорее «*конституируются*». Спор о том, происходит ли порождение или распознавание – это, скорее, лингвистический спор, полагает Р. Карнап [цит. по: Фридман, 2021, с. 137-138].

При этом различия между конституированием и конструированием М. Фридман не проводит. Хотя различие есть. Но есть и близость всех наших собеседников. Они все, Э. Кассирер, М. Хайдеггер и Р. Карнап – противники чистого натурализма и пустого позитивизма, ставящих знак равенства между так называемой эмпирической реальностью и объектами познания. Последние суть конструкторы. Все философы выступают сторонниками конструктивистской парадигмы, идущей от И. Канта (см. идею конструирования объекта познания у И. Канта в первой части статьи).

Только сама процедура конструирования у них проходит в разных мирах, а потому и сами сконструированные объекты имеют разную природу. У Э. Кассирера это мир

символических форм культуры⁷, у М. Хайдеггера это мир структур Dasein, у Р. Карнапа – это мир логических структур языка, конструирующих эмпирический опыт.

Но при всем при том методологически эти операции, конституирование и конструирование, принципиально различаются.

Рамочным действием выступает конституирование. Последнее означает установление базовых принципов, рамочных представлений о том, что есть реальность, что есть сущее. Конституирование предполагает установку такой рамки, которая ставит онтологическую границу реальности, ставит свою оптику на видение мира, и уже внутри этой рамки мышления осуществляется акт конструирования всех объектов, включаемых в рамку этой реальности. Выражаясь лаконично, сначала задается конституция мира, затем строятся конструкты объектов внутри этого мира. Например, утверждение теолога «Мир есть творение Божие» задает одну конституцию мира. А утверждение методолога «Мир есть мир мышления и действия» задает иную конституцию мира.

Поэтому прежде, чем говорить о конструировании, необходимо ставить, вводить конституцию мира, что вообще-то все наши собеседники и делали – представляли, видели свой мир вполне определенным образом. Они поэтому и не могли договориться, поскольку полагали для себя разные миры, разные реальности, и уже внутри их вводили свои процедуры познания и конструирования. Они различались именно конституциями, а не отказом или принятием идеи конструирования объектов познания. В этом плане конституирование выступает для Р. Карнапа критерием реальности, принципом принятия того или иного объекта, приписывания объектам статуса реальности. Конституировать объект – значит присвоить ему статус реального.

Но здесь и видится принципиальная разница. Э. Кассирер заметил (М. Фридман его цитирует), что конструирование в математике приходит к фиксированному завершению, а в опыте оно остается незавершаемым [цит. по: Фридман, 2021, с. 143, прим. 107].

Р. Карнап представляет мир эмпирического опыта в конкретной формально-логической структуре. В силу конституирования мира как мира логических структур опыта «эпистемология или философия превращается в логико-формальный проект действительного выписывания требуемых чисто структурных определенных дескрипций в рамках логики “Principia Mathematica”. Это формальное упражнение должно служить замещением традиционной эпистемологии» [Фридман, 2021, с. 147].

Этот новый тип философии, делает вывод Р. Карнап, базирующийся на принципе конституирования мира, выработанный в тесном контакте с физикой и математикой, должен был стать базисным для научных исследований и в целом для философии. Тогда как «позиция философов старого типа больше похожа на поэтическую [позицию]» [цит. по: Фридман, 2021, с. 149, прим. 114]. Разумеется, поэтому Р. Карнап будет выступать против

---

⁷ Э. Кассирер изначально пытался выйти не только за пределы логических формальных структур, но и в целом за пределы эпистемологии. Задачу систематической философии он видел в охвате всей «тотальности символических форм», цитирует его М. Фридман [Фридман, 2021, с. 172]. А «чистая формальная логика с философской точки зрения, комментирует немца М. Фридман, является лишь абстракцией фундаментального синтетического конституирования естественнонаучного знания». Поэтому «разработки в чистой формальной логике сами по себе не могут иметь самостоятельного философского значения» [Фридман, 2021, с. 164]. В этой части аргументации Э. Кассирер выступает таким же противником Р. Карнапа, как и М. Хайдеггер.

поэтического или мифологического стиля философствования М. Хайдеггера, а значит и в целом против его метафизики.

Обратимся все же к ключевой для нас статье Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка», не уходя в идеологические и политические предпочтения авторов [Карнап, 1993]. Рассмотрим сугубо содержательные аргументы Р. Карнапа – что он делает и как, преодолевая метафизику М. Хайдеггера? Не будем пока анализировать ни позицию М. Хайдеггера, ни позицию Р. Карнапа. Рассмотрим сам способ аргументации последнего.

Удивляет сразу алогичность позиции, самой установки, с которой Р. Карнап подходит к аргументации. Он с порога полагает свои основания и доводы правильными и иных аргументов не приемлет. Он отказывает метафизике в ее праве на философствование, но сам же не сомневается в собственных доводах, не проверяет их на логичность, отталкиваясь от оснований, которые, однако, заведомо спорные, не очевидные. Например, уравнивая религиозный опыт и метафизический. Или выводя метафизику из мифа («исток метафизики был миф»). И никак в этом не сомневается. Но вроде давно известно, что никакая метафизика из мифа не выводима. Это просто другой тип мышления и действия, другой мир.

Р. Карнап полагает, что именно достижения современной логики дают новый и острый ответ на вопрос о законности и праве метафизики. самого объяснения для выбора основания для такого подхода он не приводит. Почему метафизику и религиозный опыт надо проверять логикой естественного языка? Почему именно такая аргументация против метафизики была выбрана? Почему анализ синтаксиса естественного языка становится основанием для научных выводов? Здесь не рассматривается вообще содержательный аспект. Сами предложения метафизики рассматриваются как псевдопредложения, как бессмысленные, а потому притязания ее на философию не имеют оснований, и ее место должна занимать логика.

Но тогда М. Хайдеггер прав: вся аргументация Р. Карнапа выглядит как некое «грамматическое мероприятие», упражнение в грамматике естественного языка. И коль скоро для Р. Карнапа вся метафизика состоит из псевдопредложений, не имеющих смысла, то она не имеет и своего предмета. То есть метафизика есть речь ни о чем, есть набор бессмысленных высказываний.

Не будем пересказывать всю статью. Наш предмет в другом – в том, как Р. Карнап аргументирует свои основания против метафизики в лице М. Хайдеггера.

Исходное допущение полагает, что всякое слово должно иметь значение, то есть иметь соответствие в эмпирическом опыте. Яблоко означает фрукт, за словом «яблоко» стоит эмпирический объект. Слово мы можем верифицировать. Эмпирический объект называется словом, которым мы можем верифицировать суждение о нем. Если не можем, то слово не имеет значения.

При этом слова и предложения могут быть ложными или истинными. Но они имеют смысл. Мы можем подтвердить или опровергнуть их значения. Но если такового нет (Р. Карнап приводит пример со словом «бабик»), если оно не имеет эмпирического значения,

то употребление такого слова не допустимо, не допустимо в научном смысле. Добавим, что в смысле метафоры, в детской игре и проч. оно вполне допустимо.

Таким образом, вводятся простые правила:

- необходимо, чтобы были известны эмпирические признаки слова «а»;
- должно быть выведено и установлено, из каких протокольных предложений может быть выведено предложение с этим словом «а»;
- должны быть установлены условия истинности для предложения со словом «а»;
- должен быть известен способ верификации (проверки на истинность) предложения со словом «а».

Р. Карнап фиксирует, что фактически все метафизические слова не имеют значений, поскольку не отвечают указанным требованиям. Иными словами, метафизика не выводима из эмпирического опыта. Возникает вопрос: зачем необходимо вводить этот критерий выводимости из эмпирического опыта для метафизических высказываний? Метафизика никогда и не претендовала на это. Почему философствование как особый опыт надо редуцировать до опыта эмпирического индивида? Точнее, даже до опыта индивида, говорящего на естественном языке?

Р. Карнап не обсуждает в принципе вопрос, что есть метафизика как особый опыт. Хотя он другой, но тоже опыт, кстати, воплощающийся также в эмпирической реальности, то есть в акте высказывания метафизика, в его акте мышления.

А что же такое делает сам Р. Карнап, выстраивая свои правила логического анализа? Разве это эмпирический опыт? Это его опыт рассудочного рассуждения, который, кстати сказать, никак не выводим из эмпирического опыта. Он выводим из его собственных посылок и оснований, из его позиции. Он свои выводы делает исходя из своей логики, а не из эмпирического опыта.

Метафизике он вообще отказывает в праве иметь какой бы то ни было опыт. Но ведь тогда он и человека редуцирует только до состояния эмпирического индивида, поскольку эмпирический опыт становится базовым критерием для верификации суждений. Впрочем, Р. Карнап разрешает быть другому опыту, опыту художественному, опыту «чувства жизни», опыту поэтов и художников, что продемонстрировал Ф. Ницше. Но тогда, пожалуйста, – в поэзию. Метафизика сродни поэтическому высказыванию. И ей нет места в философии.

То же, как Р. Карнап обращается со словом «Бог», вообще не поддается никакой критике. Он с ним обращается как со словом, которое не имеет эмпирического соответствия. Он даже не обсуждает, что Бог есть одна из базовых онтологических идей, наряду с идеей Человека, Природы, Блага, Истории, Свободы, без которых как без онтологических опор вообще невозможен никакой опыт. Р. Карнап свел религиозный опыт к опыту эмпирического индивида, не допуская самой возможности молитвенной практики, которая всегда конкретна и представима. Она выстраивается, начиная с обустройства молитвенного места и заканчивая техникой молитвы. Ну, ладно. В конце концов это можно опустить. Но зачем критиковать религиозный или метафизический опыт в категориях опыта научного? Разве М. Хайдеггер претендует на это? Разве М. Хайдеггер претендует на то, чтобы назвать метафизику наукой? Нет, категорически. С чем воюет Р. Карнап? Со своими собственными прошлыми представлениями, которые теперь стал считать ошибочными и иллюзорными?

Да, для Р. Карнапа метафизические предложения не имеют смысла, поскольку ничего не обозначают в эмпирическом опыте. Но они и не обязаны иметь никаких соответствий в эмпирическом опыте. Ведь в таком случае мы должны вообще отказаться от половины слов в словаре естественного языка, которые не имеют эмпирических соответствий. Но они есть, были и будут. Р. Карнап воюет против ветра.

Идея, смысл, свобода, мысль, дух, душа, любовь, мысль, и многие другие понятия, которые составляют духовную и душевную жизнь человека, должны быть в таком случае выброшены на свалку. Где логика? Более того, вся логика и математика состоят из искусственных понятий и символов, имея дело вообще-то с идеальными сущностями, которым в эмпирическом мире ничто не соответствует, они не выводимы из эмпирического опыта. Логические конструкты, применяемые самим Р. Карнапом, суть его собственные построения, выступающие плодом его мышления. Но почему свою логику он полагает качественно истинной, а иную логику не приемлет? Логик поступает не логично, поскольку не предъявляет оснований, точнее не показывает обоснования того, почему он совершает именно такой выбор.

Апофеозом доказательства Р. Карнапа выступает то, как он поступает с выражениями, взятыми им из лекции М. Хайдеггера «Что такое метафизика», которую он прочитал при вступлении в должность профессора философии во Фрайбурге в 1929 г. [Хайдеггер, 2007, с. 24-44]:

«Исследованию должно подлежать только сущее и еще – ничто; сущее одно и дальше – ничто; сущее единственно и сверх этого – ничто. Как обстоит дело с этим ничто? – Имеется ничто только потому, что имеется нет, т. е. отрицание? Или наоборот? Имеется отрицание и нет только потому, что есть ничто? – Мы утверждаем: ничто первоначальное, чем нет и отрицание. Где ищем мы ничто? Как находим мы ничто? – Мы знаем ничто. – Страх обнаруживает ничто. – Чего и почему мы боялись было «собственно» – ничто. В действительности: ничто само – как таковое – было тут. – Как обстоит дело с этим ничто? – Ничто само себя ничтит».

Что сразу бросается в глаза? Фразы надерганы из разных мест. Приведенный отрывок не является единой цитатой. Нет возможности привести ее и указать то место из М. Хайдеггера, в котором этот отрывок помещен. Этого места нет. Как будто выдернуты перья из бедного гуся. Если взять саму лекцию М. Хайдеггера, то ничего подобного мы не увидим. Фразы вырваны из контекста, то есть из внутренней логики автора, в которой выстраивается содержательная линия рассуждения. Р. Карнап же выдергивает несколько слов и фраз из разных мест и выстраивает их в цепочку. Мы получаем абракадабру.

Это сравнимо с тем, что делал языковед Л. В. Щерба, составивший предложение из слов, не имеющих значения: «Глокая куздра штеко бодланула бокра и курдючит бокренка». Это предложение соответствует всем правилам грамматики: на месте есть подлежащее и сказуемое, приводится характеристика какой-то куздры (она «глокая», это существо женского рода), показано, что она что-то делает с неким «бокром», существом мужского рода («бодланула») и что-то делает с «бокренком», навверное, детенышем «бокра» («курдючит»). Можно сколько угодно упражняться в грамматических изысках и подставлять различные

эмпирические соответствия этим словам, но предложение смысла не имеет⁸. Это просто грамматическое упражнение. Так же упражнялся в свое время и Л. Кэрролл, сочинив «Бармаглот», составленный из придуманных слов, не имеющих никакого значения:

*«Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове ...»*

Стихи написаны в правильном размере, за словами угадываются некие персонажи, точнее, читающий может подставить под них свои представления, про каких существ идет речь и что они там делают. Но при этом, разумеется, стих не имеет смысла, выглядит как детская считалка. Известно, что детские считалки, как и многое в детской речи, слагаются не по законам логики и науки, а по законам детской фантазии (смотрим «От двух до пяти» К. И. Чуковского)⁹.

Но дело даже не в этом. Дело в том, что со своим оппонентом логик Р. Карнап расправляется крайне нелогично. Он не вчитывается во внутреннюю логику автора, выдергивая выражения из контекста, составляя из них некий грамматический компот и, не видя за ними никаких эмпирических соответствий, объявляет их бессмысленными. Почему надо именно так подходить к подобным текстам? Ведь заведомо такое действие не корректно. Но чтобы уничтожить противника, его надо сначала унижить, принизить, превратив в карикатуру, его надо «унасекомить», чтобы потом с ним легко можно было расправиться с помощью собственных аргументов, он уже не страшен. Сначала противника редуцируют, не пытаясь встать на его сторону, не стараясь понять его внутреннюю логику, доводя его аргументы до абсурда, лишив все его высказывания всякого смысла. А затем легко расправляются с тем, что пусто, что не имеет никакого смысла и содержания.

Какие выводы делает Р. Карнап? В философии должен остаться лишь метод, то есть логический анализ языка, заключающийся в выведении из научного словаря слов, не имеющих значений, в исключении бессмысленных псевдопредложений.

---

⁸ Можно даже рисунки нарисовать по поводу этих высказываний, как это делают учителя с детьми на уроках. Можно нарисовать и марсиан, которых никто не видел. Можно нарисовать несуществующее животное. Разумеется, рисующий будет вставлять в свои образы те представления, которые у него сформировались в его опыте восприятия и приобрели причудливые формы. Но проверять эти рисунки на истинность не имеет смысла. Все это относится к феноменам человеческого сознания. Кто видел настоящих химер Собора Парижской Богоматери? Никто не видел. Но они выведены из нашего воображения и воплощены в пластике материальных фигур.

⁹ Примеры можно умножить. И началось это раньше. Р. Карнап продолжает тот способ доказательства, который демонстрировал и Б. Рассел. Последний пытался выяснить вопрос о том, существовал ли Пегас, мифологический персонаж? Но мифологические тексты и высказывания и не претендовали никогда на научность. Это другой мир. И проверять его на предмет научности в естественнонаучном смысле и в категориях эмпирического опыта не корректно. Подобную игру продолжил Н. Хомский со своим примером: «Бесцветные зелёные идеи яростно спят» («Colorless green ideas sleep furiously»). Грамматика соблюдена, а смысла нет.

По этой логике должна быть упразднена вся история философии, начиная с досократиков, Парменида, и заканчивая М. Хайдеггером и К. Ясперсом. Предложение Р. Карнапа означает упразднение философии как реальности, как особого опыта мышления, и замену ее логикой здравого смысла. Остается не ясным, почему Р. Карнапу так нужна такая разрушительная стратегия? Мы возвращаемся к исходным основаниям его логики, уже показанным нами выше – основания эти сугубо политические и идеологические. Надо было расчистить место и занять его самому. Если своим суждениям ты приписываешь истинность и правильность, а суждения твоего оппонента тебе мешают, то его надо упразднить, а значит свести на нет содержание его суждений, объявить их пустыми, бессмысленными, ничего не значащими. В такой стратегии не может быть никакого содержания и никакой логики, а есть всего-навсего борьба за власть, борьба за умы обывателей, которые ничего кроме здравого смысла не понимают. Р. Карнап совершает политическое действие, уничтожая противника, убирая его с пьедестала. Чаемая им наука становится лишь инструментом в политической борьбе. Печально. И заметим, все это ведь никакого отношения к реальному содержанию философской метафизики не имеет.

А что М. Фридман? Он, как мы уже отмечали выше, фактически согласился с тем, что спор Р. Карнапа и О. Нейрата с М. Хайдеггером имел идеологическую подоплеку.

Кант после Канта

Пожалуй, наш несколько затянувшийся разговор надо бы завершать. Но все же обратимся к другому стороннику метафизики, неокантианцу Э. Кассиреру. М. Фридман понимает, что вообще-то неокантианство существовало в разных версиях. В версии Марбургской школы, к которой принадлежал Э. Кассирер, и в версии Баденской школы, у одного из основателей которой, Г. Риккерта, успел поучиться М. Хайдеггер (во Фрайбурге)¹⁰.

Не будем углубляться в пересказ логических проблем, обсуждаемых неокантианцами в изложении М. Фридмана [см. подр.: Фридман, 2021, с. 49-70, 154-197]. Наш предмет не в этом, а в понимании М. Фридманом природы и феномена раскола философии. Был ли реально раскол? Где и когда он начался? Начался ли он с самого И. Канта, с его антиномий или с разделения им целостного мира на мир природы и мир свободы? Или он начался с неокантианцев? Или он начался с работ Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна (что привычно, с этих имен и начинают обычно историю аналитической философии). Или он начался с критики Р. Карнапом М. Хайдеггера, о чем мы уже сказали выше? Или он вообще начался не в лоне философии, а в пространстве политической интерпретации философии с точки зрения проблемы социальной и политической свободы, в поиске которой философы уехали за океан и стали стараться мыслить и писать по-другому, стремясь не повторить

¹⁰ Эту неокантианскую школу М. Фридман называет Юго-Западной Школой (Südwestdeutsche Schule). Хотя это название менее привычно, нежели Баденская (другое название – Фрайбургская).

тоталитарную версию континентальных мыслителей, приведших мир самым способом мышления к нацизму?¹¹

Напомним, что ключевым различием неокантианских школ является разделение миров – мира природы и мира культуры, мира познания и мира ценностей. Либо акцент ставится на приоритет науки (образец которой выводится из естественных наук) – и тогда мы имеем версию Марбурга. Либо акцент делается на проблеме ценностей и понимании мира в категориях культуры, и тогда мы имеем дело с Баденской версией. Э. Кассирер считается представителем Марбурга, потому что он начинал как ученик Г. Когена, и его ранние работы посвящены философским проблемам логики и естествознания. Но он вышел из этой сферы и его работа «Философия символических форм» (далее – ФСФ) посвящена сфере культуры, в которой он опирался даже не только и не столько на И. Канта и его дуализм (мира природы и мира свободы), сколько на Г. В. Ф. Гегеля, его «Феноменологию духа», на феноменологию И. Гете, на теорию языка В. фон Гумбольдта [Верен, 1997, с. 405-406]. Строго говоря, Марбург развивал линию «Критики чистого разума», а Баден развивал линию «Критики способности суждений», при этом оба забывали про «Критику практического разума», в которой ставится вопрос о главной тайне и «вещи в себе» – свободе¹².

Заметим, что М. Фрийдман ссылается прежде всего на работы раннего периода Э. Кассирера, в которых он представляет свою версию логики («Субстанция и функция»), но почему-то М. Фрийдман никак (пока!) не замечает, что для Э. Кассирера главной темой является не логика, а проблема порождения культурных форм, в связи с чем он пытался понять основной механизм этого порождения, и поэтому уже в ФСФ он вводит представление о примате функции над субстанцией, примате функции над материей, субстратом, материалом. Его волнует то, что потом и выразит в ФСФ – процесс *формообразования*, складывания символических форм, процесс порождения сферы культуры через снятие «вуали», за которой человек не видит самого себя, собственного духа. Человек творит культурные формы и начинает сам сковываться собственными творениями (слова языка, образы мифа, интеллектуальные символы познания), закрывая вуалью форм

---

¹¹ Среди либерально настроенных авторов гуляет такая эпатажирующая и расхожая версия, согласно которой русская гуманистическая литература привела к революции 1917 г. и последующему террору. Версия родилась в лоне русских интеллигентов-беспочвенников. Это не более, чем спекуляция. Бесов революции породила не литература, а те ее толкователи, которых устраивает половинчатость слова о великой тяжбе, ведущейся между Богом и Инквизитором: мол, человек предпочитает хлеб, а не свободу. Бесы рождаются в тех натурах, которые, будучи не в силах сказать свое ответственное авторское Слово, не в силах совершить акт творения, прикрывают свою немощь разного рода обиняками, обвиняя то тоталитарную власть, то тупой лапотный народ, одинаково не понимающих и не приемлющих их великие опусы. А. П. Чехов эту братию давно раскусил: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» (Письмо Н. И. Орлову, 22 февраля 1899 г.) [Чехов, 1980, с. 99].

¹² Надо сказать, что Э. Кассирер это понимал, пытаясь удерживать концептуальное целое и способ мысли И. Канта, заметив, что в каждой «Критике» исследуется определенная форма человеческого духа: в первой «Критике» – «математическое и естественно-научное бытие», во второй – «умопостижимое царство свободы», в третьей – «царство искусства и органической природы» [Кассирер, 2002. с. 16]

самого себя от глубинного *истока*. Поэтому первейшая задача философии – сорвать эту вуаль, убрать посредника и вернуться к первичному истоку. Но этому мешает привычный человеку способ познания, его собственный «орган», для которого «верхом совершенства являются понятия, свет и ясность дискурсивного мышления». Необходимо не загромождать себя формами, а понять сам «формообразующий принцип», не заслоняя себя от истока творения формы дискурсивными понятийными структурами, а стремясь извлечь «общие типичные черты самого процесса формообразования» [Кассирер, 2002, с. 47].

Заметим, такая задача, связанная со снятием вуали, не подвластна ни логике, ни эпистемологии, ни метафизике. Такая задача требует выстраивания особого предмета, новой антропологии. Поэтому Э. Кассирер в «Опыте о человеке» уже в конце жизни пытался вернуться к этой проблеме. Но это тема особого разговора.

Заключение, но не приговор

В итоговой главе М. Фридман констатирует смысл и природу интеллектуального раскола, проявившегося уже в работах Г. Фреге и Б. Рассела. У последнего логика выступает «сущностью философии». Именно эта концепция философии находит наиболее полное выражение в творчестве Р. Карнапа. Он осуществил «рациональную (логическую) реконструкцию фундаментального процесса познания» [Фридман, 2021, с. 259]. И даже «<...> персоналистические” импульсы Ницше и Киркегора были строго интегрированы с “научной” феноменологией Гуссерля», что выглядит для нас странным выводом [Фридман, 2021, с. 263]. Он никак не вытекает из спора главных героев М. Фридмана, основные сюжеты которого были изложены им в книге.

Но важно продолжение. Логический прорыв никак не был принят М. Хайдеггером. Эти поиски никак не находят своего места в его работах. «И вообще рассматриваются им, – пишет М. Фридман, – как полностью лишённые философской значимости». И в этом М. Фридман видит слабость в мышлении М. Хайдеггера [Фридман, 2021, с. 263-264].

Но третий герой, полагает М. Фридман, если не считать ранних попыток Э. Гуссерля, Э. Кассирер – «единственный значимый философ XX в., который предпринял серьезные усилия для понимания как развития точных наук, так и современных потрясений, имевших место в основаниях исторических и культурологических наук» [Фридман, 2021, с. 264].

Поэтому он выступает для М. Фридмана как «подлинно центральная фигура двадцатого века», поскольку фактически «в одиночку пытается воздать должное обеим сторонам первоначального философского синтеза Канта», только он может быть посредником между науками о природе и науками о духе [Фридман, 2021, с. 265]. Э. Кассирер предпринял «геркулесовы усилия» по построению «всеобъемлющей философии символических форм» [Фридман, 2021, с. 272].

Мы, делает вывод М. Фридман, можем вслед за Р. Карнапом «твердо придерживаться формальной логики как идеала универсальной общезначимости и ограничиться философией математических точных наук», либо вслед за М. Хайдеггером «отказаться от логики и “точного мышления”, в результате чего, в конечном счете, откажемся от идеала *универсальной общезначимости* как таковой» [Фридман, 2021, с. 272-273]. Если я не

ошибаюсь, подчеркивает М. Фридман, именно эта дилемма лежит в основании противопоставления аналитической и континентальной философских традиций XX в. И вытекают они из трещины, которая пролегла еще в «исходной кантовской архитектонике» [Там же].

Но только Э. Кассирер пытался преодолеть этот разрыв. Кто заинтересован в примирении названных направлений, тот не может найти лучшей отправной точки, чем «богатая сокровищница идей, амбиций и анализов, хранящихся в удивительно обширном философском наследии Кассирера» [Фридман, 2021, с. 278].

Вывод впечатляет. Но все же думаю, что роль Великого Посредника, преодолевавшего разрыв между Логикой и Метафизикой, отведенная ему М. Фридманом, кажется искусственной. Во всяком случае это требует отдельного анализа. Оставим данную тему для следующей работы. Данная статья посвящена другой теме.

Однако, наш разговор может быть бесконечным. Как бесконечным является вообще искание человеком себя в этом мире. Ограничимся выше сказанным в обеих частях статьи и попробуем наметить пунктирный абрис различия аналитической и континентальной философий, понимая неточность и зыбкость пунктира.

Если поддаваться эмоциям и страстям, то можно легко сорваться в крайности оценок как того, так и другого направления.

Страсть неприятия аналитической философии бывает связана прежде всего с допущением, что она, претендуя на строгий логический анализ и не приемля метафизические высказывания, полагая их бессмысленными и беспредметными, сама же претендует на истинность своих выводов и, стало быть, и на право быть носителем истины, в силу чего она претендует на господство своего видения. Еще полшага и мы попадаем в тоталитарный дискурс, не приемлющий иных точек зрения, кроме собственной. Реальность сущего авторы проверяют сугубо силой логического анализа опыта. Если же это проверить нельзя, то этой реальности и не существует, а существует только логическая схема, логическое высказывание самого автора высказывания, точнее, существует он сам, принимающий или отвергающий ту или иную реальность. Мы попадаем в ловушку, которую однажды создал себе Р. Декарт. Он, «вещь мыслящая», стал единственной реальностью, поскольку вся другая реальность была им поставлена под радикальное сомнение. Но самого себя, как вещь мыслящую, он под сомнение не ставил.

Неприятие же континентальной философии объясняется её кажущейся беспредметностью, тем, что её носители всякий раз уходят от точных определений, от ясного дискурса, закрываясь туманным, не прозрачным языком, ссылаясь на личный опыт, на неопределимость его плавающих границ, на авторство личного пути, показывая, однако, собственную неопределенность и бесхребетность. За разговором о путях и поисках может лежать всего-навсего собственная безответственность и беспутность, нежелание отвечать за собственные слова и дела. Собственную пустоту подобные континенталисты прикрывают метафорами и образами о муках поиска и устремлениями к постоянно уходящему горизонту. Бедные! И все-то у них уплывает и уходит...

Впрочем, это страсти и оценки. Как правило, все же мало обоснованные, потому что этим выводам могут быть противопоставлены тут же иные аргументы, и приведены

противоположные примеры либо туманного дискурса в аналитической философии, либо, наоборот, примеры ясного языка в континентальной философии.

Но если все же попытаться определить эти направления не доктринально, а как разную установочную оптику, как разные исходные ориентации, дополняющие, а не закрывающие друг друга?

Тогда различие между ними можно представить не как различие учений, научных предметов, концепций, а, прежде всего, как разницу базовых *онтологических установок и ориентаций*, всегда существовавших в пределах мировой философии. Ориентации фактически воплотились в разные философские направления и парадигмы. Что вообще-то не является таким уж сюрпризом, как не является им различие между доктринальной системой Гегеля и экзистенциальным вопрошанием Киркегора или Ницше. Или, скажем, различие между доктринальным способом философствования Аристотеля, с одной стороны, и поисковым навигационным способом мышления Сократа, с другой.¹³

Попробуем обозначить эти ориентации и установки¹⁴.

Первый вид ориентации.

Либо установка и ориентация направлена на ясность и точность высказывания, что связано с мотивацией на властное обладание знанием как формой удержания власти. Либо установка предполагает право на недосказанность, следствием чего всегда будет некая незавершенность, неокончателность. С одной стороны, полагается, что возможно выстроить ясную и точную картину мира посредством ясной, логически выверенной концепции, в которой даются точные и четкие ответы. С другой стороны, полагается, что человек в мире – сущее не окончательное и незавершенное. Ясной и точной картины сущему дать нельзя. А логика суть только средство, имеющее весьма ограниченную область применения. И сама она меняется. В силу этого выстраивается вероятностная логика, модальная логика и другие виды логик.

И тогда ориентация на ясность и окончательность, последовательность и логичность суждения порождает и феномен АФ, а ориентация на неокончателность, поисковость, возможную парадоксальность суждений, порождает феномен КФ, что выглядит не вполне в этом плане научным или философским феноменом. Это больше похоже на социально-политический и мировоззренческий феномен, поскольку выбор ориентации не связан напрямую с наличием или отсутствием каких-то научных доказательств и научных открытий. Тем самым, разведение философии на АФ и КФ – не научный и не философский феномен.

---

¹³ Лично для меня такое различие ориентаций и установок выступает более осмысленным, нежели попытка разделить такие направления, как АФ и КФ, доктринальным способом. Последний связан больше с текстовой культурой, а поисковый (номадический) выходит из устной традиции, будучи связан с речевой практикой. Первый тип больше претендует на фундаменталистский, концептуальный подход, второй же претендует на герменевтический и философско-поэтический подход. Соответственно, первый претендует на истинность своих представлений, а второй допускает вероятностность ситуации человека, отказываясь приписывать своим представлениям истинность. Данные стратегии и стили скорее дополняют друг друга, обогащая в целом опыт познания и развития человека, делая его многообразным. См. прецеденты такого различения в работах [Вольф, 2016; Смирнов, 2016].

¹⁴ См. также нашу работу, посвященную смыслу понятия онтологической установки в философии [Смирнов, 2020].

Это различие схоже с феноменом веры. Если так, то зачем их сравнивать и где предмет спора? Его просто нет. Его конечно можно придумать, но тогда мы получаем религиозную войну. Это уже было. Зачем нам новые аутодафе?

Второй вид ориентации.

Ориентация связана с вопросом о роли логики и языка. Логический анализ языка (шире – сознания) – самоцельный предмет философии как науки или всего лишь инструмент для ограниченного применения? Согласно одной установке, логика и анализ языка есть самостоятельный предмет, относительно которого выстраиваются понятийные конструкции. Согласно иной установке, логика и язык всего лишь инструменты и языковые игры, которые гибки и вариативны, будучи зависимыми от ситуации, от проблемы, от задачи, от прагматического контекста. Но они не могут стать предметом, то есть не имеют самостоятельного целевого задания. Они выступают средством для решения других, собственно содержательных задач.

Третий вид ориентации.

Либо философия и ее предмет выстраиваются в логике науки, имеют научную ориентацию, а соответственно объяснимо стремление построить ясный, логически выверенный концепт в логике научного предмета. Либо философия дистанцируется от науки, и тогда доминирует ориентация на поиск, на отказ от окончательности, отказ от построения концепта в логике научного предмета, потому что философия не наука. Философия суть поиск человеком собственного места в бытии. Философия всегда автореферентна, поскольку вопрос о моем месте предполагает и вопрос обо мне самом как вопрошающем, о моем присутствии в мире. Это не вопрос стороннего наблюдателя. Это вопрос собственного присутствия в мире. Значит это не вопрос, касающийся исследования чего-то объективного, вне меня положенного, чему я (вдруг!) приписываю качества объективности. Это вопрос моего пребывания в мире, ответственного и сугубо личного.

Попытка выделения выше названных видов ориентаций и установок есть всего-навсего попытка (разумеется, субъективная) автора этих строк разобраться в одном – в чем смысл и плодотворность разделения мировой философии на названные направления, на АФ и КФ¹⁵? Помогает такое различие или только запутывает?

---

¹⁵ Таких попыток было много и ранее. Например, В. В. Целищев провел ряд предметных различий между АФ и КФ на примере их наиболее ярких представителей, понимая некоторую условность этих различий [Целищев, 2000]. Это такие различия, как ясный, точный язык, научное обоснование суждений, искусственный язык построений, исторический подход, объяснительный принцип, характерные для АФ, с одной стороны, и туманный язык, ориентация на гуманитарное, ненаучное знание, приоритет естественного языка, аисторический подход, понимающий принцип, характерные для КФ, с другой стороны. В то же время В. В. Целищев наметил ряд направлений сближения АФ и КФ, связанных с языковыми играми, релятивизмом, поиском связей логики и феноменологии, использованием принципа деконструкции, развитием нарративной тенденции и т.д. [Целищев, 2000]. Лучше наводить мосты, нежели отдавать предпочтения одной из сторон, тем самым обедняя себя, свой опыт.

При таком настойчивом различении зачем, например, континентальный философ В. В. Бибихин разбирает труды и дни одного из основателей АФ Л. Витгенштейна [Бибихин, 2005]? Явно не для того, чтобы поймать и почувствовать разницу. Скорее, для того, чтобы прикоснуться к одному из истоков, одному из прецедентов авторского философского мышления, которое не имеет границ и направлений. Он имеет просто имя – Л. Витгенштейн.

Может, потому философия и оказалась «на перепутье», как назвал свою книгу М. Фридман («расхождение путей»), что она оказалась дезориентированной, что она потеряла самое себя? И, наверное, поэтому, будучи дезориентированной, она всякий раз путает смыслы, цели и средства, блуждает в поисках своего предмета? Что человек делает, когда он теряет ориентацию, попадая в незнакомый лес? Он пытается выйти на поляну, выбраться на простор, на открытое место, подняться на верхушку дерева и окинуть взором округу. Глядишь, увидит он настоящий ориентир и пойдет вновь в нужном ему направлении...

Если философия оказалась на перепутье, ей нужна новая точка возвышения, новое открытое место для обитания¹⁶. Чтобы вновь не заблудиться, не заплутать, не потерять себя. Наверное, нам надо вновь найти базовые ориентиры, вновь учиться мыслить, приобщаясь к истоку.

Список литературы / References

Бибихин, В. В. (2005). *Витгенштейн: смена аспекта*. М. Институт философии, теологии и истории св. Фомы.

Bibikhin, V. V. (2005). *Wittgenstein: a Change of Aspect*. Moscow. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2016). Homo Scriptoris vs. Homo Dicens: онтология и антропология как логология. *Человек.RU. Гуманитарный альманах*. № 11. С. 56-70.

Volf, M. N. (2016). Homo Scriptoris vs. Homo Dicens: ontology and anthropology as logology *Chelovek.RU. Humanitarian Almanac*. no. 11. pp. 56-70. (In Russ.)

Верен, Д. Ф. (1997). Кант, Гегель и Кассирер. Происхождение философии символических форм. *Кассирер Э. Жизнь и учение Канта*. Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит; пер. М. И. Левиной. СПб. Университетская книга. С. 405-420.

Veren, D. F. (1997). Kant, Hegel and Cassirer. The origin of the philosophy of symbolic forms. In Levit, S. Ya. (ed.), Levina, M. I. (transl.). *Cassirer E. Life and teachings of Kant*. St. Petersburg, pp. 405-420. (In Russ.)

---

¹⁶ В. В. Целищев ссылается на замечательную метафору, которую приводит Р. Рорти. Последний назвал ситуацию, в которую попала современная философия, ситуацией театра абсурда: ныне ни Хайдеггер, ни Витгенштейн не захватывают воображения, она находится «в ожидании Годó». А поэтому, делает вывод В. В. Целищев, имеет смысл вернуться к истокам аналитической философии [Стролл, 2020, с. 362]. Если продолжить метафору Р. Рорти, то именно те, кто находился в ожидании Годó в известной пьесе С. Беккета, никого так и не дождались. Поэтому надо просто встать и идти. Это самое трудное.

Зигмунд, К. (2021). *Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки*. Пер. с англ. А. Бродоцкой. М. Изд-во АСТ: CORPUS.

Sigmund, K. (2021). *Exact Thinking in Demented Time. The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science*. Brodotskaja, A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Карнап, Р. (1993). Преодоление метафизики логическим анализом языка. Пер. с нем. А. В. Кезина. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*. № 6. С. 11-26.

Carnap, R. (1993). Overcoming metaphysics by logical analysis of language. Kezin, A. V. (transl.). *Moscow State University Bulletin. Issue 7. Philosophy*. no. 6. pp. 11-26. (In Russ.)

Карнап, Р., Ган, Г., Нейрат, О. (2005). Научное миропонимание – Венский кружок. Пер. с нем. Я. Шрамко. *Логос*. № 2(47). С. 13-26.

Carnap, R., Gahn, G., Neurath, O. (2005). Scientific worldview – Vienna Circle. Shramko, J. (transl.). *Logos*. no. 2 (47). pp. 13-26. (In Russ.)

Кассирер, Э. (2002). *Философия символических форм*. В 3-х т. Пер. с нем. М.; СПб. Университетская книга.

Cassirer, E. (2002). *Philosophy of Symbolic Forms*. In 3 vol. Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)

Крафт, В. (2003). *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма*. Пер. с англ. А. Никифорова. М. Идея-Пресс.

Kraft, W. (2003). *Vienna Circle. The emergence of neopositivism*. Nikiforov, A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Мамардашвили, М. К. (1992). Вена на заре XX века. *Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию*. М. Изд. группа «Прогресс», «Культура». 2-е изд. С. 388-403.

Mamardashvili, M. K. (1992). Vienna at the dawn of the twentieth century. *Mamardashvili M. K. As I understand philosophy*. Moscow. pp. 388-403. (In Russ.)

Сафрански, Р. (2002). *Хайдеггер: германский мастер и его время*. Пер. с нем. М. Молодая Гвардия.

Safranski, R. (2002). *Heidegger: Germanic Master and His Time*. Moscow. (In Russ.)

Смирнов, С. А. (2020). Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) *Философия науки*. № 2. С. 3-20.

Smirnov, S. A. (2020). Ontological Proposition (on the question of the meaning of the concept). *Philosophy of Science*. no. 2. pp. 3-20. (In Russ.)

Смирнов, С. А. (2021). Философский Давос как повод для развода. Версия М. Фридмана. Часть 1. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 62-83.

Smirnov, S. A. (2021). Philosophical Davos as a reason for divorce. M. Fridman's version. Part 1. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 1. pp. 62-83. (In Russ.)

Стролл, А. (2020). *Аналитическая философия: двадцатый век*. Пер. с англ. В. В. Целищева. М. Канон+ РООИ «Реабилитация».

Stroll, A. (2020). *Analytical philosophy: the twentieth century*. Tselishev, V. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Фрийдман, М. (2021). *Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер*. Пер. с англ. В. В. Целищева. М. Канон+ РООИ «Реабилитация».

Friedman, M. (2021). *Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger*. Tselishev, V. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2007). *Что такое метафизика?* Пер. с нем. В. В. Бибихина. М. Академический проект.

Heidegger, M. (2007). *What is metaphysics?* Bibikhin, V. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2013). *Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество*. Пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб. Владимир Даль.

Heidegger, M. (2013). *Basic concepts of metaphysics. The world – finitude – loneliness*. Bibikhin, V. V., Akhutin, A. V., Shurbelev, A. P. (transl.). St. Petersburg.

Целищев, В. В. (2000). Будущее философии XXI века: аналитическая или континентальная философия? *Философия науки*. № 2(8). С. 13-20.

Tselishev, V. V. (2000). The future of philosophy in the XXI century: analytical or continental philosophy? *Philosophy of Science*. no. 2(8). pp. 13-20. (In Russ.)

Чехов, А. П. (1980). Письмо Орлову И. И. 22 февраля 1899 г., г. Ялта. *Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Т. 8. М. Наука. С. 99.

Chekhov, A. P. (1980). Letter to I. I. Orlov. February 22, 1899, Yalta. *Chekhov A. P. Complete Works and Letters*. In 30 vol. Vol. 8. Moscow. p. 99. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: smirnoff1955@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8855>

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

После доработки: 16.05.2021

Принята к публикации: 06.06.2021

Smirnov Sergey – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: smirnoff1955@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8855>

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 16.05.2021

Accepted for publication: 06.06.2021

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.346

СЕМЬЯ И РАБОТА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА*

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
vinokurova77@mail.ru

А. З. Адиев

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (г. Махачкала)
khalid_84@mail.ru

Аннотация. В работе представлены основные аспекты, связанные с реализацией ценностных ориентаций жителей Дагестана в сфере семьи и профессионально-трудовой деятельности, которые рассматриваются в контексте основных характеристик, определяющих социально-экономическое развитие данного региона. Исследование осуществлялось преимущественно с опорой на количественные методы, включающие анализ данных официальной статистики, а также результаты анкетного опроса (n=170), проведенного при непосредственном участии авторов в 2020 году. Предпринятое нами исследование показало, что дагестанцы ориентированы, в основном, на семейное и материальное благополучие. Стремление улучшить свое благосостояние и благосостояние своей семьи стимулирует формирование профессионально-трудовых ориентаций, предусматривающих наличие стабильной, постоянной, хорошо оплачиваемой работы с перспективами карьерного роста.

Ключевые слова: региональное развитие, Дагестан, социально-экономические процессы, уровень и качество жизни, социальное благополучие, ценностные ориентации, семья, работа.

Для цитирования: Винокурова, А. В., Адиев, А. З. (2021). Семья и работа в системе ценностных ориентаций жителей Дагестана. *Respublica Literaria*. Т. 2. №. 2. С. 74-85. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.74-85.

FAMILY AND WORK IN THE SYSTEM OF VALUE ORIENTATIONS OF DAGHESTANIS*

A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
vinokurova77@mail.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00768 «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье».

*The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00768 «Life on the frontier: migration and mobility in the border».

A. Z. Adiev

Daghestan Federal Research Centre of RAS (Makhachkala)

khalid_84@mail.ru

Abstract. The paper presents the main aspects related to the implementation of the value orientations of the residents of Dagestan in the field of family and professional and labour activity, which are considered in the context of the basic characteristics that determine the socio-economic development of this region. The study was carried out mainly based on quantitative methods, including the analysis of official statistics data and the results of a questionnaire survey (n=170) conducted with the direct participation of the authors in 2020. Our research has shown that Dagestanis are mainly focused on family and material well-being. The desire to improve their well-being and the well-being of their family encourages the formation of professional and labour orientations that provide for a stable, permanent, well-paid job with career prospects.

Keywords: regional development, Republic of Dagestan, socio-economic processes, level and quality of life, social well-being, value orientations, family, work.

For citation: Vinokurova, A. V., Adiev, A. Z. (2021). Family and work in the system of value orientations of Dagestan residents. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 2. pp. 74-85. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.74-85.

Российская Федерация является одним из немногих государств мира, обладающих настолько большой территорией, что в каждом регионе имеется своя природно-климатическая, социально-экономическая, этнонациональная, социокультурная специфика. Все это формирует существенные межрегиональные различия и высокий уровень региональной дифференциации.

Ведущими аналитическими агентствами ежегодно составляется рейтинг качества жизни населения в российских регионах [см. подробнее: Рейтинг регионов по качеству жизни, 2020]. В основе ранжирования – комплексный учет семидесяти показателей, фиксирующих фактическое состояние тех или иных аспектов условий жизни и ситуации в социальной сфере. Сюда входят уровень покупательской активности, доступность жилья, доля своевременно выплачиваемых кредитов, уровень занятости, а также доступность медицинской помощи, образовательных услуг, объектов соцкультбыта, климатические условия и др. На основе учитываемых индикаторов рассчитывается рейтинговый балл, который выступает в качестве критерия для оценки межрегиональных различий.

Лидером качества жизни среди регионов Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) является Ставропольский край, занявший в 2020 г. 23 место. Большинство же субъектов СКФО занимают нижние строчки рейтинговой таблицы: Карачаево-Черкесская Республика находится на 83 месте, Республика Ингушетия – на 78; чуть выше позиции у Кабардино-Балкарской Республики, Чеченской Республики, Республики Северная Осетия – Алания, которые занимают 77, 74 и 70 места соответственно.

Республика Дагестан занимает второе (после Ставропольского края) место по качеству жизни среди субъектов СКФО. Рассматриваемый регион получил высшие оценки по климатическим условиям и отсутствию долгов за кредиты у населения. Однако по количеству жителей, имеющих официальные трудовые доходы, уровню накоплений, по обеспеченности основными фондами социальной сферы, а также по доступности

и обеспеченности жильем регион имеет минимальные баллы. В итоге, по совокупности результатов, Дагестан занимает 56 место в общероссийском рейтинге [см. подробнее: Не рай: почему регионы СКФО оказались в конце рейтинга лучших для жизни, 2020].

На улучшение социально-экономического благополучия жителей Дагестана направлен ряд законодательных инициатив. В частности, одной из них выступает Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан. Как отмечается в документе, главной долгосрочной стратегической целью республики должно быть преодоление отставания и выход на средние макроэкономические показатели России по уровню экономического и социального развития [см. подробнее: Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года].

Исследователи подчеркивают, что Дагестан располагает всеми необходимыми природными, трудовыми и производственными ресурсами для прорывного развития и преодоления отставания. Нужна кардинальная модернизация организации хозяйственного комплекса и системы государственного и муниципального управления [Ахмедуев, 2018].

Наблюдается усиление как научного, так и практико-ориентированного интереса к изучению экономического потенциала, демографических процессов и возникающих в связи с этим социальных проблем в контексте регионального развития как всего Северного Кавказа в целом, так и Республики Дагестан в частности [см. подробнее: Абдулманапов, 2019; Бийжанова, 2016; Литвинова, 2018; Мирошниченко и др., 2019; Сигарева и др., 2018; Соколов, 2018]. В то же время имеет место недостаточное количество работ, в которых детально бы рассматривались ценностные ориентации жителей Дагестана, формирующие их дальнейшие жизненные стратегии. Поэтому нам представилось вполне целесообразным проведение эмпирического исследования, направленного на уточнение данных аспектов.

Главная цель предпринятого нами исследования заключалась в выявлении базовых ценностных ориентаций жителей Дагестана. В контексте сформулированной целевой установки логично использовать количественный методический инструментарий, а именно: вторичный социологический анализ статистических данных и результатов исследований, проведенных ранее другими авторами; а также первичный анализ результатов собственного эмпирического исследования.

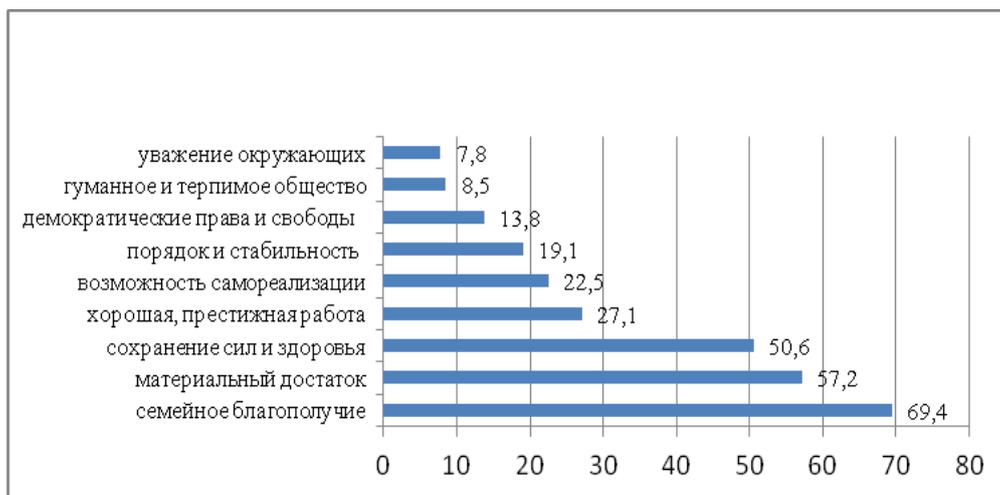
Основной метод сбора эмпирических данных – анкетирование. Реализация анкетного опроса была осуществлена в заочной форме в связи со сложной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением коронавирусной инфекции. Опросник был выложен в Google-форме, далее ссылка направлялась потенциальным респондентам посредством мессенджеров WhatsApp, Viber, Telegram и социальных сетей VK, Instagram и др. Объем выборки составил 170 человек (n=170). По своим характеристикам выборочная совокупность является квотной, мы остановились на таких основных квотируемых признаках, как пол и возраст. Для того, чтобы параметры выборочной совокупности соответствовали параметрам генеральной по выбранным квотируемым признакам, была применена процедура взвешивания. На основе составленных квот распределение опрошенных по половозрастной принадлежности можно представить следующим образом: женщины – 84 человека, мужчины – 86 человек; лица в возрасте 18–24 лет (в основном учащаяся молодежь) – 20 человек, лица в возрасте 25–34 лет (в основном работающая молодежь) – 35 человек; лица активного трудоспособного возраста (преимущественно возрастная категория 35–59 лет) – 70 человек; лица старше трудоспособного возраста

(преимущественно возрастная категория 60 лет и более) – 45 человек. Проектирование выборочной совокупности строилось на основе методов «доступных случаев», «снежного кома», «типичных представителей». Полевые работы проводились в летне-осенний период 2020 года. Исследование осуществлялось в рамках разведывательного стратегического плана, по итогам мы имеем предварительные, пилотные результаты.

Выявление направленности ценностных ориентаций наших респондентов мы осуществляли с опорой на классификацию жизненных ценностей, предложенную М. С. Яницким [см. подробнее: Яницкий, 2002]. В соответствии с данной классификацией выделяются три основных блока.

Первый блок связан с социальной безопасностью, включающей ценности адаптации, материального достатка, здоровья, общественного порядка и стабильности. Второй блок представляет категорию социального одобрения, подразумевающего ценности семейного благополучия, достойной работы, уважения со стороны окружающих. Третий блок характеризуется направленностью на проявление индивидуальности и связан с ценностями личной и профессиональной самореализации, терпимости, демократическими правами и свободами.

Полученные нами результаты показали следующие распределения в ответах респондентов относительно предпочитаемых и наиболее значимых для них ценностей (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных ценностей являются для Вас наиболее важными?» (в % от числа опрошенных)*

Как видим, доминирующей является стратегия социальной безопасности (по средневзвешенной оценке она актуальна для 45,9 %), чуть менее популярна стратегия социального одобрения (по средневзвешенной оценке – 37,8 %), индивидуальные стратегические ориентации не имеют широкого распространения в оценочных суждениях жителей Дагестана (по средневзвешенной оценке – 16,3 %).

* Составлено авторами. Сумма больше 100%, так как допускался выбор нескольких вариантов ответа, но не более трех.

Но если конкретизировать, то самой важной ценностью наши респонденты считают счастье и благополучие своей семьи (в относительных оценках – 69,4 %) и готовы сделать все возможное, чтобы их семья была материально обеспечена (в относительных оценках – 57,2 %) а для этого необходимо наличие, в первую очередь, здоровья (в относительных оценках – 50,6 %).

К этому можно добавить, что достижение жизненного успеха также во многом связывается с ценностями семейного и материального благополучия (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас значит достичь успеха в жизни?» (в % от числа опрошенных)*

Самое главное в жизни – семья и дети, такое мнение разделяют 73,2 % опрошенных, далее следует наличие постоянной работы и стабильного будущего, данный вариант выбрали 46 % респондентов. Также жизненный успех связывается с высоким социальным статусом (38,5 %), интересной и любимой работой (36,5 %). Для 35,1 % респондентов важно быть настоящим специалистом в своем деле. Позиции, связанные с наличием богатства и независимости, выбрали 19,5 % и 14,3 % соответственно. Таким образом, успех в жизни наши респонденты интерпретируют в традиционных терминах: семья, стабильность, достойное положение в обществе. Получается, что ценности семейного и материального благополучия взаимосвязаны. Во многом качество жизни семьи зависит от уровня материальной обеспеченности, а главным ресурсом, способствующим ее достижению, является работа.

* Составлено авторами. Сумма больше 100%, так как допускался выбор нескольких вариантов ответа, но не более трех

В ходе исследования мы попытались выявить, насколько наши респонденты удовлетворены своей работой, какие аспекты в сфере труда и профессиональной занятости являются для них наиболее важными. Для первой, самой приблизительной оценки был задан вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей работой?». Ответы показали, что полностью удовлетворены своей работой 42,3 %; частично удовлетворены – 43,4 %; совершенно не удовлетворены – 14,3 %. Другими словами, доля тех, кто в основном доволен своей работой, очень высока и составляет 85,7 %. Мы склонны интерпретировать данный факт следующим образом: в нынешних условиях люди ценят любую имеющуюся у них работу, которая позволяет им обеспечивать себя и свою семью, и часто не имеют больших возможностей найти другое, более оплачиваемое рабочее место с более комфортными и соответствующими их ожиданиям условиями труда.

При этом около четверти наших респондентов (23,5 %) совершенно не удовлетворены уровнем своей материальной обеспеченности. Что, в общем-то, совсем неудивительно, и коррелирует со статистическими данными. Так, согласно результатам, полученным Н. В. Зубаревич, доля лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума в Республике Дагестан составляет 14,5 % (в среднем по России – 12,3 %) [цит. по: Макурин, 2021], т.е. уровень бедности выше средних общероссийских показателей. Среднедушевые доходы также невысоки (см. табл. 1).

Таблица 1

Среднедушевые доходы населения Республики Дагестан (в месяц; рублей)*

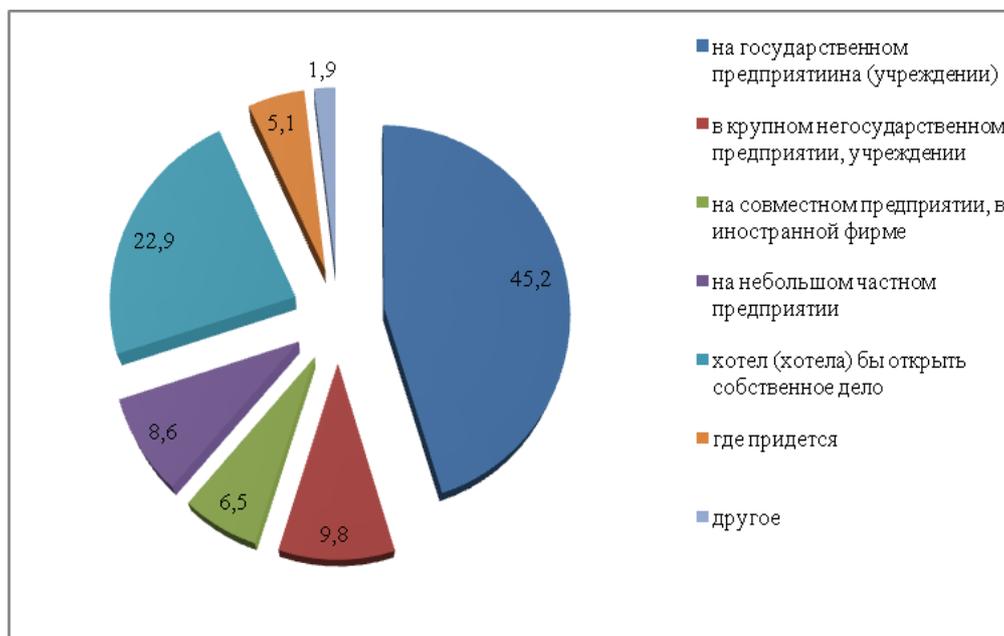
Доходы населения (в месяц; рублей)					
Год	2016	2017	2018	2019	2020 (I полугодие)
Сумма	25669	26483	25755	27408	22450

На основании данных, представленных в таблице 1, можно заключить, что в течение 2016–2019 гг. наблюдалось хоть и незначительное, при этом прерывистое, увеличение среднедушевых доходов дагестанцев. В 2019 году в рейтинге российских регионов именно по доходам населения Дагестан занимал 46 место [Рейтинг регионов по доходам населения, 2020]. Но в первом полугодии 2020 года произошло резкое падение этого показателя, откат к уровню 2013–2014 гг. Конечно же, основной причиной является повсеместный полный или частичный локдаун, связанный с распространением коронавирусной инфекции.

Результаты нашего исследования показали, что среди дагестанцев распространены тревожные настроения относительно сохранения своей трудовой занятости. Так, при ответе на вопрос «Допускаете ли Вы, что можете в ближайшем будущем оказаться без работы?» 25,8 % респондентов выбрали вариант «да, это вполне реально»; 18,5 % – «существует такая вероятность». Другими словами, практически половина опрошенных (43,3 %) разделяет мнение, что в нынешних условиях очень высоки риски потери имеющейся работы. При этом высока доля тех, кто находится в состоянии неопределенности: 18 % наших респондентов затруднились с ответом.

* Составлено авторами на основе: [Регионы России, 2020; Среднедушевые доходы населения по субъектам Российской Федерации, 2020].

Соответственно, растет доля так называемых «государственников», под ними мы подразумеваем занятых в данный момент и/или желающих в перспективе работать в государственном секторе экономики. Это можно проиллюстрировать результатами ответов на вопрос относительно того, работа на каком типе предприятия, в каком учреждении является для наших респондентов наиболее предпочтительной (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «На каком типе предприятия, в каком учреждении Вы хотели бы работать?» (в % от числа опрошенных)*

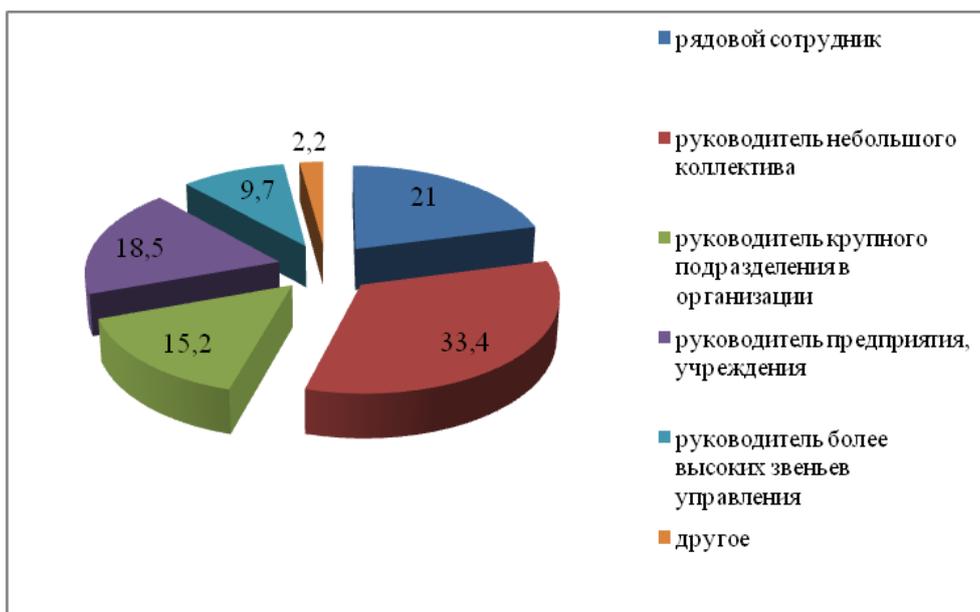
Можно сказать, что самую весомую долю составляют «государственники», на них приходится чуть меньше половины опрошенных. Полученные данные совсем не удивляют. Многие респонденты в частных беседах отмечали, что работа в государственных организациях гарантирует стабильный доход, соблюдение норм трудового законодательства, здесь меньше опасений, что можно потерять свое место в ситуации кризиса и пр. Но в то же время, по мнению информантов, карьерное продвижение в государственных и муниципальных структурах очень часто зависит не от личных и профессиональных качеств сотрудника, а от того, чьим родственником или другом он является. Вот показательная цитата: «... *Карьеру построить нереально: ни один руководитель не подвинется, разве только в том случае, если у него будет гореть земля под ногами, перегрызут горло всем желающим занять его место ... а Трудовой кодекс, да, соблюдают неукоснительно, это чистая правда ...*».

Также результаты нашего исследования репрезентируют, что достаточно высок процент «предпринимателей», т.е. тех, кто готов/хотел бы открыть собственное дело, и «частников» (условно обозначим, таким образом, тех, кто предпочитает работать по найму в организациях различных форм негосударственной собственности, включая крупные и мелкие предприятия, иностранные фирмы) – 22,9 % и 24,8 % соответственно. Среди

* Составлено авторами.

основных преимуществ такой занятости, в первую очередь, респондентами отмечаются возможность получения более высоких зарплаток, меньшая зависимость или даже почти полная независимость от руководства, возможность сменить сферу деятельности, попробовать что-то новое и т.п.

К этому можно добавить, что жители Дагестана демонстрируют достаточно высокие должностные притязания (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какую должность Вы считаете для себя наиболее предпочтительной?» (в % от числа опрошенных)*

Около трети наших респондентов (28,2 %) отдадут предпочтение должностям высокого уровня, из них 18,5 % выбрали статус руководителя предприятия, учреждения; 9,7 % – руководителя более высоких звеньев управления. Еще около трети опрошенных (33,4 %) сочли для себя наиболее привлекательной должность руководителя небольшого коллектива, позицию «руководитель крупного подразделения в организации» считают для себя наиболее предпочтительной 15,2 % респондентов. Таким образом, подавляющее большинство опрошенных (76,8%) хотели бы занимать руководящие должности разного уровня, и только 21 % предпочли бы статус рядового сотрудника.

Высокий уровень притязаний продемонстрировали дагестанцы и в профессионально-трудовой сфере. Это выяснялось посредством анализа ответов на вопрос о готовности идти на жертвы и преодолевать трудности ради достижения своих целей. Минимально стремление жертвовать выражалось респондентами в тех случаях, когда им предлагалось терпеть на работе грубость, унижения, оскорбления (80,6 %), отказаться от своих принципов (63,8 %), работать в условиях вредных для здоровья (58,2 %). В то же время выявлена высокая степень готовности осваивать новую профессию, переучиваться (67,1 %), выполнять работу

* Составлено авторами.

с повышенной ответственностью (54,8 %), часто жертвовать ради работы своим свободным временем и отдыхом (34,1 %).

Таким образом, жители Дагестана приемлют те трудности, характер которых соответствует их общей ориентации на высокий материальный достаток и на получение должностной и профессионально-трудовой квалификации, способствующей тому, чтобы занять более высокий социальный статус.

В целом, можно сделать вывод, что жители Дагестана в наибольшей степени придерживаются ценностей семейного и материального благополучия. Стремление улучшить свое благосостояние и благосостояние своей семьи стимулирует формирование профессионально-трудовых ориентаций, предусматривающих наличие стабильной, постоянной, хорошо оплачиваемой работы с перспективами карьерного роста.

В то же время мнения и оценки опрошенных нами людей и экспертов снова подтверждают, что по многим показателям, характеризующим уровень и качество жизни, Дагестан существенно отстает от среднероссийского уровня. Сложившееся социальное расслоение и региональное неравенство оцениваются как социальная несправедливость, могут рассматриваться как один из основных факторов общественно-политической нестабильности. Соответственно, нужны более действенные и эффективные меры, способствующие сохранению человеческого капитала и созданию благоприятных условий жизни для населения Дагестана.

Список литературы / References

Абдулманатов, П. Г. (2019). Социально-экономические трансформации в регионах Северо-Кавказского федерального округа России под воздействием внешних факторов. *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 1(99). С. 88-96. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-1-88-96.

Abdulmanapov P. G. (2019). Socio-economic Transformations in the Regions of the North Caucasus Federal District of Russia under the Influence of External Factors. *Regional Problems of Transforming the Economy*. Vol. 99. no. 1. pp. 88-96. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-1-88-96. (In Russ.)

Ахмедуев, А. (2018). Концептуальные основы новой стратегии социально-экономического развития Дагестана [Электронный ресурс]. *Дагестанская правда: сетевое издание*. № 269-270. URL: <http://dagpravda.ru/ekonomika/konceptualnye-osnovy-novoj-strategii-socialno-e-konomicheskogo-razvitiya-dagestana/> (дата обращения: 15.03.2021).

Akhmeduev, A. (2018). Conceptual Foundations of the New Strategy of Socio-economic Development of Dagestan [Online]. *Dagpravda.ru*. no. 269-270. Available at: <http://dagpravda.ru/ekonomika/konceptualnye-osnovy-novoj-strategii-socialno-e-konomicheskogo-razvitiya-dagestana> (Accessed: 15 March 2021). (In Russ.)

Бийжанова, Э. К. (2016). Угрозы безопасности в Северокавказском регионе в экспертных оценках. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2016. № 3(38). С. 38-44.

Biyzhanova, E. K. (2016). Border Security in the North Caucasus Region: the Opinion of Experts. *Ojkumena. Regional Reserchers*. Vol. 38. no. 3. pp. 38-44. (In Russ.)

Литвинова, Т. Н. (2018). Доверие власти как предпосылка согласия в обществе (на примере Северо-Кавказских республик Российской Федерации). *Политика и общество*. № 3. С. 35-51. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.3.25690.

Litvinova, T. N. (2018). Trust in the Authorities as a Prerequisite for Consent in Society (on the Example of the North Caucasus Republics of the Russian Federation). *Politics and Society*. no. 3. pp. 35-51. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.3.25690. (In Russ.)

Макурин, А. (2021). Мечтать не бедно. *Аргументы и факты*. № 10(2103) (10-16 марта 2021 г.). С. 3.

Makurin, A. (2021). Dream is not Poor. *Argumenty I Fakty*. Vol. 2103. no. 10 (10-16 March 2021). p. 3. (In Russ.)

Мирошниченко, Р. В., Лукьянова, А. Ю., Федорова, С. А., Недвижай, С. В. (2019). Современная миграционная ситуация в приграничных регионах Северного Кавказа: анализ состояния и перспективы развития. *Сегодня и завтра российской экономики*. № 95-96. С. 22-33. DOI: 10.26653/1993-4947-2019-95-96-02.

Miroshnichenko, R. V., Lukyanova, A. Yu., Fedorova, S. A., Nedvizhay, S. V. (2019). The Current Migration Situation in the Border Regions of the North Caucasus: Analysis of the State and Prospects of Development. *Today and Tomorrow of the Russian Economy*. no. 95-96. pp. 22-33. DOI: 10.26653/1993-4947-2019-95-96-02. (In Russ.)

Не рай: почему регионы СКФО оказались в конце рейтинга лучших для жизни (дата публикации: 21.07.2020). [Электронный ресурс]. РБК: [веб-сайт]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/21/07/2020/5f16cc2f9a7947360f0448bc> (дата обращения: 15.03.2021).

Not a Paradise: Why the Regions of the North Caucasus Federal District Were at the End of the Rating of the Best for Life. (2020). [Online]. *RBC.ru*. Available at: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/21/07/2020/5f16cc2f9a7947360f0448bc> (Accessed: 15 March 2021). (In Russ.)

Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. (2020). [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hcK9ATxq/Reg_sub20.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

Regions of Russia. Basic Characteristics of the Subjects of the Russian Federation. (2020). [Online]. *Rosstat.gov.ru*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hcK9ATxq/Reg_sub20.pdf (Accessed: 10 March 2021). (In Russ.)

Рейтинг регионов по качеству жизни – 2020 [Электронный ресурс]. РИА Рейтинг: [веб-сайт]. URL: <https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Rating of Regions by Quality of Life – 2020 [Online]. *RIArating.ru*. Available at: <https://riarating.ru/regions/20210216/630194647.html> (Accessed: 12 March 2021). (In Russ.).

Рейтинг регионов по доходам населения (дата публикации: 07.07.2020) [Электронный ресурс]. *РИА Новости*. [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20200706/1573773182.html> (дата обращения: 15.03.2021).

Rating of Regions by Population Income. (2020). [Online]. *RIA.ru*. Available at: <https://ria.ru/20200706/1573773182.html> (Accessed: 15 March 2021). (In Russ.)

Сигарева, Е. П., Сивоплясова, С. Ю., Муртузалиев, С. И. (2018). Особенности брачных, семейных и миграционных намерений современной молодежи российского Кавказа. *Социодинамика*. № 11. С. 33-44. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.11.27735

Sigareva, E. P., Sivoplyasova C. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018). Features of Marriage, Family and Migration Intentions of Modern Youth of the Russian Caucasus. *Sociodynamics*. no. 11. pp. 33-44. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.11.27735. (In Russ.)

Соколов, Д. В. (2018). Социологический анализ социально-гуманитарной сферы на Северном Кавказе (на примере состояния медицины в Дагестане). *Пути к миру и безопасности*. № 1(54). С. 207-222. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-207-222

Sokolov, D. V. (2018). A Sociological Analysis of Socio-humanitarian Sphere in the North Caucasian Region: the State of Medicine in Dagestan. *Pathways to Peace and Security*. Vol. 54. no. 1. pp. 207-222. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-207-222. (In Russ.)

Среднедушевые доходы населения по субъектам Российской Федерации (дата публикации: 03.03.2020) [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*. [веб-сайт]. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.03.2021).

Average per capita income of the population in the subjects of the Russian Federation. (2020). [Online]. *Rosstat.gov.ru*. Available at: <https://www.gks.ru/folder/13397> (Accessed: 5 March 2021). (In Russ.)

Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года [Электронный ресурс]. *Министерство экономики и территориального развития Республики Дагестан*. [веб-сайт]. URL: <http://www.minec-rd.ru/dagestan-2025> (дата обращения: 15.03.2021).

Strategy of socio-economic development of the Republic of Dagestan until 2025. [Online]. *Minec-rd.ru*. Available at: <http://www.minec-rd.ru/dagestan-2025> (Accessed: 15 March 2021). (In Russ.)

Яницкий, М. С. (2002). Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностей структуры массового сознания. *Сибирская психология сегодня*. Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 189-195.

Yanitsky, M. S. (2002). The Modification of the Methodology of R. Inglehart for the Study of the Values of the Structure of Mass Consciousness. In Yanitsky, M. S. (ed.). *Siberian Psychology Today*. Kemerovo. pp. 189-195.

Сведения об авторах / Information about the authors

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Адиев Асланбек Залимханович – кандидат политических наук, ученый секретарь Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 45, e-mail: khalid_84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4459-7462>

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

После доработки: 26.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Vinokurova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Adiev Aslanbek – Candidate of Political Sciences, Academic Secretary at the Regional Centre of Ethnopolitical Studies, Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, 45, Gadzhieva str., Makhachkala, e-mail: khalid_84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4459-7462>

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 26.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 321.01

БИОПОЛИТИКА КАК АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (НА ПРИМЕРЕ КНР)

Н. В. Кшевин

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
Kshevin.zrb71@gmail.com

О. А. Симоненко

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
001873@pnu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию границ потенциальной применимости понятия биополитики к исследованию современных элементов государственного управления нелиберальных политических режимов на примере Китая. Показано, что понятие «биополитика» в интерпретации М. Фуко достаточно затруднительно использовать для анализа процессов в современных странах Востока по причине изначальной ориентированности понятия его на западную интеллектуальную традицию. В этой связи на основе анализа работ ряда исследователей биополитики авторы предлагают обратиться к различным стратегиям расширения понятия в целях определения наиболее подходящей из них для описания особенностей государственного управления в нелиберальных политических режимах. В данной работе авторы обращаются к примеру КНР. Отмечается, что нелиберальный политический режим современного Китая, обладает признаками биополитического государственного управления. Сделан вывод, что биополитика как технология власти над населением свойственна не только либеральным политическим режимам.

Ключевые слова: биополитика, авторитарная система государственного управления, глобализация, коммодификация, государственное управление, биотехнологии.

Для цитирования: Кшевин, Н. В., Симоненко, О. А. (2021). Биополитика как аспект государственного управления нелиберальных политических режимов (на примере КНР). *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 86-97. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.86-97.

BIOPOLITICS AS AN ASPECT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN NON-LIBERAL POLITICAL REGIMES (ON THE EXAMPLE OF THE PRC)

N. V. Kshevin

Pacific State University (Khabarovsk)
Kshevin.zrb71@gmail.com

O. A. Simonenko

Pacific State University (Khabarovsk)
001873@pnu.edu.ru

Abstract. The article focuses on the potential applicability of biopolitics to modern elements of public administration in non-liberal political regimes on the example of China. M. Foucault's biopolitics is a rather difficult concept to use for the analysis of modern countries of the East due to the initial connection of the concept to the Western intellectual tradition. Based on analysis of the various researches in biopolitics, we propose to look further into strategies for expanding the concept to determine the most suitable for the study of public administration in non-liberal political regimes on the example of the PRC. It is noted that modern China, being an example of a non-liberal political regime, has signs of biopolitical state governance. It is concluded that biopolitics as a technology of power over the population is not an exclusive part of liberal governance.

Keywords: biopolitics, authoritarian governance, globalization, commodification, public administration, biotechnology.

For citation: Kshevin, N. V., Simonenko, O. A. (2021). Biopolitics as an aspect of public administration in non-liberal political regimes (on the example of the Chinese National Republic). *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 86-97. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.86-97.

Феномен власти всегда был предметом широких дискуссий в социально-гуманитарных науках, а также в различных междисциплинарных областях. Время диктует свои правила, следуя которым социальная жизнь находится в состоянии динамической стабильности. Приходится признать, что именно капиталистическая система в ее актуальном состоянии, будучи фундаментом нашего времени, выступает в качестве первопричины для двух главных феноменов современности: глобализации и коммодификации общественной жизни.

В середине XX в. французский философ Мишель Фуко предпринял попытку объяснить значение этих тенденций для общества в целом и для каждого индивида в частности с помощью понятия биополитики – особенной технологии организации процессов управления населением. Основными исследовательскими кейсами для М. Фуко стали практики по государственному контролю над соотношением рождаемости к смертности, поддержке здравоохранения и физического здоровья граждан. Они же выступают в качестве главных маркеров, по которым можно узнать биополитику среди различных государственных проектов и инициатив [Фуко, 2010].

Благодаря любопытному стечению обстоятельств, элементы таких управленческих решений могут быть обнаружены в современном Китае, хотя несмотря на богатство примеров биополитической власти, современные исследования в области биополитики обходят Китай стороной. Подобное предубеждение может быть связано с особым статусом биополитики как способа описания систем государственного управления в преимущественно западных либерально-демократических обществах. Мы предполагаем, что сфера применения биополитических исследований намного шире, так как включает в себя и нелиберальные политические режимы. Для подтверждения данного тезиса мы предлагаем проанализировать различные стратегии расширения биополитической проблематики на предмет возможности включения элементов нелиберальной правительности – особенной управленческой рациональности, характерной для нелиберальных режимов. Понятие правительности было введено М. Фуко для описания совокупности определенных стратегий управления обществом [Фуко, 2011]. Используя современный Китай в качестве примера, мы попытаемся выяснить, действительно ли подход

нелиберальных политических режимов к управлению населением можно рассматривать в духе биополитики, или же молчание исследователей по отношению к этому кейсу оправданно?

Мишель Фуко утверждает, что биополитика начала зарождаться в XVIII – XIV вв. как особенная управленческая стратегия [Фуко, 2011]. Предпосылками для ее возникновения становятся широкое распространение государственного меркантилизма с одной стороны, и появление понятия населения с другой. По мнению М. Фуко, до этого периода власть обращалась к людям как к совокупности единичных объектов. В силу таких обстоятельств, как массовость, индустриализация и усложнение бюрократического аппарата государства, единичные объекты власти начинают проявлять эмерджентные свойства, становясь населением. Эти свойства продиктованы тем, что совокупность объектов власти теперь может быть рассмотрена как единый объект, который подвержен общим процессам жизни. Об этом сигнализирует актуализация вопросов рождаемости, смертности и здоровья в управленческой политике, которая только будет нарастать вплоть до сегодняшнего времени. Укоренение практик государственного вмешательства в хозяйственную деятельность и одновременное становление массового труда как фактора производства силами разнообразных количественных подсчетов сделало возможным обращение к совокупности граждан как к единому целому – населению.

Среди признаков биополитики можно выделить: нацеленность на управление населением как единым объектом власти, планирование на основе статистических подсчетов, проникновение в каждый аспект жизни населения. Биополитика начала развиваться из осознания того факта, что население растет подобно живому организму, а поэтому оно может быть использовано для максимизации прибыли и минимизации издержек посредством опосредованного вмешательства в естественные процессы развития. Подобное вмешательство производилось с помощью массовых проектов, таких как вакцинации, переписи населения, демографическая политика и т.д. Однако подход М. Фуко содержит существенное препятствие для нашей работы. В сущности, он ограничивает пространство применения понятия только историческими примерами социально-политического развития Европы.

В своих поздних работах М. Фуко отходит от тем, связанных с биополитикой, эта концепция не получает дальнейшего развития в трудах французского исследователя. Возможно, именно фундаментальная незавершенность биополитического проекта придала изначальный толчок появлению обширного поля биополитических исследований в современных политических и философских дисциплинах. В этом свете становится совершенно не удивительно то многообразие способов говорить о биополитике, которое мы можем наблюдать на сегодняшний день.

Можно выделить две стратегии того, как можно говорить о биополитике, чтобы включить в ее поле не только специфику западной интеллектуальной традиции, но и практику государственного управления современных стран Востока. Каждая из стратегий в некоторой степени расширяет возможности применения понятия, но делает это по-разному. Одна из них связана с обращением к технологиям, составляющим инструменты

биополитического контроля, другая – с регулированием соотношения социальной и физиологической жизни. Подробно разберем каждую из стратегий и сделаем вывод о том, какая из них наиболее подходит для исследования феномена биополитики в контексте нелиберальной правительности.

Так как одним из признаков биополитики является проникновение власти во все сферы жизни индивидов, некоторые исследователи сделали вопросы, связанные с определением специфики того, чем в случае вмешательства биополитики является собственно жизнь, центральными для своих трудов. Например, Джорджо Агамбен определяет биополитику как власть над жизнью – совокупностью социальных и физиологических параметров индивидов. [Агамбен, 2011]. Однако в отличие от М. Фуко, современный итальянский исследователь видит источник биополитики в первоначальном разделении человеческой жизни на два аспекта – физиологический и социально-политический. Подобное разделение обнаруживается везде, где имеет место феномен политики, а в интеллектуальной традиции обсуждение проблемы дихотомии начинается еще с Аристотеля. Как говорил об этом сам Фуко: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос» [Фуко, 1996]. Для французского исследователя подобное включение «природной» жизни в политическую оказывается специфическим для периода начала Нового времени. В этом моменте Д. Агамбен не соглашается с Фуко, и именно в вопросе происхождения биополитики утверждается радикальное отличие двух обозначенных нами авторов.

Для того чтобы реконструировать специфическое для Д. Агамбена понимание биополитики, следует обратиться к понятию истока, которое занимает центральное положение во всех его работах. Будучи продолжателем идей не только М. Фуко, но и таких фигур философии, как М. Хайдеггер и В. Беньямин, Д. Агамбен выводит вопрос о феномене историчности на первый план своих исследований. Суть истока заключается в особой философской позиции, согласно которой происхождение любого феномена не может быть историзировано, иначе говоря, не может быть представлено как некоторое единичное событие. Д. Агамбен переносит принцип работы понятия «исток» на анализ властных отношений в целом и биополитики в частности.

Вернемся к тому, что М. Фуко называл предысторией биополитики. По его мнению, биовласти предшествовали другие технологии управления: суверенная и дисциплинарная власть. Однако М. Фуко делает оговорку о том, что суверенные и дисциплинарные механизмы власти никуда не исчезают, просто теряют свою актуальность. Действительно, в случае дисциплинарных механизмов власти это очевидно: школы, больницы, казармы и тюрьмы никуда не исчезли, несмотря на общественные настроения, указывающие на кризис классических институтов дисциплины [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. В таком случае возникает вопрос, на каком уровне продолжает функционировать суверенная власть, главной характеристикой которой является самодержавная воля суверена в вопросах дозволения права подданным на жизнь? Именно с этого вопроса начинается биополитика Д. Агамбена.

Аристотель, чье мировоззрение выступает в качестве фундамента для всей западной традиции политики и философии, разделяет человеческую жизнь на два аспекта: *Zoe* как физиологическую жизнь и *Bios* как высшую социально-политическую жизнь. Следуя определению Аристотеля, человек является политическим животным. Именно феномен политического животного проблематизируется Д. Агамбеном [Агамбен, 2012]. Вся западная политическая традиция в вопросах философской антропологии выделяет социальную сферу как отличительный признак человека от животного. Сюда включаются возможность говорить, принимать осознанные решения и т.д. Однако в вопросах политического управления именно физиологические аспекты становятся объектом управления и властных практик. Несмотря на кажущуюся отстраненность от физиологии, надления ее низменным статусом, телесность всегда возвращается как объект власти.

Таким образом, для власти человек всегда остается в промежуточном состоянии между политическим и физиологическим, между непосредственно человеком и животным. Подобный «захват» физиологии политикой, неотъемлемо сопутствующий власти, Д. Агамбен называет биополитикой. Таким образом, основным нововведением биополитики Д. Агамбена становится ее синонимичность любому властвованию как таковому. В контексте трудов Д. Агамбена невозможно задать вопрос о времени и месте появления биополитики, так как она совпадает с властью и является внеисторичной. Д. Агамбен, так же, как и М. Фуко, приходит к подобным выводам исходя из результатов анализа западной интеллектуальной традиции. Несмотря на это, сам способ постановки вопроса о феномене властвования как таковом предполагает его универсальность.

Убедиться в том, что подобный подход к пониманию биополитики является подходящим для разных стран и культур, мы можем на примере другого современного исследователя родом из Африки – Ахилле Мбембе. Развивая идеи Д. Агамбена, А. Мбембе переносит их на историю колониальной власти и режима апартеида. Продолжая вопрос о том, в каком виде механизмы суверенной власти дошли до наших дней, А. Мбембе считает, что обычного вписывания физиологических тел в дисциплинарные диспозитивы недостаточно для понимания всего комплекса биополитической власти. Для описания того, как власть подчиняет себе физиологическую жизнь, отделяя и смешивая *Zoe* и *Bios*, вводится понятие некрополитики – силы, сообразно которой жизнь подчиняется смерти [Мбембе, 2001]. Некрополитика проявляет себя как феномен, наиболее четко являющийся себя в контексте режима апартеида. Происходит не просто разделение общественных пространств, но и разделение систем здравоохранения. Несмотря на декларирование правительством ЮАР времен апартеида равного доступа всего населения к медицине, фактически качество медицинских услуг зависело от физиологических факторов, таких как цвет кожи [Мбембе, 2015]. Для А. Мбембе это означает, что разделение на *Zoe* и *Bios* не просто осталось актуальным, но модифицировалось в вопрос о сохранении жизни. Таким образом, суверенная власть, вместе с ее функцией решать, кому следует жить, сохранила себя в качестве субъекта, определяющего разницу в уровне «заботы» в отношении различных групп населения. М. Фуко в своих лекциях упоминал, что биополитика также затрагивает ряд вопросов, связанных с институализированным расизмом, однако А. Мбембе удалось развить эту тему наиболее подробно.

Тем не менее, исследовательский жест, использованный Д. Агамбеном, ставит под вопрос целесообразность использования биополитики в подобном ключе. Если власть и биополитика синонимичны, нераздельны, то создается новая проблема. Концептуализация жизни делает определение биополитики еще более запутанным, а неразрывность связи с феноменом властвования препятствует установлению различия между биополитикой и любой другой техникой управления. Несмотря на общее достижение А. Мбембе и Д. Агамбена в вопросах исследования того, как суверенная власть продолжает производить субъектность населения через чрезвычайное положение и пространства исключения, их наработки едва ли способны помочь нам в вопросе того, как применять биополитику к исследованию феномена нелиберальной правительности. В общем и целом, определение, которое дал Д. Агамбен, расширяет понятие, но теряет в конкретике. Таким образом, или определение биополитики и ее признаков изменяется, совпадает с властью, или биополитику становится просто невозможно определить или выделить ее основные признаки.

Обращение к истоку внеисторичности власти не является единственным способом расширения применимости понятия. Как мы уже упоминали ранее, существует другая стратегия концептуализации биополитики. Вторая стратегия связана с тем, через что биополитика себя являет. М. Фуко называет биополитику технологией власти, в том смысле, что она выступает как комплекс инструментов и негласных правил по работе с населением. В таком случае, имеет смысл обратиться к ассамбляжу этих инструментов, определить их специфику и область применения.

Одной из отличительных особенностей современности являются развитые медицинские технологии. Факт того, что подобные технологии способны продлить и значительно облегчить жизнь индивида, очевиден. Тем не менее, каковы политические последствия их появления для власти? П. Рабиноу предлагает ответ на этот вопрос в духе антропологического исследования через введения понятие биосоциальности. Следуя логике рассуждения автора понятия, его содержание связано с появлением нового феномена социологии в вопросах разделения групп по признаку идентичности. [Rabinow, 2005]. Современные медицинские технологии позволяют получить информацию о происхождении человека, следуя которой люди могут ассоциировать себя с определенным происхождением, руководствуясь не генеалогической историей семьи, национальным или культурным маркерам, а сообразно той информации, которая была «добыта» из тела современной медициной. В качестве другого примера образования социальных групп на основе физиологических данных человеческих тел, П. Рабиноу приводит группы взаимопомощи людей с онкологией и других тяжело поддающихся лечению заболеваний. Так или иначе, П. Рабиноу приходит к выводу о том, что медицинские технологии стали источником новых форм идентичности, а соответственно, включаются в порядок работы той или иной власти.

Другой исследователь медицинских технологий, Н. Роуз, заявляет, что будущее, в котором технологии доступа к телесности стали главным инструментом власти, оказывается намного ближе, чем нам казалось на первый взгляд. Под биогражданством понимается совокупность информации о телесности гражданина, которая индивидуализирует его в лице самого себя и, в то же время, выступает в качестве условия бытия этого гражданина в качестве объекта власти [Rose, 2007]. По мнению Н. Роуза,

биогражданство является потенциальным примером взаимовыгодного сотрудничества между властью и индивидом: гражданин получает возможность распоряжаться полученной информацией для обеспечения безопасности своего здоровья, а государство получает способ отследить каждого гражданина в системе административного управления [Rose, Novas 2005]. Примером практической реализации элементов биогражданства можно считать повсеместное распространение феномена сбора и хранения биометрических данных.

А. Негри попытался представить цельный образ биополитики в качестве производной от биотехнологий как глобальной тенденции управления. А. Негри понимает биополитику как, в первую очередь, биополитическое производство, которое не существует отдельно от феномена труда и служит задачам оптимизации и повышению нормы прибыли. Подобная задача биополитики реализуется через вмешательство во все сферы общественной жизни, а также личной жизни индивида: «Биополитика берет под контроль управление здоровьем, гигиеной, питанием, рождаемостью, и т.д., поскольку каждая из этих различных областей вмешательства стала делом политики» [Негри, 2008]. С этим связана еще одна трансформация данной концепции. М. Фуко говорил о биополитике только в контексте ее значения для истории западного мира. А. Негри предлагает сдвинуть хронологические рамки появления биополитики с XIX до конца XX вв. Таким образом, у А. Негри биополитика связана не просто с появлением капиталистических отношений, но с обществом массового потребления. Для А. Негри индивиды, взятые как единое целое, составляют, с одной стороны, машину по производству информации, идей, идентичностей, которые могут влиять на характеристики власти, а с другой стороны, власть производит опосредованное давление на индивидов для того, чтобы привести их в норму по отношению ко всему обществу. Развивая идею о массовости как главном условии биополитики, данный исследователь утверждает, что достаточной степенью массовости может обладать только общество на современном этапе глобализации, когда движение труда и капитала становится по-настоящему глобальным явлением.

Анализируя биополитику А. Негри делает акцент не на феноменах западной интеллектуальной традиции, а на характеристиках современных капиталистических отношений, в том числе, отношений труда и капитала. А. Негри намеренно подчеркивает глобальный статус биополитики как особой практики управления и оптимизации рабочей силы посредством современных биотехнологий и коммуникационных технологий. В ситуации, когда каждый человек понимается как «живое производство», наступает эпоха коммодификации самой жизни. Из этого следует, что биополитика, согласно А. Негри, может быть только глобальной тенденцией, следовательно, она включает в себя и специфику управленческой политики незападных стран. Таким образом, стратегия по работе с биополитикой как с совокупностью технических средств, обеспечивающих непрерывность надзора и возможность необходимого вмешательства в жизнь населения как объекта власти, выглядит наиболее подходящей в целях анализа нелиберальных режимов.

Для того, чтобы проделанная работа по анализу стратегий концептуализации биополитики имела смысл, необходимо убедиться в том, что нелиберальная правительственность не противоречит самой сущности понятия. Иначе говоря, ответить на вопрос о том, насколько крепка связь между либеральной правительственностью и биополитикой? В курсе

лекций, посвященном биополитике, М. Фуко говорил преимущественно о появлении либерализма и неолиберализма. Несмотря на уточнение французского исследователя о том, что становление либерализма для него представляло интерес с точки зрения практики управления, а не политической идеологии, связанной с особым пониманием свободы, традиция смещения биополитики, либеральной экономики и идеологии либерализма успела закрепиться в исследовательском поле. Наблюдать подобное достаточно странно, так как биополитика работает с инструментами надзора и контроля, что очень тяжело связать с идеями либерализма. Французский исследователь Ж. Делез соглашается с А. Негри в вопросах определения биополитики и делает попытку описать то, как будет выглядеть грядущее биополитическое будущее, которому он дал название «общество контроля». Например, Ж. Делез описывал его элементы так: «Нет нужды обращаться к научной фантастике, чтобы представить механизм контроля, который позволял бы получить сведения о положении каждого элемента в открытом пространстве в любое мгновение, животного в заповеднике или человека в корпорации (с помощью, например, электронного ошейника)» [Делез, 2016]. Главной особенностью такого общества становится непрерывный надзор за каждым индивидом как способ максимизации биополитической власти.

Нет сомнений в том, что общество, описанное Ж. Делезом как биополитическое, противоположено идеологии либерализма. Однако если мы отвлечемся от эксцентричного описания образов механизмов контроля и вернемся к их функции, то на удивление окажется, что мы уже живем в таком обществе. Отслеживание каждого индивида реализуется через смартфон, который, в отличие от описанного Ж. Делезом «ошейника», способен собирать биометрическую информацию. Самым действенным способом отрезать неудобного гражданина от любых общественных пространств является блокировка его карточки и счетов в банке. Подобные механизмы контроля используются во всех странах, вне зависимости от их политического режима. Д. Агамбен утверждал, что фашизм приходит на смену либеральным режимам, так как именно они подготавливают технологическую базу для его прихода [Агамбен, 2011]. В таком случае, идеи либерализма в политике и экономике можно считать параллельными спутниками биополитики, но не ее неотъемлемыми элементами. Подлинным источником биополитики следует считать технологии, закрепляющие за населением статус объекта надзора. Наиболее подробно специфику связи между либерализмом и биополитикой описал Митчелл Дин в книге, посвященной правительности, еще одному термину, характерному для М. Фуко [Дин, 2016]. Применительно к феномену биополитики в контексте нелиберального правления, М. Дин заключает, что ярко выраженные элементы суверенной и дисциплинарной власти не являются препятствием для биополитических управленческих инициатив. Иначе говоря, нелиберальная правительность тоже может быть биополитичной. В качестве примера он отсылает к исследованию становления полицейского государства в Германии, проведенному М. Фуко. Из современных примеров биополитического управления М. Дин называет, в том числе, китайскую политику «одна семья – один ребенок».

Продолжая идею М. Дина о примерах биополитических проектов Китая в контексте нелиберальной правительности, перечислим основные управленческие инициативы этой страны, которые можно считать биополитическими. Для начала обратимся к 14-му пятилетнему плану. В отношении проблемы населения правительство КНР ставит такие

задачи, как повышение производительности труда, увеличение показателей образованности рабочей силы, повышение показателей чистоты воздуха и озеленения территорий. Целиком 14-й план посвящен строительству «умеренного процветающего общества» и победе над проблемой бедности. Достижение подобных целей предполагается посредством повышения таких показателей, как покупательная способность населения, квалификация работников на рынке труда и качество жизни. В нашем случае не имеет значения, доверяем ли мы результатам статистики, которые говорят об успешности выполнения плана. Нацеленность руководства КНР на улучшение качества жизни населения как средства оптимизации производства и стимуляции спроса на рынке уже сигнализирует о биополитичности управления.

Однако все еще остается открытым вопрос об особенностях биополитики в контексте нелиберальной правительности. Обратимся к практической реализации работы с населением в КНР. Примером политики контроля рождаемости является проект «одна семья – один ребенок», действовавший в 1979–2015 гг. Согласно этой политике большинству семей в Китае запрещалось иметь более одного ребенка. Нарушение предполагало штраф. Принятие этой политики связано с излишней нагрузкой на земельно-водные ресурсы, а отмена – с сокращением численности трудоспособного населения к 2013 году [Xu, 2020].

В качестве примера политики по улучшению физиологического здоровья населения можно рассмотреть инициативу «Зеленой китайской стены». На данный момент каждый гражданин законодательно обязан высаживать определенное количество деревьев в год, что способствует предотвращению опустынивания, которое значительно ухудшает здоровье жителей Китая [Jiang, 2016]. Исследовательским кейсом государственной политики по предотвращению заболеваемости являются недавние события эпидемии коронавируса. Благодаря мониторингу и отслеживанию заболевших людей через приложение Wechat стало возможным достижение баланса между трудом и самоизоляцией [Wang, Zhang et al., 2020]. В то же время, эффективность мер достигалась посредством введения ограничений на передвижения, а также через использование технологий надзора, что имело не рекомендательный, а скорее принудительный характер.

В каждом из примеров мы можем увидеть организованную государственную политику по оптимизации человеческих ресурсов, реализация которой стала возможной благодаря использованию разносторонних статистических данных и технологий по их анализу, таких как Big Data. Взаимодействие с населением каждый раз происходит как с некоторым органическим единством, а начало и конец каждого из проектов связаны с повышением эффективности труда. Следовательно, каждый из перечисленных проектов в частности, а также политику КНР в целом, следует считать биополитическими. Можно заключить, что нелиберальные политические режимы тоже могут обладать признаками биополитического управления.

Относительно вопроса о том, почему постфукольдские исследования не стремятся обращаться к нелиберальным режимам Востока, остается сказать, что это связано с направлениями развития понятия «биополитика». В большинстве случаев биополитика используется как способ описать механизмы, с помощью которых население опосредованно контролируется и принуждается властью к определенным действиям в странах, которые декларируют свободу индивида в качестве основополагающей ценности. Для политических режимов, построенных на коллективистских ценностях, подобный подход не показывает

ничего нового. В то же время связь между современными технологиями и государственной необходимостью в реализации управленческих инициатив подталкивает многие современные страны к заимствованию китайского опыта, что является достаточно проблематичной тенденцией для ряда демократических стран. Изучение успехов и неудач биополитики нелиберальной правительности в КНР способно дать ответ на вопрос о перспективах будущих точек напряжения между властью и населением современных стран. Что касается самого Китая, отвечая на вопрос о столь плотной концентрации биополитических техник власти в этой стране, пожалуй, будет недостаточно опираться только на преимущество в технологиях. У Китая нет таких технологий оптимизации управления, которых не могло бы быть у других современных стран. Разница заключается в том, что позволяет их использовать именно таким образом. Нацеленность управленческой политики на население в целях экономической оптимизации, которую М. Фуко называл одной из предпосылок биополитики, может принимать формы нелиберальной правительности в государственном управлении КНР. Более принудительный характер работы с населением, а также наличие многолетних крупных программ оптимизации отличает биополитику в Китае от западных стран с либерально-демократическими режимами. Подобное сближение интересов государственной власти и капитала делает структуру организации управления похожей на корпорацию, что является богатой почвой для биополитики как деятельности по оптимизации трудовых ресурсов. В случае нашего исследовательского кейса, в качестве потенциального трудового ресурса выступает население целой страны. Именно это следует считать главной особенностью нелиберальной биополитики Китая. Тем не менее, содержательно биополитика как технология власти по управлению населением остается неизменной.

Список литературы / References

Агамбен, Д. (2011). *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
Agamben, D. (2011). *Homo sacer. Sovereign power and bare life*. Moscow. (In Russ.)

Агамбен, Д. (2012). *Открытое*. М.: РГГУ.
Agamben, D. (2012). *The Open*. Moscow. (In Russ.)

Делез, Ж. (2016). Post Scriptum к обществам контроля. Пер. с фр. Н. Мелентьевой. [Электронный ресурс]. *Сигма*. 18.08.2016. URL: <https://syg.ma/@klimov/zhil-dieliez-obshchiestvo-kontrolia> (дата обращения: 08.05.2021).

Deleuze, G. (2016). Postscript on the Societies of Control. Transl. by N. Melentjeva. [Online]. *Sigma*. 18.08.2016. URL: <https://syg.ma/@klimov/zhil-dieliez-obshchiestvo-kontrolia> (Accessed: 8 May 2021) (In Russ.)

Дин, М. (2016). *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Дело.

Dean, M. (2016). *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Moscow. (In Russ.)

Негри, А. (2008). Труд множества и ткань биополитики. *Синий диван*. № 12. С. 80-92.

Negri, A. (2008). The Labor of the Multitude and the Fabric of Biopolitics. *Blue sofa*. no. 12. pp. 80-92. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Пер. с фр. С. Табачникова. М.: Касталь.

Foucault, M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Transl. by S. Tabachnikova. Moscow. (In Russ.)

Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. Пер. с фр. А. Дьякова. СПб.: Наука.

Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics*. Transl. by A. Dyakova. St. Petersburg. (In Russ.)

Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.

Foucault, M. (2011). *Security, territory, population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977-1978 academic year*. Transl. by V. Yu. Bystrov, N. V. Suslov, A. V. Shestakov. Moscow. (In Russ.)

Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.

Hardt, M., Negri, A. (2004). *Empire*. Moscow. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения: Философские фрагменты*. М.: Медиум.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow. (In Russ.)

Jiang, H. (2016). Taking Down the “Great Green Wall”: The Science and Policy Discourse of Desertification and Its Control in China. [Online]. *ResearchGate*. Apr. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301320576_Taking_Down_the_Great_Green_Wall_The_Science_and_Policy_Discourse_of_Desertification_and_Its_Control_in_China (Accessed: 8 May 2021).

Mbembe, A. (2001). *On the Postcolony*. California. University of California Press.

Mbembe, A. (2015). Apartheid futures. Public positions. Johannesburg: Wits Institute for Social and Economic Research. [Online]. *Central Data Catalog*. URL: <https://catalog.ihsn.org/index.php/citations/73212> (Accessed: 8 May 2021)

Rabinow, P. (2005). Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality. *Anthropologies of modernity: Foucault, governmentality, and life politics*. New Jersey. Blackwell Publishing. pp. 181-193.

Rose, N. (2007). *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Oxford. Princeton University Press.

Rose, N., Novas, C. (2005). *Biological citizenship. Global assemblages: technology, politics, and ethics as anthropological problems*. New Jersey. Blackwell Publishing. pp. 439-463.

Wang, W., Wang, Y., Zhang, X., Jia, X., Li, Y. (2020). Using WeChat, a Chinese Social Media App, for Early Detection of the COVID-19 Outbreak in December 2019: Retrospective Study [Online]. *JMIR Publications*. 15.10.2020. URL: <https://mhealth.jmir.org/2020/10/e19589/> (Accessed: 8 May 2021).

Xu, Y. (2020). One Child Policy, China. [Online]. *ResearchGate*. Apr. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340634606_One_Child_Policy_China (Accessed: 8 May 2021).

Сведения об авторах / Information about the authors

Кшевин Николай Владимирович – студент 4-го курса Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Тихоокеанская, 136, e-mail: kshevin.zrb71@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1903-1849>

Симоненко Ольга Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Тихоокеанская, 136, e-mail: 001873@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1140-9680>

Статья поступила в редакцию: 20.04.2021

После доработки: 02.06.2021

Принята к публикации: 10.06.2021

Kshevin Nikolai – student of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University, Khabarovsk, Tikhookeanskaya, 136, e-mail: kshevin.zrb71@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1903-1849>

Simonenko Olga – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Regional Studies of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University, Khabarovsk, Tikhookeanskaya, 136, e-mail: 001873@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1140-9680>

The paper was submitted: 20.04.2021

Received after reworking: 02.06.2021

Accepted for publication: 10.06.2021

УДК 316.74

IS IT POSSIBLE TO DEVELOP ENTREPRENEURSHIP AT SCHOOL?

M. Farnicka, I. Nowosad

Institute of Psychology, Zielona Góra University, Poland
m.farnicka@wpsnz.uz.zgora.pl

Abstract. Entrepreneurship will make it possible for young people to adapt to the employment market and participate in not only professional but also social and personal adult life effectively and satisfactorily. This article aimed to emphasize the way of developing entrepreneurship in the educational practice. The base of reflection as Culturally Relevant Pedagogy and Karney's definition of entrepreneurship. These approaches may open schools as environments for the coordination of all processes hidden in their culture on the way to effectiveness.

The category of entrepreneurship understood as a personal and organizational feature, an attitude, an activity mode, and a path of individual and institutional development were considered. When introducing challenges connected with the development of Entrepreneurship, some tools were described which make it possible to evaluate the changes taking place in the didactic process. This means that reflection on the process of development of must appears in various implementation spaces. It would be observable both at the level of individual development (students' and teachers' competencies), about activities undertaken within an organization, as well as changes in organizational climate and overall educational environment.

Keywords: cultural factors, innovation, entrepreneurship, school, teachers.

For citation: Farnika, M., Nowosad, I. (2021). Is it Possible to Develop Entrepreneurship at School? *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 2. pp. 98-112. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.98-112.

Introduction

The importance of developing entrepreneurship in educational institutions is associated with the dynamics of civilizational changes. Creativity and innovation have become objectives in undertaken practical or business activities, and they also determine the direction of changes in modern education. In numerous research publications on the effectiveness and development of the school, their authors discuss how the development of creativity may positively influence the quality of school and its educational offer [Robinson & Azzam, 2009]. Young people need the ability to adapt to creating living, working, and learning conditions. The literature on the subject and the guidelines of the European Union [Parlament Europejski, 2006, p.13] assume that entrepreneurship will make it possible for young people to adapt to employment markets and effectively participate in professional, social, and personal life. Moreover, some studies highlight that the most important feature of the modern human is the sentiment for the need for change (openness to change), which is manifested in demonstrating a predisposition to accept new ideas and undertake new operational methods. In this aspect, modern humans should be enterprising.

The idea that a school is a good place for entrepreneurship development is based on a *Culturally Relevant Pedagogy (CPR)* [Brown-Jeffy & Cooper, 2011, pp. 65-84.]. Model. This model indicates that education as a system has a significant relationship with its environment. The model is based on five independent, but mandatory elements. The first involves the identification of the identity of the participants in education and their culturally expected achievements. The second pillar of the presented approach is creating principles that provide equal opportunities to the participants of a given institution. The third element considers students' developmental potential when using tools and working methods, which are adequate to their developmental and psychological needs. This applies to relevant learning styles and techniques developed by teachers, as well as to skills related to motivating, engaging, cooperation, and communication. The next pillar concerns the culture of a given institution, which is manifested in its goals and values. Because specific tools are used in the context of the assumptions, relevant knowledge is transferred and its effects are evaluated. The final element is related to building relationships and atmosphere at school. One basic idea of that model may be paraphrased that the output of education depends on an adequate diagnosis of the relationship between educational institutions and their environment. In addition, this process is the basis for setting goals that could be achieved. A proper diagnosis is key to reveal suitable resources, advantages, and challenges.

In this article, entrepreneurship is understood as a personal feature, an attitude, a mode of activity, and a path of individual and institutional development is a focal point. And school is the place to develop these dimensions together with the student's interests and needs.

What is entrepreneurship? – Basic definitions

Although the literature repeatedly indicates the relationship between entrepreneurship and attitudes, skills, characteristics present in an individual, it is mainly seen as a form of work and a feature of organizations. In management theory, entrepreneurship is most often described as a personality feature. J. Kortan [1977, pp. 77-78] indicates that entrepreneurship is a behavioral model displaying a tendency to undertake new, risky and unconventional ventures, and showing initiative in their identification and implementation. In this approach, entrepreneurship can also be understood as competence or skill, which makes it possible for individuals to undertake an activity that denotes loyalty and consistency in pursuing a desired goal. Therefore, entrepreneurship [E] is not an activity in itself, but a readiness to act, resulting from a set of human personal qualities, skills and willpower to actively participate in life. It is a development-oriented activity and is characterized by innovation [1977, pp. 78-79]. Other authors stressed aspect of individual's feature (E – *dimensions in terms of activity – passivity, productivity – receptivity, E – readiness and ability to undertake, to solve new problems and use skills creatively and innovatively as well as to take advantage of emerging opportunities to flexibly adapt to the changing economic conditions*, Drucker [1992]; E ability to see needs and improve ideas, and readiness to take risks, and institutional' feature (E is a feature of an organization, a manner of its development, but also a human characteristic [Karney, 1997]).

The following categories are used to describe entrepreneurship: features, competencies, skills, attitudes and operational modes within organizations. The categories often overlap and merge. A good example would be a definition of competence found in the Dictionary of Merriam-Webster (n.d.):

“**Competences** may be understood as features related to the way of thinking, creating relationships and acting in a way that affects the functioning of individuals in their professional lives. Competence is influenced by motivation, beliefs, experience and abilities as well as emotionality. Thus, the entrepreneurial feature would contain certain specific components such as commitment, flexibility, openness, vigilance, orientation on success, orientation on tasks, search for new things, etc.”

The term *competence* [Ekel et al, 1965, p. 22] is sometimes understood in terms of attitudes. In this sense, according to the definition of the term *attitude*, entrepreneurial competence would be a reflection of one’s attitude to certain phenomena that arise throughout life based on three components: cognitive (knowledge), emotional (experience) and behavioral (operational mode).

Entrepreneurship as a competence. There are many meanings of entrepreneurial competence. One refers to specific rights to perform. Therefore, doctors’ competence is their ability to write prescriptions because they have special powers to undertake such activities. In this sense, it can be indicated that a person is competent in a specific field of entrepreneurship, for example transporting people, goods, teaching others.

Another understanding of entrepreneurial competencies can be cited after Anna Matczak [Matczak, Martowska, 2009], who indicates a degree of certainty in knowledge and skills of how to act in a given field. In this understanding, people with certain competencies know what they can do, know how to use this knowledge, can perform and are sure that they will do well in certain situations.

Entrepreneurship as a feature. The psychological approach to **features** reveals that being a common property of many people; it may constitute a basis for comparison [Nuttin, 1968, pp. 35-59, 238-286]. When comparing people, their otherness or similarity are emphasized. Individuals with common characteristics differ only in the degree of possession of these characteristics. Features are relatively constant characteristics within a tendency to specific forms of behavior, judgment or emotional reactions manifested in specific situations [Hall, Lindzey, 1990, pp. 409-410]. In this sense, according to Allport, entrepreneurship may be a central feature of an individual [Siek, 1993, p. 17]. This means that it should be treated as a certain instruction characterizing the individual’s initiatives. According to Allport, dispositions are noticeable by the environment, because they are the most important defining features. A feature understood in this way is latent, which means that it cannot be directly observed, but only indicates its relationship with the observed behavior. Entrepreneurship understood as features may manifest itself as consistency, openness, activity or creativity.

Entrepreneurship as a feature of school culture reflects the current desire to create an active and innovative school. Therefore, it is a path shared by the school community which is to ensure the creation of a certain system of interactions securing a lasting effect within a given institution.

Entrepreneurship is a skill. The categories: *competencies and skills* are very often used interchangeably as if they were synonymous. However, this is not the case. Competences and skills are different.

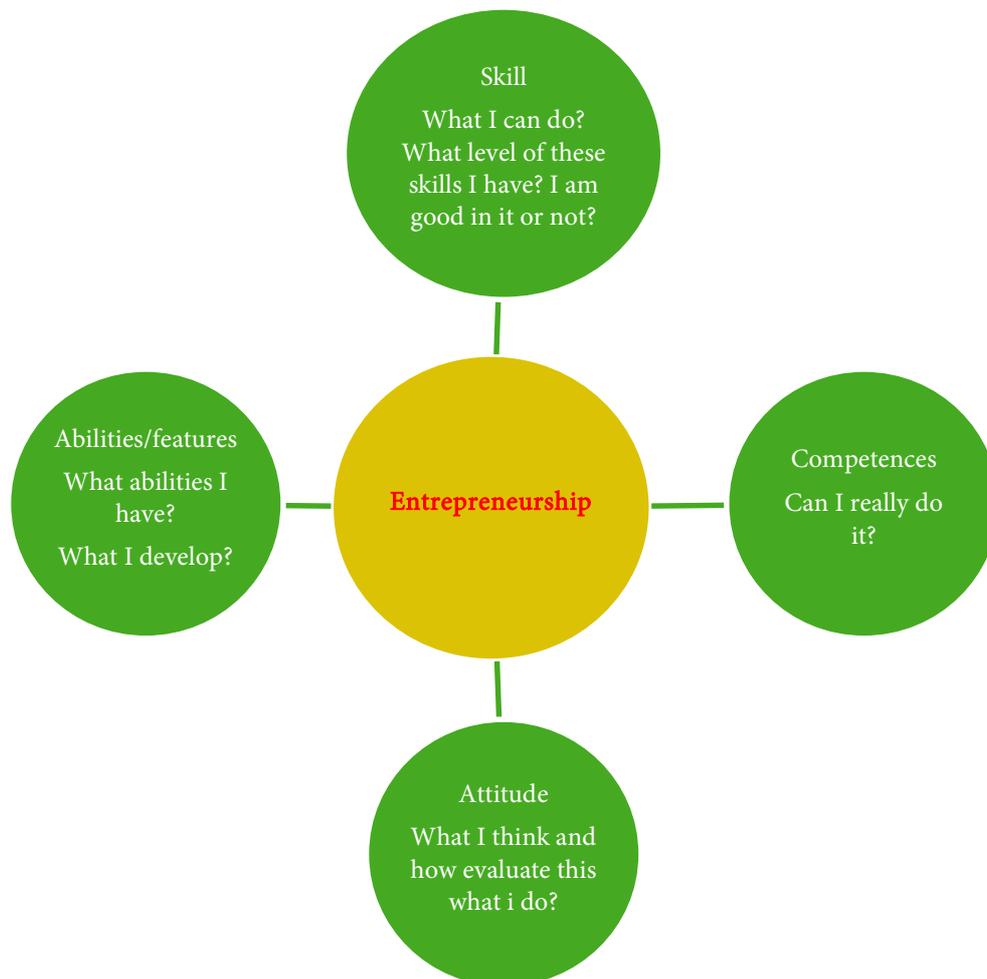
Skills are acquired through learning new things. They are relatively independent of our emotions or beliefs, although they are strongly associated with talent, features or predispositions for specific things. By investing a certain amount of energy and time, each person can acquire specific skills, although not everyone will have these skills developed at the same level. Therefore, skills can be learned based on individual potential. When using skills in entrepreneurship, the operational field is important: what am I good at? What can I do? At what level can I perform tasks, activities? In this sense, a person may have entrepreneurial skills, such as organizational skills, analytical or communication skills.

In this article, H. Karney's approach has been adopted. It indicates that entrepreneurship is a "feature of an organization, a path of its development, but also a human feature" [Karney, 1997]. Introducing challenges and some dimensions (as a tool) makes it possible to evaluate changes taking place in the didactic process. This means that reflection on the process of E development must occur in various implementation spaces. It would be observable in individual development (student's and teachers' competencies), in activities undertaken within an organization, as well as changes in organizational climate and overall educational environment.

What could be entrepreneurship in school life?

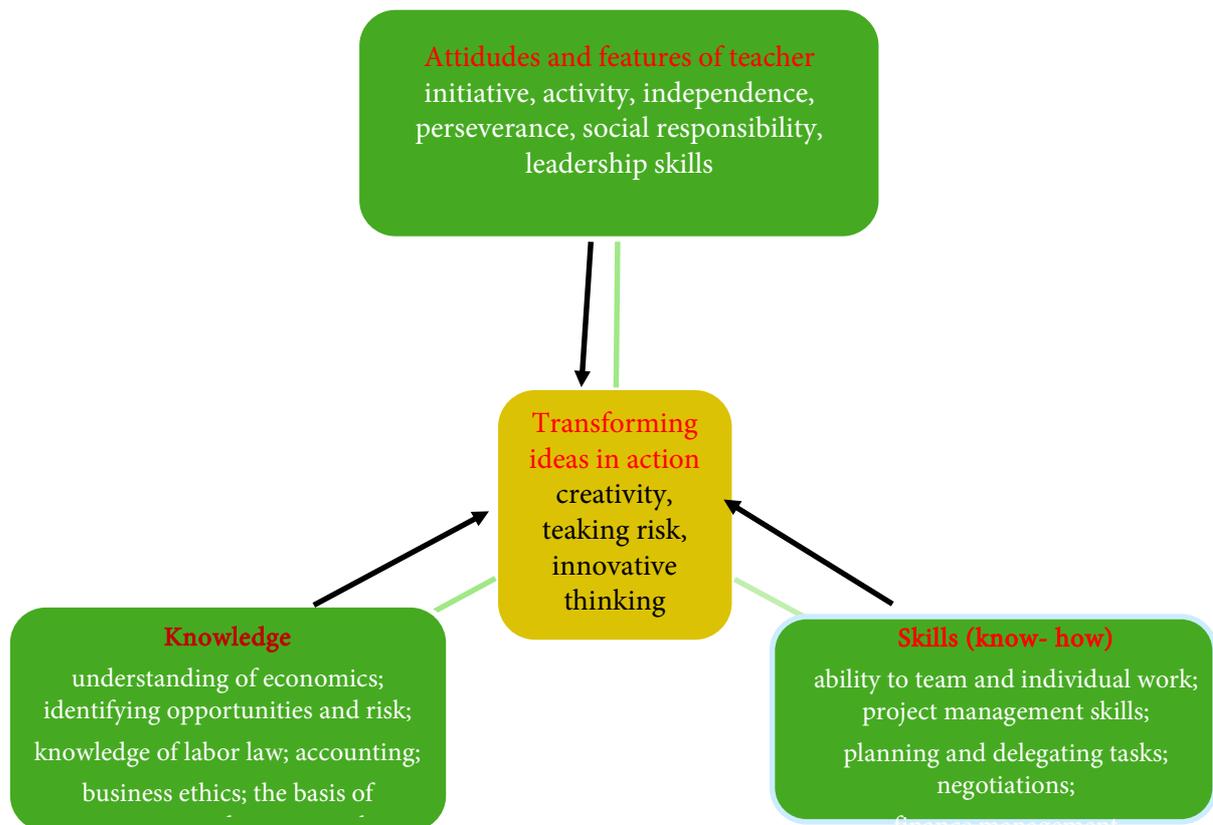
"Initiative and entrepreneurship" is one of eight key competencies defined by the European Union. According to the legislator, this competence denotes: "the ability to recognize and use opportunities, to implement ideas, to plan the process of implementation and to maintain this process to achieve goals" [Wojnarowska, 2016]. "*The Entrepreneurship Competence Framework*" defines entrepreneurship as "transversal competence which finds application in all spheres of life: from supporting personal development through active participation in social life, to (re)entering the employment market as an employee or as a self-employed individual and undertaking activities (cultural, social or commercial) within the market" [European, 2018]. In both documents, the competencies are defined as a combination of knowledge, skills and attitudes in the implementation of specific tasks.

Figure 1 schematically presents what should be considered when implementing entrepreneurship as an object of interest for educational institutions. Considering the multi-faceted and even hybrid nature of entrepreneurship, a degree of attention should be paid to the development of skills (range of features), competencies, behaviors, attitudes and effects (achievements and powers).

Fig. 1. A basic scope of tasks related to the development of entrepreneurship in educational institutions

To be more specific, in modern school, entrepreneurship combines the development of individual characteristics, acquired skills and shaped attitudes. Maria Łuczak [2013, pp. 87-120] described the development of this competence as broken down into two measurable components: knowledge and skills, and as related to individual (personal) features and attitudes. The compilation of that idea is presented in Fig. 2.

Fig. 2. Entrepreneurship as a key competence (knowledge, skills and attitudes)

Source: author's work based on Marta Łuczak, *Teacher's role in shaping pupils' entrepreneurial attitudes*.

The figure illustrates the dynamic nature of teachers' work. This work should be focused on: recognizing student attitudes, skills and abilities and forming a creative environment to activate real action (*transforming thoughts, ideas into action and product*); initiating, evaluating and supporting that process. The aim to "teach students to *transform thoughts, ideas into action and product* requires some specific knowledge, features, skills and attitudes from teachers. They are presented in Figure 2.

Is it possible to teach entrepreneurship?

Entrepreneurship is often connected with innovation and creativity. Now it is time to examine "why"?

Creativity understood as a product that is significant for society finds its exemplification in economic approaches. The economic approach to creativity focuses on three aspects – the impact of creativity on economic growth, methods of modelling creativity markets and maximizing economic creativity (innovation). Creativity leads to capital, and creative products are protected by intellectual property rights [Hargadon, Bechky, 2006]. Drucker tried to describe the "psycho-economic" model of creativity [1992]. In this model, creativity is a product of donations and active investment in creativity; the costs and benefits of introducing creative activity to the market determine the supply

of creativity. In this approach, a creative person becomes a creator of innovative products and solutions, but he/she is also a kind of “product” of the impact and investment of the society in the development of creativity. Thus, a creative product (in a dual sense as a subject – creator, and an object – the result of a creative process and a real product) is determined by the potential and conditions created by the environment (resources, technological level, values, tools), skills to control and develop creative processes, which were acquired during education, personality traits, as well as intrapsychic conditions.

A meta-analysis conducted by Loo [2017] indicates that to create new and innovative products, cognitive abilities, personality, and specialist knowledge are used. The process of creating takes place both individually and collectively, which is why in its course non-individual conditions become important. To analyze various determinants of entrepreneurship and productivity, an integrative model of creativity determinants based on the “4P” model by Rhodes is presented [Garcês, Pocinho, Jesus, Viseu, 2016; Ricards, 1999]. According to that author, creativity is a result of the interaction of an individual’s life context, his/her characteristics. The integrative model draws attention to the resources of the environment in which the features of the creative process and the specific characteristics of the product are rooted – the product that is made as a result of the creator’s activity, but also as a result of the specific process and purpose of the action. In this approach, the non-linear direction of the analysis of the creative process and its products is assumed. Each element of the model is indispensable, irreplaceable and important at any moment for the creation of an effect. Individual characteristics are based on genetic conditions, but their expression is also a manifestation of specific conditions created by the context in which a given individual lives (this applies to historical, social and family context). The interaction between these two dimensions of the determinants of creativity determines the course of the creative process as well as its product. Integrating creativity education based on Rhodes’ model focuses on developing creative capacities - skills and attitudes that contribute to imaginative, creative, and innovative thinking.

It is now recognized that innovation is not a component of creativity (and vice versa). It is believed that the difference between creativity and innovation is in their goals. Creativity is about liberating the potential of the mind to imagine new ideas. These can manifest themselves in many ways, but most often they become something that can be seen, heard, smelt, touched or tasted. Also, creative ideas can include experimental thoughts in the mind of one person. Innovation is completely measurable. It is about making changes in relatively stable systems. These changes may include producing something or making a correction in something that is already there. Identifying an unrecognized and unmet need, a person or organization uses their creative resources to introduce and test a change, i.e. innovation. It can therefore be said that creativity concerns the thinking process as well as production and implementation, while innovation uses creativity to introduce a new solution. If creativity does not include the production or implementation stage, only the characteristics of the individual or organization remain [Carlgren et al., 2016; Marshall, 2013].

Table 2

Signs of entrepreneurship at school

Dimensions of entrepreneurship	Student	Teacher	School
Planning enterprises	Initiates and implements activities for his/her development as well as the development of the school and local community	Creates conditions for ...	Awaits initiative,
The skill of setting and achieving goals	recognizes the resources and needs of the environment; shows determination and consistency towards achieving goals	creates situations for ... identifying needs and resources in the environment; is determined to bring projects to a satisfactory conclusion	is ready to send out messages about needs and is ready to accept initiatives
Activity	becomes involved in schoolwork and classwork; works with others to solve problems and achieve own goals; knows the meaning of self-government and uses it through his or her involvement	creates situations for activity; uses alternative, design and problem methods; creates situations to become involved; becomes involved, works in an interdisciplinary manner; motivates pupils to actively learn; supports pupils in difficult situations, creating an atmosphere conducive to learning competences;	creates conditions for teachers' own and pupils' activity ...
Knowledge	Knows the methods and conditions for self-development and development of own creativity	knows what entrepreneurship is; knows ethics and labor law knows the ways and conditions for developing creativity in himself and others,	creates conditions for acquiring and deepening knowledge which has a positive value

Skills	knows how to proactively manage projects; plan, organize, analyze conditions and changes, communicate, prepare reports, evaluate activities; can negotiate and present own ideas and achievements; can work individually and as a team; can recognize own strengths and weaknesses; knows how to assess risk in creativity	knows how to proactively manage projects: plan, organize, implement, divide tasks, analyze conditions and changes, communicate, prepare reports, evaluate and monitor negotiate and present own ideas and achievements; knows how to recognize weaknesses and strengths in projects; can assess risk in creativity	positively values skills; creates conditions for teachers and pupils to develop
Attitude	creative; proactive; independent; innovative;	positively values attitudes; creates conditions to pursue the attitudes; models attitudes	positively values attitudes; creates conditions for implementing teachers' and pupils' attitudes

Source: author's study based on Nowosad, Farnicka [2019].

Conclusions – Challenges to educational institutions

Based on the presented challenges and tasks related to entrepreneurship listed in the table above, the question has been asked to define elements that are necessary for educational institutions to implement tasks that develop conditions favorable to entrepreneurship. The answers will be presented according to the *CRP Model* pillars [Brown- Jeffy, Cooper, 2011].

1) identification of the identity of the participants in education and their culturally expected achievements – Do we want to teach entrepreneurship? What do we understand?

2) creating principles that provide equal opportunities to develop entrepreneurship- How do we create challenges? How do we create an environment to develop the process of changing thoughts into a product? E is not a gift so it should be a skill and attitude.

3) development of students' potential when using tools and working methods that are adequate to their developmental and psychological needs - This applies to relevant learning styles and techniques developed by teachers, as well as to skills related to motivating, engaging, cooperation and communication. How do we support teachers to be good in that field?

What social and technological potential do we have?

4) goals and values inside the school – how and what is evaluated? What kind of work/product is good and efficient?

5) relationships and atmosphere at school – How can they be achieved?

According to this assumption, the principles of environmental organization that directly supports the process of development of E at school could be established [Paulus, Dzindolet, 2008]. Following this way of thinking about entrepreneurship as an element of culture, basic conditions for its change should be indicated. The conditions for the development within institutions include:

1. Work has many stages. It has goals, creative and questioning phase, production and evaluation phases.

2. Physical learning environment allows for flexibility, so learners can work alone, in small groups, and in larger groups; they feel that they are a team, enriching the network of interpersonal relationships, increasing interaction, freedom of establishing close contacts.

3. They have tasks, plans, goals, rules of positive communication and stability and clarity of regulations.

3. Creative environment is welcoming; it is a place where learners feel safe to take risks;

4. All the time the environment itself is stimulating and may serve as a provocation for questions and investigations.

5. Learning often extends beyond the confines of the physical environment. The work finishes after real action and participants can evaluate each phase (as a process) and product at each stage and its value in the real market.

Summary

This article has implications for informal and formal lifelong learning of employees. Teaching institutions need to offer multi-disciplinary knowledge of humanities, arts and sciences, which should be reflected in course structures, teaching approaches and assessments. The article has also implications for the functioning of organizations that support and encourage collaborative work alongside individual initiatives, offer opportunities to engage in continuous professional development (formally and informally), and foster an environment that promotes experiential functioning and supports experimentation. Education focused on a specific problem-solving process, training and a specific climate conducive to creativity are essential. The presented framework is evidenced by empirical chapters on the micro-works of creative employees in the two knowledge economy sectors from global perspectives. The necessary conditions for creative work involve a supportive environment, such as an infrastructure of supportive information, communication and electronic technologies (ICET), training, work environment and education what is synergic with aspects of good conditions for learning and practice [Farnicka, Liberska 2014].

The limitation of the model

Unfortunately, according to the literature, there are two main limitations in E development: teachers and their limitations, and treating E as an apparent value and goal.

1. Teachers. To develop individual entrepreneurship, there must be a mental change, i.e. teachers must be convinced of its benefits and feel a real need for their development in this area. They must also apply it in practice after acquiring specific knowledge and skills. Currently, the manner of the development of key competencies as stipulated in the requirements for schools and educational institutions. Examples of tasks to be implemented to develop entrepreneurship as a key

competence show that its development is possible when teachers create appropriate didactic situations. Preferably, they are situations in which pupils enjoy maximum independence and take matters into their own hands. They can co-decide what they will do, set goals, plan and organize their work, cooperate with others, reflect on their actions, correct them and draw conclusions. For teachers to be able to create such opportunities there should be a change in traditional roles between pupils and teachers. This opportunity is given by various educational methods, especially a project method known as “the queen of methods”. Taking this approach as a starting point would include goal consolidation, task planning, task assignment, coordination (who, what, when, how), control and evaluation.

2. Apparent values – If the development of entrepreneurship is not to become yet another episode, there should be a change at the level of the institution, which denotes consolidation of positive evaluation of entrepreneurship and its manifestations. This applies to the declarative (regulations), organizational as well as structural and cultural layers covering the deepest levels of recognized patterns and values [Fullan, 2001; Fullan, 2003]. In addition, the development towards entrepreneurship involves a change of symbolic order: from fragmentary individualism to the culture of cooperation, which requires openness, trust and commitment. **Is it possible to develop entrepreneurship at the institutional level?**

H. Karney’s approach was adopted, indicating that entrepreneurship is a “feature of an organization, a path of its development, but also a human feature” [1997]. We are convinced that development in this direction is possible at schools. To support processes related to building an entrepreneurial culture based on the values of trust, openness and initiative, we may use a tool known as educational research in action. Introducing changes employing this tool makes it possible to evaluate changes taking place in various dimensions and at different times. This means that reflection on this process must appear in various implementation areas. It would be observable both at the level of individual development (pupils’ and teachers’ competencies), activities are undertaken within an organization, as well as changes in organizational climate and overall educational environment.

References

Абрамова, М.А., Крашенинников, В.В., Либерска, Х., Фарника, М. (2015). Трансляция культуры и/или развитие в деятельности: германо-российская и англо-саксонская модели образования. *Философия образования*. № 2 (59). С. 37-45.

Abramova M.A., Krasheninnikov V.V., Liberskaya Kh., Farnika M. (2015). Translation of culture and / or development in activity: German-Russian and Anglo-Saxon models of education. *Philosophy of education*. no. 2 (59). pp. 37-45. (In Russ.)

Каменев, Р.В., Крашенинников, В.В., Фарника, М., Абрамова, М.А. (2018). Высокие технологии и трансформация системы образования: конструктивность и деструктивность. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. Т. 8. № 6. С. 104-119.

Kamenev, R.V., Krasheninnikov, V.V., Farnika, M., Abramova, M.A. (2018). High technologies and the transformation of the education system: constructiveness and destructiveness. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. Vol. 8. no. 6. pp. 104-119. (In Russ.)

Brown-Jeffy, S., Cooper, J.E. (2011). Toward a Conceptual Framework of Culturally Relevant Pedagogy: An Overview of the Conceptual and Theoretical Literature. *Teacher Education Quarterly*. Vol. 38. no. 1. pp. 65-84.

Carlgren, L., Rauth, I., Elmquist, M. (2016). Framing Design Thinking: The Concept. In: *Idea and Enactment. Creativity and Innovation Canagement*. Vol. 25 (1), pp. 38-57. DOI: 10.1111/caim.12153.

Drucker, P.F. (1992). *Innowacja i przedsiębiorczość. Praktyka i zasady*. Transl. A. Ehrlich. Warszawa.

Drucker, P.F. (1992). *Innovation and entrepreneurship. Practice and rules*. Transl. A. Ehrlich. Warsaw. (In Polish)

Ekel, J., Jaroszyński, J., Ostaszewska, J. (1965). *Mały słownik psychologiczny*. Warszawa.

Ekel, J., Jaroszyński, J., Ostaszewska, J. (1965). *A little psychological dictionary*. Warsaw. (In Polish)

Zalecenia Rady Europejskiej w sprawie kompetencji kluczowych. (2018). *Dziennik Urzędowy Unii Europejskiej*. №4.6. C189/1-189/13. [Электронный ресурс]. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604(01)&from=EN) (дата обращения 25.01.2021).

European Ready Recommendations on Key Competences. (2018). *Official Journal of the European Union*. no. 4.6. C189/1-189/13. [Online]. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018H0604(01)&from=EN) (Accessed: 25 January 2021). (In Polish)

Farnicka, M., Liberska, H. (2014). Tworzenie środowiska sprzyjającego uczeniu się – analiza psychologiczna. *Teraźniejszość- Człowiek – Edukacja*. no. 67 (3). pp. 57-71.

Farnicka, M., Liberska, H. (2014). Creating an environment conducive to learning-psychological analysis. *The Present-Man-Education*. no. 67 (3). pp. 57-71. (In Polish)

Fullan, M. (2001). *Leading in a culture of change: being effective in complex times*. San Francisco.

Fullan, M. (2003). *Change forces with a vengeance*. London. Routledge Falmer. DOI:10.4324/9780203165805.

Garcês, S., Pocinho, M., Jesus, S.N., Viseu, J. (2016), The Impact of the Creative Environment on the Creative Person, Process, and Product. *Avaliação Psicológica*. no. 15(2), pp. 169–176.

Hall, C. S., Lindzey, G. (2001). *Teorie osobowości*. Warszawa.

Hall, C. S., Lindzey, G. (2001). *Personality theory*. Warsaw. (In Polish)

Hargadon, A.B., Bechky, B.A. (2006). When collections of creatives become creative collectives: A field study of problem solving at work. *Organization Science*. Vol. 17. no. 4. pp. 484-500. DOI:10.1287/orsc.1060.0200

Karney, H. (1997). *Psychopedagogika pracy*. Gdansk.

Karney, H. (1997). *Psychopedagogy of work*. Gdansk.

Kortan, J. (eds.) (1997). *Podstawy ekonomiki i zarządzania przedsiębiorstwem*, Wydawnictwo C. H. Beck, Warszawa.

Kortan J. (eds.) (1997). *Fundamentals of economics and business management*, Wydawnictwo C. H. Beck, Warsaw.

Loo, S. (2017), *Creative Working in the Knowledge Economy*. [Online]. Available at: <https://www.routledge.com/Creative-Working-in-the-Knowledge-Economy/Loo/p/book/9781138211391>. (Accessed: 16 May 2021).

Łuczak, M. za: Nowosad, I., Uździcki, R. (2013). Innowacje miara rozwoju szkolnej kultury przedsiębiorczości. W: Nowosad, I., Karmolińska-Jagodzik E. (red.). *Potencjał szkoły w tworzeniu więzi ze środowiskiem*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Humanistycznej im. Króla Stanisława Leszczyńskiego, Leszno. pp. 87-120.

Łuczak, M. (2013). Innovations a measure of the development of school culture of entrepreneurship. In: I. Nowosad, E. Karmolińska-Jagodzik (eds.). *The potential of the school in creating links with the environment*. Leszno. King Stanisław leszczyński WWSH in Leszno, 2013., pp. 87-120. (In Polish)

Matczak, A., Martowska, K. (2009). Instrumental and motivational determinants of social competencies. W: A. Matczak (ed.). *Determinants of social and emotional competencies*. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego.

Matczak, A., Martowska, K. (2009). Instrumental and motivational determinants of social competences. In: A. Matczak (ed.). *Determinants of social and emotional competencies*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego. (In Polish)

Marshall, D. (2013). There's a Critical Difference Between Creativity and Innovation. *Business Insider, Primed Associates*. [Online]. Available at: <https://www.businessinsider.com/difference-between-creativity-and-innovation-2013-4#ixzz2w0virpal> (Accessed: 6 May 2021).

Competence. In: *Merriam-Webster.com dictionary*. [Online]. Available at: www.merriam-webster.com/dictionary/competence. (Accessed: 1 June 2021).

Nowosad, I. Farnicka, M. (2019). Entrepreneurship at school. Is institutional development of entrepreneurship possible? In: M. Zapotoczna (ed.). *International Forum for Education*. no. 12. pp. 103-116. Toruń. Marszalek Press. DOI: 10.15804/IFforE2019.06

Nuttin, J. (1968). *Struktura osobowości*. Warszawa.

Nuttin, J. (1968). *Personality structure*. Warsaw. (In Polish)

Nuttin, J. (1968). *Personality structure*. Warsaw.

Parlament Europejski i Rada Europy z 2006 r. (Dz.U. L 394 z 30.12.2006, p. 13).

European Parliament and council of Europe, 2006 (OJ L 394, 30.12.2006, p.13). (In Polish)

Paulus, P.B., Dzindolet, M. (2008). Social influence, creativity and innovation. *Social Influence*. Vol. 3. no. 4. pp. 228–247. DOI: 10.1080/15534510802341082.

Ricards, T. (1999). *Creativity and the management of change*. Blackwell Publishers, NY.

Robinson, K., Azzam, A.M. (2009). Why creativity now? *Educational Leadership*. Vol. 67. no. 1, pp. 22–26.

Siek, St. (1993). *Wybrane metody badania osobowości*. Warszawa.

Siek, St. (1993). *Selected methods of personality testing*. Warsaw. (In Polish)

Wojnarowska, M. (2016) Kompetencje kluczowe- przygotowanie do życia. *Trendy*. no. 4. pp. 4-11. [Электронный ресурс]. URL: accessed from: http://www.bc.ore.edu.pl/Content/893/T416_Kompetencje+kluczowe_przygotowanie+do+zycia.pdf (дата обращения 20.04.2021).

Wojnarowska, M. (2016) Key competences-preparation for life. *Trends*. no. 4. pp. 4-11. [Online]. Available at: http://www.bc.ore.edu.pl/Content/893/T416_Kompetencje_key_preparation_for_life.pdf (Accessed: 20 April 2021).

Сведения об авторах

Marzanna Farnicka – Professor (Adjunct), Head of Family Psychology Unit, Institute of Psychology, Zielona Góra University, 65-417 Zielona Góra, Poland. <http://orcid.org/0000-0002-4274-1646>. E-mail: m.farnicka@wpsnz.uz.zgora.pl

Inetta Nowosad – Professor (Associate), Institute of Pedagogy, Zielona Góra University, 65-417 Zielona Góra, Poland. <https://orcid.org/0000-0002-3739-7844>. E-mail: i.nowosad@wns.uz.zgora.pl

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 26.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021

ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 342.734

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ
ИНВАЛИДОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Б. Абакумова

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск)
civilization1981@mail.ru

Аннотация. Низкий уровень занятости инвалидов в Новосибирской области показывает, что в регионе назрела необходимость в разработке дополнительных правовых инструментов, обеспечивающих реализацию права на труд данной категории граждан. Предложенные в настоящем исследовании меры по повышению занятости инвалидов опираются на практический опыт ряда субъектов Российской Федерации и других стран, а также учитывают особенности трудового потенциала лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: инвалиды, занятость, трудоустройство, квотирование рабочих мест, малый бизнес.

Для цитирования: Абакумова, Е. Б. (2021). Правовые аспекты управления сферой труда и занятости инвалидов в Новосибирской области. *Respublica Literaria*. Т. 2. №. 2. С. 113-120. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.113-120.

RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE SPHERE OF LABOR AND
EMPLOYMENT IN THE NOVOSIBIRSK REGION

E. B. Abakumova

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev
of the National guard of the Russian Federation (Novosibirsk)
civilization1981@mail.ru

Abstract. The low level of employment of disabled people in the Novosibirsk region shows that in the region there is a need to develop additional legal instruments that ensure the implementation of the right to work of this category of citizens. The measures proposed in this study to increase the employment of persons with disabilities are based on the practical experience of other subjects of the Russian Federation and countries, and also take into account the peculiarities of the labour potential of persons with disabilities.

Keywords: disabled people, employment, job quotas, small business.

For citation: Abakumova, E. B. (2021). Rights of persons with disabilities in the sphere of labor and employment in the Novosibirsk region. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 2. pp. 113-120. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.113-120.

Начиная с 2007 г. в нашей стране осуществлялась децентрализация государственного управления занятостью населения, а в 2011 г. в Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» была введена статья 7.1-1. «Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области содействия занятости населения», наделяющая регионы полномочиями по проведению активной политики содействия занятости за счет собственных средств¹. Самостоятельное управление занятостью потребовало от региональных властей поиска оптимальных мер содействия трудоустройству инвалидов с учетом региональных особенностей спроса и предложения труда.

Низкая конкурентоспособность инвалидов и погрешности в государственном регулировании занятости данной категории граждан на сегодняшний день усугубляются проблемами системного характера (общий спад производства, высвобождение работников и т. д.), еще более усложняющими их положение на рынке труда. В условиях растущей безработицы инвалиды оказываются наиболее уязвимой группой. Кроме того, по мере сокращения средних размеров предприятий (в связи с интенсификацией производственного процесса, оптимизацией штатной численности и т. д.) падает и количество квотируемых рабочих мест. Поэтому в настоящее время тема занятости инвалидов звучит наиболее остро. Можно утверждать, что от региональных властей сегодня требуется тонкая настройка рынка труда, позволяющая обеспечивать согласование интересов государства, потенциальных работодателей и самих инвалидов. При этом принципиальная важность постановки проблемы труда и занятости инвалидов заключается в возможности показать не формально декларируемые, а реально работающие подходы к ее решению.

По данным Пенсионного фонда Российской Федерации по состоянию на 1 августа 2020 г. в Новосибирской области зарегистрировано 207 тыс. инвалидов, из них 76,1 тыс. трудоспособного возраста. Из общего количества инвалидов трудоспособного возраста работают 17308 человек, что составляет порядка 22,7 %. По данному показателю Новосибирская область ниже среднероссийского уровня на 3 процентных пункта и существенно отстает от регионов-лидеров (Санкт-Петербург, Белгородская, Московская, Курская, Ленинградская, Ростовская области, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа)².

Комплекс мер по обеспечению прав инвалидов в сфере труда и занятости, реализуемый в Новосибирской области, представлен в постановлении Правительства Новосибирской области от 24 августа 2015 г. №311-п «О Порядке проведения специальных мероприятий, способствующих повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда,

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 г. №361-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: www.pravo.gov.ru. 01.12.2011.

² Сведения о численности инвалидов, в том числе работавших, по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. *Пенсионный Фонд Российской Федерации*. URL: <https://sfri.ru/analitika/rostrud/rostrud-zanyatost> (дата обращения: 20.02.2021).

в Новосибирской области»³, среди которых ключевое значение придается установлению квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов.

В соответствии с законом Новосибирской области от 12 марта 1999 г. №45-ОЗ «О социальной защите инвалидов в Новосибирской области» работодателям, осуществляющим деятельность на территории Новосибирской области, численность работников которых составляет 35 человек и более, устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере 3 % среднесписочной численности работников⁴. В случае невыполнения данных обязательств работодатель несет ответственность согласно Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.42, ст. 19.7)⁵. Контролирует исполнение требований по приему на работу граждан с ограниченными возможностями здоровья в пределах установленной квоты уполномоченный орган – Министерство труда и социального развития Новосибирской области. В 2019 г. в рамках выполнения государственной функции по контролю за приемом на работу инвалидов были проведены 87 плановых проверок работодателей Новосибирской области, в ходе которых выявилось 12 правонарушений, 7 из которых повлекли возбуждение дела об административных правонарушениях (4 предупреждения и 3 административных штрафа на общую сумму 5,6 тыс. рублей)⁶. Всего в Новосибирской области квота для приема на работу инвалидов установлена для 3,5 тыс. организаций, обеспечивающих трудоустройство более 8 тыс. работников данной категории⁷.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» для трудоустройства инвалидов в пределах установленной квоты для приема на работу инвалидов органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации устанавливается минимальное количество специальных

---

³ О Порядке проведения специальных мероприятий, способствующих повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда, в Новосибирской области: Постановление Правительства Новосибирской области от 24.08.2015 г. №311-п (ред. от 18.08.2020) [Электронный ресурс]. *Правительство Новосибирской области*. URL: <http://mtr.nso.ru/page/7898> (дата обращения: 21.02.2021).

⁴ О социальной защите инвалидов в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 12.03.1999 г. №45-ОЗ (ред. от 09.10.2019). *Советская Сибирь*. 1999. № 52.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (ред. от 31.07.2020). *Российская газета*. 2001. № 256.

⁶ Об утверждении обзора правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности министерства труда и социального развития Новосибирской области в сфере социального обслуживания, за обеспечением доступности для инвалидов объектов и социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг (при осуществлении регионального государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания), за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов по итогам 2019 года: Приказ Министерства труда и социального развития Новосибирской области от 03.03.2020 г. №171 [Электронный ресурс]. *Правительство Новосибирской области*. URL: http://mtr.nso.ru/sites/mtr.nso.ru/wodby_files/files/document/2020/03/documents/prikaz_ord_no_171_ot_03.03.2020.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

⁷ Информация об итогах деятельности министерства труда и социального развития Новосибирской области за 2019 год и задачах на 2020 год [Электронный ресурс]. *Правительство Новосибирской области*. URL: http://mtr.nso.ru/sites/mtr.nso.ru/wodby_files/files/wiki/2014/11/informaciya_ob_itogah_deyatelnosti_ministerstva_za_2019_god_0.docx (дата обращения: 21.02.2021).

рабочих мест для каждого предприятия, учреждения, организации⁸. Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов организуются работодателями с учетом нарушенных функций инвалидов и ограничений их жизнедеятельности в соответствии с требованиями, определенными Министерством труда и социальной защиты России⁹.

Обычной практикой для регионов России является установление минимального количества специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов в зависимости от среднесписочной численности работников. Однако в Новосибирской области согласно постановления Правительства Новосибирской области от 24 августа 2015 г. №311-п «О Порядке проведения специальных мероприятий, способствующих повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда, в Новосибирской области» минимальное количество специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов устанавливается Министерством труда и социального развития для каждого работодателя отдельно. К сожалению, информация о количестве специальных рабочих мест для инвалидов в Новосибирской области и соответствующий перечень работодателей на официальных сайтах Министерства труда и социального развития Новосибирской области и службы занятости Новосибирской области не представлены.

Вместе с тем, нельзя не признать, что главной проблемой в сфере занятости инвалидов является потребность данной группы работников в различного рода приспособлениях для осуществления трудовых функций. Поэтому создание (оснащение) специализированных рабочих мест является важным инструментом обеспечения реализации права инвалидов на труд. Для этих целей в большинстве регионов Российской Федерации приняты нормативные акты, направленные на стимулирование работодателей путем субсидирования создания рабочих мест, в том числе специальных для трудоустройства инвалидов (например, в Санкт-Петербурге предельный размер предоставляемой субсидии на создание одного рабочего места составляет 296 тыс. рублей, специального рабочего места – 500 тыс. рублей)¹⁰. Кроме того, во многих регионах (Алтайский край, Калининградская область, Тульская область, Ленинградская область, Москва и др.) субсидии предоставляются не только на создание (оснащение) непосредственно рабочего места, но и на создание инфраструктуры, необходимой для беспрепятственного доступа инвалидов к рабочим местам (установка пандусов на входе, расширение дверных проемов, переоборудование санитарно-бытовых помещений и т. д.)¹¹.

⁸ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 г. №181-ФЗ (ред. от 24.04.2020). *Российская газета*. 1995. № 234.

⁹ Об утверждении основных требований к оснащению (оборудованию) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности: Приказ Минтруда России от 19.11.2013 г. № 685н. *Российская газета*. 2014. № 83.

¹⁰ О предоставлении в 2020 году субсидий на финансовое обеспечение затрат по созданию, модернизации рабочих мест, в том числе специальных, для трудоустройства инвалидов, на мероприятия по обеспечению доступа инвалидов к рабочим местам и объектам производительной инфраструктуры, на образование и профессиональную подготовку инвалидов в Санкт-Петербурге: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.02.2020 г. № 70 [Электронный ресурс]. *Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга*. URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npa. 18.02.2020 (дата обращения: 21.02.2021).

¹¹ Работодателям возместят затраты, связанные с трудоустройством инвалидов [Электронный ресурс]. ИПО «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/47005906> (дата обращения: 10.02.2021).

В Новосибирской области мероприятия по содействию трудоустройству незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) или созданные для них рабочие места ранее осуществлялись в рамках «Программы дополнительных мер, направленных на оказание содействия трудоустройству незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места в Новосибирской области в 2014–2015 годах»¹², а затем – были включены в государственную программу Новосибирской области «Содействие занятости населения в 2014–2020 годах»¹³. Однако с 2016 г. проведение дополнительных мероприятий по содействию трудоустройству незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) или созданные для них рабочие места в Новосибирской области прекратилось по причине изменения Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий в сфере занятости населения¹⁴. На наш взгляд, данное решение регионального законодателя не легитимно и требует пересмотра, поскольку ст. 20 (1) законом Новосибирской области от 12 марта 1999 г. №45-ОЗ «О социальной защите инвалидов в Новосибирской области» предусмотрено, что «Областной исполнительный орган государственной власти Новосибирской области, осуществляющий государственное управление и нормативное правовое регулирование в сфере труда, занятости населения, содействует трудовой занятости инвалидов, в том числе стимулирует создание специальных рабочих мест для их трудоустройства»¹⁵. При этом опыт других субъектов Российской Федерации свидетельствует о целесообразности возмещения работодателям затрат на оборудование (оснащение) рабочих мест для трудоустройства незанятых инвалидов для обеспечения их заинтересованности в привлечении к труду данной категории работников [Сборник по трудоустройству..., 2018]. Также отметим, что в научной среде данная мера стимулирования работодателей считается одной из наиболее действенных в аспекте решения проблем трудоустройства инвалидов [Пашкова, 2018].

Поскольку предприятия не всегда могут предложить подходящее рабочее место для инвалида, законодательство ряда регионов Российской Федерации предусматривает возможность для работодателей арендовать рабочие места у других организаций для

---

¹² О Программе дополнительных мер, направленных на оказание содействия трудоустройству незанятых инвалидов на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места в Новосибирской области в 2014–2015 годах: Постановление Правительства Новосибирской области от 18.02.2014 г. № 48-п (утрачено с 01.01.2015) [Электронный ресурс]. *Правительство Новосибирской области*. URL: <http://mtsr.nso.ru/page/1243> (дата обращения: 21.02.2021).

¹³ Об утверждении государственной программы Новосибирской области «Содействие занятости населения в 2014–2020 годах»: Постановление Правительства Новосибирской области от 23.04.2013 г. № 177-п (ред. от 27.04.2020) [Электронный ресурс]. *Правительство Новосибирской области*. URL: <http://mtsr.nso.ru/page/7898> (дата обращения: 21.02.2021).

¹⁴ О предоставлении и распределении в 2016 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 155. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: www.pravo.gov.ru. 04.03.2016.

¹⁵ О социальной защите инвалидов в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 12.03.1999 г. № 45-ОЗ (ред. от 09.10.2019). *Советская Сибирь*. 1999. № 52.

трудоустройства инвалидов в счет квоты. Трудоустройство инвалидов в таких случаях, как правило, осуществляется в общественные организации инвалидов, детские сады и другие социально ориентированные организации. В Новосибирской области подобная возможность трудоустройства инвалидов не предусмотрена, что также следует признать серьезным упущением регионального законодателя.

Один из самых сложных вопросов в исследуемой теме – это неустойчивый характер занятости инвалидов. Причины увольнений могут быть различны – от сложностей адаптации в коллективе до ухудшения состояния здоровья. Но основная причина заключается в низком уровне оплаты труда инвалидов [Гурина и др., 2019]. В ряде субъектов Российской Федерации в качестве меры поддержки работодателей, принимающих на работу инвалидов, предусмотрено возмещение затрат на оплату их труда в размере МРОТ или на уплату страховых взносов, начисленных в связи с трудоустройством инвалидов (Москва, Санкт-Петербург, Астраханская область, Свердловская область, Республика Карелия, Республика Мордовия и др.). Данная мера носит временный характер и обычно ограничена 1–3 месяцами [Васильева, 2020, с. 134]. В европейских странах аналогичная поддержка может продолжаться до 5 лет, уменьшаясь постепенно в процентном отношении к заработной плате инвалида. Так, в Бельгии схема субсидирования заработной платы покрывает 40 % заработной платы в течение первого года, 30 % в следующем году, и 20 % в последующие годы [Зайцева, Курсова, 2019, с. 48].

Принимая во внимание ограниченные возможности регионального бюджета, можно предложить распространение такой меры стимулирования работодателей исключительно к сектору малого бизнеса. К тому же именно на малых предприятиях люди с инвалидностью могли бы наилучшим образом реализовать свой трудовой потенциал, учитывая его профессиональные и психофизиологические характеристики. Но поскольку требование о квотировании рабочих мест не распространяется на организации с численностью менее 35 человек, эта ниша рынка труда на сегодняшний день остается малодоступной для инвалидов. Это обстоятельство, на наш взгляд, требует рассмотрения и анализа с позиций управления рынком труда в регионе. При этом более стабильной занятости инвалидов способствовала бы не полная компенсация заработной платы в размере МРОТ на 1–3 месяца, а частичная, но на более длительный срок. К примеру: компенсация в размере 50 % МРОТ за первый год, затем – 30 % за второй, и 20 % – за третий и желательно последующие несколько лет. В этом случае предпринимателям будет выгодно принимать на работу инвалида, что без сомнения простимулирует спрос на данную категорию работников.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие заключения. Основной мерой правового обеспечения занятости инвалидов в Новосибирской области является квотирование рабочих мест. Но при этом инструменты принуждения к исполнению квот в виде государственного контроля и соответствующих штрафных санкций в текущей конструкции неэффективны. Во-первых, контроль распространяется на незначительное количество предприятий, а во-вторых, суммарный объем накладываемых на практике штрафов за неисполнение квот или непредставление отчетности составляет незначительную величину.

Стимулирование работодателей с целью найма инвалидов в Новосибирской области осуществляется в сильно ограниченном объеме по сравнению с остальными регионами Российской Федерации. При этом упор делается на информационно-координационные меры взаимодействия с работодателями (проводятся информационно-разъяснительные кампании, консультации, семинары, круглые столы, дни открытых дверей, ярмарки вакансий и т. п.), в то время как очевидным является факт, что отсутствие экономических стимулов для найма инвалидов делает невозможными кардинальные сдвиги в решении проблемы конкурентоспособности данной категории лиц на рынке труда.

Издержки работодателей, связанные с наймом работника с ограниченными возможностями здоровья, сопряжены с обустройством рабочего места, потерей рабочего времени, недополучением продукции в случае болезни или дополнительного отпуска инвалида, сниженной производительности его труда и т. д. Подобные недостатки приема на работу инвалида особенно существенны для малого бизнеса. В качестве решения проблемы нами предложено изменение правовой базы материальной поддержки предприятий, имеющих в своем штате работников-инвалидов. Наряду с возобновлением предоставления субсидий на оборудование рабочих мест для трудоустройства инвалидов в Новосибирской области, в отношении работодателей из сектора малого предпринимательства целесообразно предусмотреть еще и компенсационные выплаты на оплату труда работников с инвалидностью.

Список литературы / References

Васильева, Ю. В. (2020). Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации. *Ex jure*. № 2. С. 131-141.

Vasilieva, Yu. V. (2020). Social employment of persons with disabilities in the Russian Federation and international standards in the field of employment and employment of disabled persons: problems of implementation. *Ex jure*. no. 2. pp. 131-141. (In Russ.)

Гурина, М. А., Моисеев, А. Д., Шурупова, А. С. (2019). К вопросу о повышении уровня занятости лиц с инвалидностью в России. *Экономика труда*. № 1. С. 465-482. DOI: 10.18334/et.6.1.40450.

Gurin, M. A., Moiseev, A. D., Shurupova, A. S. (2019). To the question of increasing employment of persons with disabilities in Russia. *Ėkonomika truda*. no. 1. pp. 465-482. DOI: 10.18334/et.6.1.40450. (In Russ.)

Сборник по трудоустройству инвалидов, сформированный на основе успешно реализованных региональных практик и мероприятий, в том числе осуществляемых социально ориентированными некоммерческими организациями (2018). Сост. М. А. Дымочка, О. С. Андреева. М.

Collection on employment of disabled people, formed on the basis of successfully implemented regional practices and activities, including those carried out by socially oriented non-profit organizations. (2018). Comp. Dymochka, M. A., Andreeva, O. S. Moscow. (In Russ.)

Зайцева, Л. В., Курсова, О. А. (2019). Формы применения труда недееспособного работника. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* № 3. С. 26-51.

Zaitseva, L. V., Kurkova, O. A. (2019). Forms of application of labor of an incapacitated employee. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* no. 3. pp. 26-51. (In Russ.)

Пашкова, Г. Г. (2018). Проблемы занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации. *Вестник Томского государственного университета. Право.* № 29. С. 162-173. DOI: 10.17223/22253513/29/15.

Pashkova, G. G. (2018). Problems of employment and employment of disabled people in the Russian Federation. *Tomsk State University Journal of Law.* no. 29. pp. 162-173. DOI: 10.17223/22253513/29/15. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Абакумова Екатерина Борисовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, e-mail: civilization1981@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2340-3032>

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

После доработки: 26.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Abakumova Ekaterina – Candidate of Legal Sciences, senior researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8; associate Professor of civil law, Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, e-mail: civilization1981@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2340-3032>

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 26.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021

УДК 340.111.57

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ: СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
megadelicious@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется сущность приема юридической фикции. На основе анализа действующего гражданского законодательства Российской Федерации автором установлены способы применения юридической фикции в гражданском праве. Обосновано, что юридическая фикция находит выражение в конструкции юридического лица и институте фиктивных сделок. Прием юридической фикции применяется для распространения правового режима одного объекта на другой объект, а также правового статуса одного субъекта на другой субъект. Кроме того, юридическая фикция используется, когда необходимо преодолеть ситуацию правовой неопределенности (неизвестности), признать реальными несуществующие обстоятельства в целях восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших в результате действий недобросовестных участников гражданского оборота. Наконец, прием юридической фикции широко используется законодателем в целях юридической экономии. В результате проведенного исследования сделан вывод о значении приема юридической фикции для процесса правотворчества.

Ключевые слова: юридическая фикция, юридическое лицо, доктрина «снятия корпоративной вуали», фиктивные сделки, мнимая сделка, притворная сделка.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2021). Юридическая фикция: способы применения в гражданском праве Российской Федерации. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 121-130. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.121-130.

LEGAL FICTION: METHODS OF APPLICATION IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
megadelicious@yandex.ru

Abstract. The article examines the essence of legal fiction. Based on an analysis of the current legislation of the Russian Federation, the author has established ways of using legal fiction in civil law. It has been substantiated that legal fiction finds expression in the construction of a legal entity and the institution of fictitious transactions. Legal fiction is used to extend the legal regime of one object to another object, as well as the legal status of one subject to another subject. Legal fiction is used when it is necessary to overcome a situation of legal uncertainty, to recognize as real non-existent circumstances to restore the violated rights of persons who have suffered as a result of the actions of unscrupulous participants in civil-law transactions. Finally, the method of legal fiction is widely used by the legislator the legal economy. As a result of the study, a conclusion was made about the importance of legal fiction for the process of lawmaking.

Keywords: legal fiction, legal entity, the doctrine of "piercing the corporate veil", fictitious transactions, mock transaction, sham transaction.

For citation: Artemova, A. N. (2021). Legal fiction: methods of application in the civil law of the Russian Federation. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 121-130. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.121-130.

Юридическая фикция (от лат. *factio* – выдумка, вымысел) представляет собой прием юридической техники, используемый в правотворчестве и правоприменении, суть которого состоит в признании заведомо ложного положения истинным в целях восполнения пробелов в праве, юридической экономии, распространения одного правового режима на несколько правовых явлений.

Исторически появление фикции как приема юридической техники связано с деятельностью преторов – должностных лиц Римской республики, отвечавших за гражданское судопроизводство. Особенностью римского гражданского права (*ius civile*) являлась его консервативность, приверженность старым традициям. Вместе с тем развитие общественных отношений требовало их правового оформления в соответствии с потребностями времени. Нежелание вносить изменения в сложившееся гражданское право, с одной стороны, и необходимость разрешения споров, не подпадающих под имеющееся правовое регулирование – с другой, обусловили появление уникального средства юридической техники – юридической фикции. Претор формулировал, так называемые, фиктивные иски, формулы которых содержали «указание судье присоединить к наличным фактам определенный несуществующий факт или устранить из них какой-либо факт, а весь случай разрешить по образцу другого определенного случая» [Римское частное право, 2000, с. 32]. Таким образом, к нуждавшимся в правовом регулировании общественным отношениям посредством юридической фикции применялись нормы права, регулирующие сходные отношения. Такой прием, в силу своей простоты и эффективности, являлся одним из наиболее востребованных инструментов римской юридической техники [Ширвиндт, 2011, с. 3].

Впоследствии в результате рецепции римского права юридические фикции нашли отражение в континентальной правовой системе. Несмотря на собственные пути развития, имевшие свои особенности, англосаксонская и мусульманская правовые системы также восприняли прием юридической фикции. Как справедливо отмечает И. В. Филимонова, «к каким бы национальным правовым системам ни обращались, в какой бы то ни было промежуток времени их существования везде в том или ином виде приходится сталкиваться с юридическими фикциями» [Филимонова, 2012, с. 8]. Широкое применение юридической фикции объясняется ее простотой и эффективностью, позволяющей разрешать сложные правовые ситуации на основе имеющихся правовых средств.

Юридические фикции сохраняют свою актуальность по сей день. Нормы, построенные с использованием фикции, содержатся и в Гражданском кодексе Российской Федерации. Анализ отечественного гражданского законодательства позволяет выделить следующие способы применения юридической фикции: 1) конструкция юридического лица; 2) институт фиктивных сделок; 3) распространение правового режима одного объекта на другой объект; 4) распространение правового статуса одного субъекта на другой субъект; 5) преодоление

ситуации правовой неопределенности (неизвестности); б) признание реальными несуществующих обстоятельств (отрицание реально существующих); 7) в целях юридической экономии.

Начать следует с конструкции юридического лица (п. 1 ст. 48 ГК РФ). Этому гениальному изобретению юриспруденции мы также обязаны римскому праву. Потребность участия в гражданском обороте различных коллективных образований привела к уподоблению союза лиц единому лицу для возможности его участия в гражданском обороте как самостоятельного субъекта права, независимого от входящих в его состав членов. Значение юридического лица, этой «стройной в своей простоте конструкции» [Каминка, 2007, с. 284], для гражданского права сложно переоценить. Конструкция юридического лица позволяет отделить личность компании от личностей входящих в ее состав физических лиц для удобства участия в различных правоотношениях с другими субъектами права, объединять капиталы для совместного ведения бизнеса, инвестировать в рискованные проекты, не опасаясь отвечать в случае неудачи всем своим личным имуществом и др.

Вместе с тем при всем удобстве этой правовой конструкции нельзя забывать о том, что юридическое лицо суть «искусственное создание» [Васьковский, 2003, с. 107], правовая фикция, служащая для представления интересов физических лиц. В этой связи воля юридического лица как необходимая предпосылка приобретения и осуществления своих гражданских прав представляет собой такую же фикцию, «условность, обеспечивающую нормальное функционирование этого субъекта в гражданско-правовых отношениях» [Михалев, 2015, с. 39].

Юридическое лицо не может обладать волей, поскольку воля есть продукт психики человека, выражающийся в сознательной направленности действий для достижения определенной цели. Воля юридического лица формируется контролирующими его лицами. На данное обстоятельство указывают внимание и судьи. В частности, как было указано в одном из решений Арбитражного суда Краснодарского края, «поскольку юридическое лицо является продуктом юридической техники (правовой фикцией), волю юридического лица выражают физические лица, в пределах компетенции наделенные полномочиями по управлению его делами путем формирования группового или единоличного волеизъявления»¹.

Фиктивная сущность юридического лица и формирование его воли физическими лицами несут в себе риск использования конструкции юридического лица в противоправных целях контролирующими его лицами [Артемова, 2018, с. 101-107]. Ответом на проблему недобросовестного использования конструкции юридического лица стала доктрина «снятия корпоративной вуали», которая предполагает возможность игнорирования самостоятельной правосубъектности юридического лица в ситуациях, когда имеет место недобросовестность (злоупотребление правом) [Артемова, 2019, с. 36-42].

---

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 12 апреля 2021 г. по делу № А32-55241/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/47ab949a-be4e-4758-a067-a81a96a0c605/78605afb-83c8-461b-8c3f-0167a7b62077/A32-55241-2020_20210413_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.05.2021).

Верховный Суд штата Техас в решении по делу *Castleberry v Branscum* (1986 г.) выделил шесть случаев недобросовестного использования конструкции юридического лица, когда применение доктрины «снятия корпоративной вуали» оправдано: 1) когда фикция используется как средство для совершения обмана; 2) когда корпорация создана и используется как простой инструмент или бизнес-посредник другой корпорации; 3) когда к корпоративной фикции обращаются как к средству для обхода существующего юридического обязательства; 4) когда корпоративная фикция используется, чтобы установить монополию; 5) когда корпоративная фикция используется для обхода закона; и 6) когда на корпоративную фикцию опираются для сокрытия преступления или правонарушения². Результатом «снятия корпоративной вуали» может быть привлечение контролирующих корпорацию лиц к ответственности по обязательствам подконтрольной им корпорации или, наоборот, – привлечение корпорации к ответственности по обязательствам контролирующих ее лиц.

Доктрина «снятия корпоративной вуали» находит отражение и в отечественной правоприменительной практике с опорой на статью 10 Гражданского кодекса РФ, содержащую запрет злоупотребления правом. Так, Арбитражный суд Краснодарского края отметил: «правовые свойства и качества, которыми обладает один субъект – юридическое лицо, могут быть при соблюдении определенных предпосылок вменены другому субъекту – участнику юридического лица. Такой предпосылкой является явное злоупотребление гражданскими правами, действия в обход закона. Свойства юридической личности могут быть поставлены под сомнение, если единственный участник и руководитель общества, совершая недобросовестные действия, преследует удовлетворение собственных корыстных интересов»³.

Следует подчеркнуть, что сама по себе фиктивная сущность юридического лица не является противоправной. «Снятие корпоративной вуали» должно происходить только в том случае, когда имеет место злоупотребление правом при использовании конструкции юридического лица.

Что касается фиктивных сделок, данный термин использовался [Дормидонтов, 1895, с. 70] и продолжает использоваться [Бежецкий, 2011, с. 9-14] в литературе для обозначения сделок с пороком воли. К таким сделкам относятся мнимые (п. 1 ст. 170 ГК РФ) и притворные сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Как известно, сделка представляет собой волеизъявление лица, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В случае с фиктивными сделками имеет место лишь «внешняя видимость волеизъявления при фактическом отсутствии воли, характерной для совершаемой сторонами сделки» [Бобровская, Бежецкий, 2012, с. 10], имитация волеизъявления сторон для создания видимости возникновения гражданского правоотношения в отсутствие

² *Castleberry v Branscum* 721 S W 2d 271 (Tex. 1986) [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/texas/supreme-court/1986/c-4536-0.html> (дата обращения: 11.05.2021).

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06 августа 2014 г. по делу № А32-1966/2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a518ca48-f967-4086-bc08-a095f226204c/f09edd49-0da3-4644-a476-5598d3e6696f/A32-1966-2014_20140806_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

такового (мнимая сделка) или создания видимости возникновения иного правоотношения, чем то, что подразумевалось в действительности сторонами (притворная сделка). Таким образом, действительная воля сторон и их волеизъявление не совпадают.

Применительно к таким сделкам фиктивность проявляется в том, что видимость правоотношения, созданная сторонами фиктивной сделки, не соответствует действительности. Хотя внешне такие действия и отвечают требованиям закона, цели их совершения всегда противоправны. По этой причине фиктивные сделки признаются законом ничтожными: результатом совершения таких сделок выступает нарушение прав и законных интересов других участников гражданского оборота.

Так, распространенной на практике мнимой сделкой является сделка, совершенная без намерения отчуждения имущества, а направленная на вывод имущества из конкурсной массы несостоятельного должника с целью причинения вреда кредиторам. Примером может служить дело о признании недействительным договора купли-продажи транспортного средства и применении последствий признания сделки недействительной в виде возврата спорного имущества в конкурсную массу должника, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа г. Санкт-Петербург⁴. Судом было установлено осуществление цепочки сделок договоров купли-продажи автомобиля по цене значительно ниже рыночной. Стороны не смогли объяснить суду разумные экономические мотивы такого поведения. При этом на момент заключения договора купли-продажи должник был неплатежеспособным (имелись неисполненные обязательства перед банком). Суд расценил действия сторон по заключению договоров купли-продажи автомобиля в качестве спланированной схемы по выводу имущества из конкурсной массы должника и пришел к правомерному выводу о наличии оснований для признания договоров недействительными в соответствии со статьей 170 ГК РФ.

Другой целью совершения мнимой сделки может быть вывод совместно нажитого имущества из имущества, подлежащего разделу супругами. В практике Хабаровского краевого суда имеется следующее дело. В период брака супругами был приобретен автомобиль «Toyota Land Cruiser Prado». Впоследствии супруги обратились в суд для раздела совместно нажитого имущества. На момент обращения в суд автомобиль уже был продан супругом третьему лицу по договору купли-продажи. В этой связи супруга не заявляла требований в отношении данного имущества. Однако спустя полтора года истице стало известно, что автомобиль фактически остался в пользовании у ответчика. Данный факт стал основанием для обращения в суд с заявлением о признании сделки купли-продажи автомобиля недействительной для последующего обращения в суд с заявлением о включении данного автомобиля в состав совместно нажитого имущества и его раздела.

Признавая договор купли-продажи автомобиля недействительным, суд пришел к выводу о том, что сделка купли-продажи автомобиля была совершена для вида, намерение сторон направлено на достижение иных правовых последствий, а именно вывода части совместно нажитого имущества супругов из имущества, подлежащего разделу. При

---

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 июня 2020 г. по делу № А56-78684/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/df363250-c00c-4662-8bd8-a7557ef21e67/6063f1d0-8b41-4b88-b16a-a39ecd64ef6c/A56-78684-2017_20200611_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.05.2021).

совершении данной сделки воля обеих сторон не была направлена на возникновение, изменение, прекращение соответствующих гражданских прав и обязанностей, а направлена на создание у третьих лиц ложного представления о намерениях участников сделки⁵.

Примером притворной сделки может служить совершение договора купли-продажи с ценой договора на большую сумму, чем указано в самом договоре, с целью уклонения от уплаты налога на доход. Таким образом, воля сторон направлена на совершение сделки по одной цене, но эта сделка прикрывается другой – притворной сделкой на меньшую сумму.

Следующим способом использования приема юридической фикции является распространение режима одного объекта на другой. В качестве примера можно привести распространение правового режима недвижимого имущества на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. По общему правилу к недвижимым вещам относится то, что прочно связано с землей, в частности земельные участки, здания, сооружения, квартиры и т.д. (пп. 1 п. 1 ст. 130 ГК РФ). Однако пп. 2 данного пункта установлено, что к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Несмотря на то, что данные объекты очевидно не имеют прочной связи с землей, посредством юридической фикции их правовой статус приравнен к недвижимым вещам, то есть за истину принято заведомо ложное утверждение.

Законодатель применяет прием юридической фикции и в отношении субъектов права: для распространения правового статуса одного субъекта на другой. Так, лица, входящие в состав органов юридического лица (в частности, директор, генеральный директор, члены правления, дирекции, совета директоров, наблюдательного совета), обязаны действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Закрепление такой обязанности обусловлено наличием у данных лиц возможности определять действия юридического лица (формировать и выражать его волю). За нарушение данной обязанности предусмотрена ответственность: если юридическое лицо понесло убытки вследствие недобросовестных и (или) неразумных действий членов органов управления юридического лица, такие лица обязаны возместить убытки, причиненные юридическому лицу по их вине (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ).

Однако реальность такова, что определять действия юридического лица могут также лица, не входящие в состав органов управления. Такие «теневые директора» не имеют никакой формально-юридической связи с компанией, однако именно по их указанию действует члены органов управления. Данная возможность может быть обусловлена некими фактическими обстоятельствами, например, неформальными личными отношениями. Наличие у таких лиц возможности использовать корпорацию в противоправных целях и невозможность привлечь их к ответственности противоречила бы принципу равенства участников гражданского оборота. Как справедливо отмечает К. А. Михалев, «для лиц, имеющих одинаковые возможности, должны существовать одинаковые правила» [Михалев, 2015, с. 51]. Дабы восполнить данный пробел, законодатель обратился к приему юридической фикции и распространил правовой статус членов органов управления юридического лица на

---

⁵ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 05.11.2019 по делу N 33-7998/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://kraevoy--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17822525&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 11.05.2021).

лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, закрепив для таких лиц обязанность действовать в интересах корпорации разумно и добросовестно и ответственность за ее нарушение (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ).

Ситуация неопределенности имеет место, когда конкретные юридические факты, имеющие значение для осуществления лицами прав и исполнения обязанностей, неизвестны и не могут быть установлены. В этом случае законодатель прибегает к юридической фикции с целью преодоления ситуации неопределенности и признает в качестве истины положение, которое в реальности таковым не является. Так, в соответствии, п. 3 ст. 45 ГК РФ днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. Объявление гражданина умершим является юридическим фактом, который служит основанием для прекращения брака (п. 1 ст. 16 СК РФ) и открытия наследства (ст. 1113 ГК РФ). Таким образом, применение юридической фикции в данной ситуации позволяет гражданам реализовать свои права на прекращение брака и вступление в наследство в условиях, когда установить настоящий день смерти гражданина не представляется возможным.

Фикция может использоваться также для признания определенных обстоятельств, несуществующих в действительности, существующими и наоборот в целях восстановления нарушенной справедливости. Так, п. 3 ст. 157 ГК РФ предусмотрено правило, в соответствии с которым условие, в зависимость от которого стороны поставили возникновение или прекращение прав и обязанностей, признается наступившим, если его наступлению недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно. Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. Подобные фикции получили распространение в обязательственном праве, основанном на принципе добросовестного исполнения обязательства. В силу п. 3 ст. 307 ГК РФ стороны обязаны действовать добросовестно как при установлении и исполнении обязательства, так и после его прекращения, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства. В этой связи недобросовестность одной стороны дает основание для применения фикции, позволяющей восстановить права другой стороны.

Наконец, к приему юридической фикции законодатель прибегает в целях юридической экономии. Так, фикции получили широкое распространение в нормах, регулирующих сроки в гражданском праве. Например, если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на такой месяц, в котором нет соответствующего числа, то срок истекает в последний день этого месяца (п. 3 ст. 192 ГК РФ). В качестве примера использования юридической фикции в целях юридической экономии можно привести также положение п. 2 ст. 1114 ГК РФ, в соответствии с которым граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно. Целесообразность закрепления такого правила обусловлена тем, что установить конкретный момент смерти на практике не всегда возможно. В этой связи признание факта одновременной смерти лиц,

которые в действительности могли погибнуть с разницей в несколько минут, позволяет избежать возможных споров, связанных с определением наследственного правопреемства лиц, умерших в один и тот же день.

Приведенные примеры – лишь часть огромного массива юридических фикций, находящихся закрепление в гражданском праве России. Вместе с тем они наглядным образом демонстрируют тот мощный потенциал, который заложен в юридических фикциях. Значение приема юридической фикции для правотворчества сложно переоценить. Благодаря юридическим фикциям законодатель преодолевает ситуацию правовой неопределенности, когда она выступает препятствием к регулированию общественных отношений; экономит юридические средства, достигая нужного правового результата с минимальными усилиями; восполняет пробелы в праве, являющиеся неизбежным результатом развития общественных отношений; защищает права лиц, пострадавших в результате недобросовестного поведения других участников гражданского оборота. Таким образом, юридическая фикция служит надлежащей реализации назначения гражданского права в современном обществе.

Список литературы / References

Артемова, А. Н. (2019). Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию. *Юрист*. № 11. С. 36-42. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-11-36-42

Artemova, A. N. (2019). The doctrine of lifting the corporate veil as a response to the abuse of right by entities controlling a corporation. *Jurist*. no 11. pp. 36-42. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-11-36-42 (In Russ.)

Артемова, А. Н. (2018). Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали». *Российский юридический журнал*. № 1. С. 101-107.

Artemova, A. N. (2018). The fictitious nature of a legal entity as the basis for applying the doctrine of “piercing the corporate veil”. *Russian judicial journal*. no 1. pp. 101-107 (In Russ.)

Бежецкий, А. Ю. (2011). К вопросу о фиктивных сделках. *Юрист*. № 24. С. 9-14.

Bezhetkiy, A. Yu. (2011). On the issue of fictitious transactions. *Jurist*. no 24. pp. 9-14. (In Russ.)

Бобровская, О. Н., Бежецкий, А. Ю. (2012). Фиктивные сделки и их юридические последствия в группе оснований недействительности сделки. *Юрист*. № 2. С. 8-12.

Bobrovskaya, O. N., Bezheckij, A. Yu. (2012). Fictitious transactions and juridical consequences thereof in the group of grounds of invalidity of transaction. *Jurist*. no 2. pp. 8-12. (In Russ.)

Васьковский, Е. В. (2003). *Учебник гражданского права*. М. Статут.

Vaskovsky, E. V. (2003). *Textbook of civil law*. Moscow. (In Russ.)

Дормидонтов, Г. Ф. (1895). *Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций*. Казань.

Dormidontov, G. F. (1895). *Classification of the phenomena of legal life, attributed to the cases of the use of fictions*. Kazan. (In Russ.)

Каминка, И. А. (2007). *Очерки торгового права*. М. Зерцало.

Kaminka, I. A. (2007). *Essays on commercial law*. Moscow. (In Russ.)

Михалев, К. А. (2015). *Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением*. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург.

Mikhalev, K. A. (2015). *Protection of the rights of creditors of an economic society from the use of the structure of a society in contradiction with its purpose*. Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg. (In Russ.)

Римское частное право: учебник. (2000). Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. Юриспруденция.

Novitsky, I. B., Peretersky, I. S. (eds.). (2000). *Roman private law: textbook*. Moscow. (In Russ.)

Филимонова, И. В. (2012). *Юридические фикции в праве стран Запада и Востока: историческое наследие: монография*. М. Юрлитинформ.

Filimonova, I. V. (2012). *Legal fictions in the law of the countries of the West and the East: historical heritage: monograph*. Moscow. (In Russ.)

Ширвиндт, А. М. (2011). *Значение фикции в римском праве*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.

Shirvindt, A. M. (2011). *The value of fiction in Roman law*. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Артемова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 30.04.2021

После доработки: 20.05.2021

Принята к публикации: 07.06.2021

Artemova Anastasiia – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: megadelicious@yandex.ru

The paper was submitted: 30.04.2021

Received after reworking: 20.05.2021

Accepted for publication: 07.06.2021